

Архипелаг двух морей

Иванов В.Л. 1978

Это рассказ о суровой природе Новосибирских островов, об их своеобразном животном мире, о людях, которые здесь живут постоянно или временно, и их работе, о проблемах изучения этого архипелага, об истории его исследования.

- О книге
- От автора
- Кто открыл Новосибирские острова?
  - Криминальное начало
  - Удачи купца Ивана Ляхова
  - Матвей Матвеевич Геденштром
- Исследователи

- Экспедиция двух лейтенантов
  - «Раз ступить ногой - и умереть!»
  - Продолжатели
- Ленинград - Чокурдах - Темп
  - Длинный день в дороге
  - «Терпение - высшая добродетель полярника»
  - Населенный пункт Темп
- Остров Бельковский
  - Первый день: встречи и воспоминания
  - Начало маршрута. Обед у дяди Коли
  - Моржи
  - Мыс Куб и мыс Конус. Птицы
- Вершина лета
  - Двадцать восьмое июля: Темп - Чокурдах - Темп
  - Двадцать девятое июля: туман над Темпом
  - Ночь на тридцатое июля и следующий за дней день. Поиски
  - Тридцать первое июля: полярная станция Санникова. Вершина лета
- Заповедник вымершего зверя
  - Кто они были такие?
  - Когда и как они жили?
  - Как распался «Мамонтовый материк» и существовала ли «Земля Санникова»?
  - И все-таки почему они вымерли?
- Тетрадь, найденная в охотничьей избушке
  - Текст тетради с комментариями
  - Кое-что о песцах и о том, как их добывают
  - «Наблюдения над развитием органической жизни в северных краях представляют существеннейшее значение для естественных наук»
- Осеннее кольцо
  - Отрывки из дневника
  - Река Балыктах
- Карты

- Новосибирские острова
- Северный Ледовитый океан

Источник:

Иванов В.Л. 'Архипелаг двух морей' - Москва: Мысль, 1978 - с.160

Иванов В. Л. Архипелаг двух морей

Заведующая редакцией К. О. Добронравова

Редактор М. И. Макарова

Младший редактор С. И. Ларичева

Оформление художника А. А. Соколовского

Художественный редактор С. М. Полесицкая

Технический редактор Е. А. Данилова

Корректор З. В. Одина

Фотографии К. Н. Белоусова, Д. А. Вольнова, В. Л. Иванова,

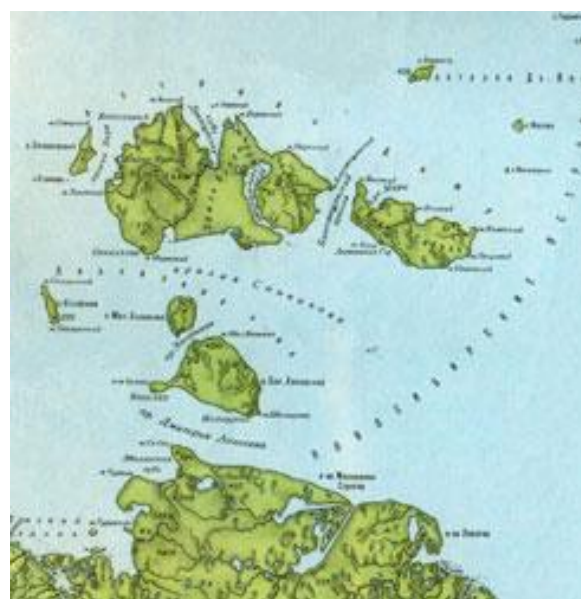
В. Ф. Непомилуева, Л. Б. Очаповского, Д. С. Сорокова

ББК 91(98) И-20

И ((20901-009)/(004(01)-79))(152-79). 1905000000

От автора

Человеку, профессионально не связанному с Арктикой, Новосибирские острова либо вовсе не известны, либо представляются краем света. Последнее справедливо в том смысле, что к северу от архипелага твердой земли нет, а только льды до самого полюса. Между тем по сравнению с другими полярными островами Советского Союза Новосибирские расположены не в таких уж высоких широтах. Самый северный из них - крошечный островок Генриетты - чуть севернее семьдесят седьмой параллели, а это южнее мыса Челюскин - крайней северной точки Евразийского материка. Впрочем, все относительно: остров Врангеля, имеющий устойчивую репутацию эталона суровости природных условий, расположен еще южнее...

Новосибирские острова

Будучи начальником комплексной геолого-геофизической экспедиции Научно-исследовательского института геологии Арктики, я проработал на Новосибирских островах три полевых сезона.

В полевом дневнике геолога принято записывать только геологические наблюдения. При этом выводы, идеи, догадки должны четко отделяться от фактов. Идеи стареют, хорошо описанный факт всегда представляет собой ценность. Ради фактов снаряжаются экспедиции и тратятся миллионы.

До Новосибирских островов я вел записи, связанные лишь непосредственно с работой. Стремление зафиксировать на бумаге события своей жизни казалось мне наивной попыткой удержать ускользающее время. Так, думал я, рачительная домохозяйка записывает расходы за день и успокаивается, если сумма истраченных денег не превышает сумму по счету. Однако количество денег от этого у хозяйки не увеличивается.

А однажды в августе - это был второй сезон моей работы на островах - я шел берегом моря близ поселка Темп, на острове Котельном. После многодневных осточертевших ветров наступил штиль, туман. Я видел только кусочек моря - несколько метров голубоватого стекла, которое едва заметно покачивалось, а на границе видимости плавал взад и вперед куличок-плавунчик. Он то быстро перебирал лапками, и головка качалась в такт движениям, то нырял, то что-то склеывал с поверхности воды. Сквозь подсвеченный солнцем туман иногда угадывался огромный силуэт судна, стоящего на рейде

Темпа под разгрузкой. И неожиданно я ощутил, что этот предвечерний час с редющим туманом, с мокрой калкой, шуршащей под резиновыми сапогами, с плавунчиком, с моим радостным предчувствием улучшения погоды - вся эта картина неизбежно уйдет, забудется. И есть только один способ попытаться удержать ее: записать на бумаге.

Несколькими днями позже, там же в Темпе, кто-то из наших геологов дал мне почитать книгу русского полярного исследователя Эдуарда Васильевича Толля «Плавание на яхте «Заря»». Я хорошо знаю геологические труды Толля, а эта книга - дневник путешествия к Новосибирским островам, начатый 21 июня 1900 года и обрывающийся 3 июля 1902 года, незадолго до гибели автора, - попала мне впервые. Книга поразила обилием заключенной в ней информации и силой эмоционального воздействия, тонкостью наблюдения естествоиспытателя, живостью описания портретов спутников по путешествию. Вдова Э. В. Толля, которой был адресован его дневник, написала в послесловии: «Для него было жизненной потребностью, даже в период величайшего трудового напряжения, отдавать себе отчет в своих действиях и мыслях, уяснять себе, откуда и куда ведет жизнь со своими трудными для разрешения задачами».

Я начал вести ежедневные записи. А они, в конце концов, привели меня к этой книге.

Сначала я думал рассказать о нашей экспедиции и показать предмет, содержание и методы геологической работы. Но оказалось, что писать о геологии в очерковом жанре мне не удастся. Я привык говорить об этом на совсем ином, профессиональном, языке и не смог преодолеть «языкового барьера». Поэтому я решил просто рассказать о том, что показалось мне во время экспедиции интересным.

Моя книга - об Арктике. Но в ней не будет ничего ни о белом безмолвии, ни об испытании льдом, ни о жизни на крайнем пределе человеческих возможностей. Я попытаюсь рассказать об Арктике, какой она открывается геологу летом, Арктике при температуре преимущественно выше нуля.

Кто открыл Новосибирские острова?

Кто открыл Новосибирские острова?

Если окинуть глазом - на глобусе, конечно, - линию побережья Восточной Сибири от Енисея до мыса Дежнева, то к северу от нее, в районе между устьем Яны и устьем Индигирки, можно увидеть архипелаг. Это и есть Новосибирские острова.

Острова отделены от материкового берега многими километрами моря и разделены между собой сетью проливов, но, взглядевшись внимательно в очертания островов и прилегающего побережья, улавливаешь несомненные черты сходства и начинаешь воспринимать все это как единое целое. Геологическая карта, если вы умеете ее читать, подтвердит, что относительно совсем недавно, уже при жизни человека, острова составляли единый массив с материком.

Новосибирские острова лежат в пределах шельфа - на плоской материковой отмели. В каком море? - может спросить читатель. Ответить одной фразой затруднительно. Можно не задумываясь сказать, что западные острова, например Бельковский или Столбовой, лежат в море Лаптевых, а остров Новая Сибирь расположен в Восточно-Сибирском море. Что же касается центральных, самых крупных островов, то их как раз и принято считать естественной границей между морями Лаптевых и Восточно-Сибирским.

Новосибирские острова принято делить на три группы. Ближе к материковому берегу, через пролив Дмитрия Лаптева, лежат Ляховские острова - Большой и Малый, разделенные нешироким проливом Этерикан, а в стороне, далеко к западу от них, - обрывистый остров Столбовой.

Севернее отделенный проливом Санникова вытянулся почти на двести пятьдесят километров с запада на восток остров, состоящий из трех отличающихся друг от друга частей, каждую из которых традиционно именуют самостоятельным островом. Западная треть называется островом Котельным, центральная - Землей Бунге, восточная - островом Фаддеевским. Почему так получилось, я расскажу дальше, а пока пусть читатель запомнит, что этот триединый остров вместе с островами Бельковским и Новой Сибирью образуют вторую группу - острова Анжу.

К северо-востоку от них, далеко в просторах Восточно-Сибирского моря, находятся крошечные скалистые островки, составляющие третью группу и называемые островами Де-Лонга (острова Беннетта, Генриетты, Жаннетты и другие).

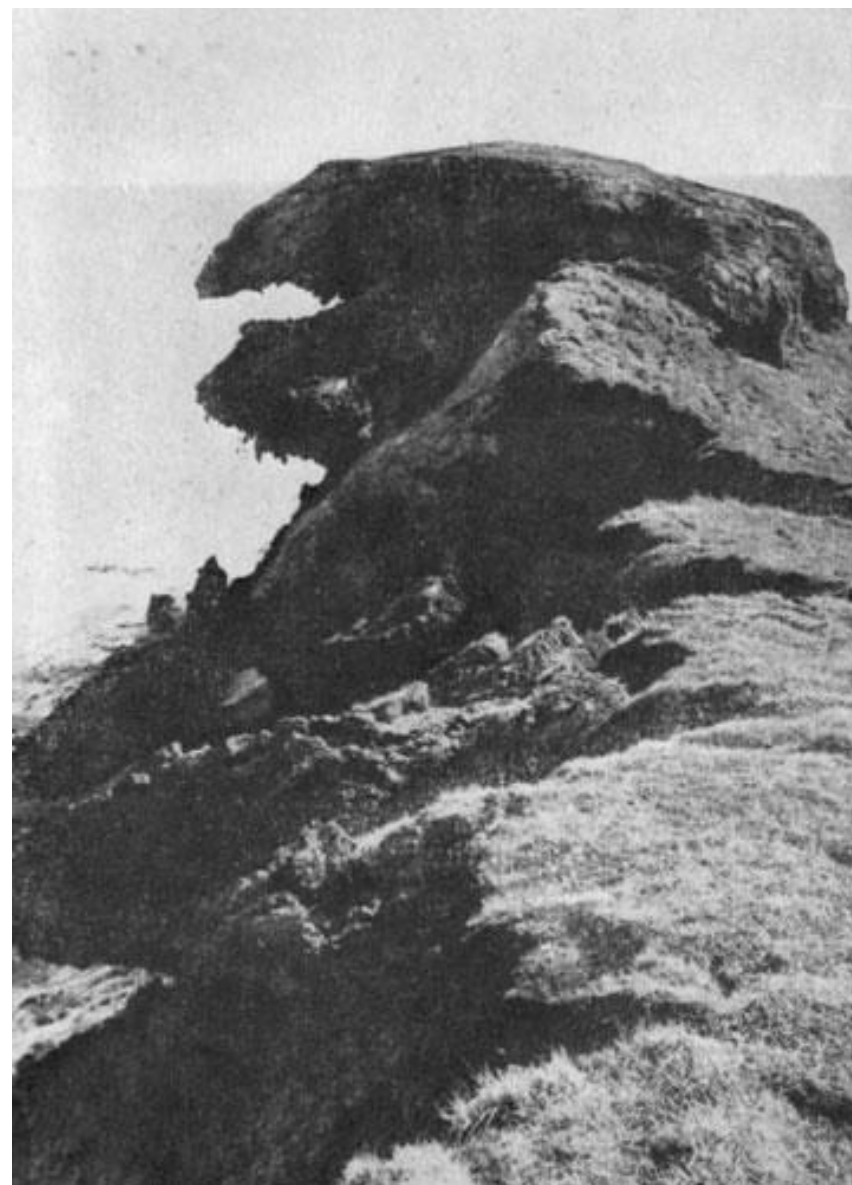
Такая система географических названий сложилась не сразу. В конце XVIII столетия, например, к группе Ляховских островов относился и остров Котельный, ныне входящий в состав островов Анжу. Позже некоторые географы называли Новосибирскими островами только острова Анжу в нашем сегодняшнем понимании. На картах конца прошлого века архипелаг Де-Лонга не включался в состав Новосибирских островов, а был обозначен как самостоятельный архипелаг. Возможно, всего этого не происходило бы, если бы все острова были открыты одновременно. Фактически же открытие растянулось на сто семьдесят лет: с 1712 (остров Большой Ляховский) до 1881 года (острова Де-Лонга).

Готовясь к экспедиции на Новосибирские острова, я начал с изучения печатных и фондовых материалов по району будущих работ. При этом первоначально я интересовался только геологическими наблюдениями и представлениями наших предшественников. Но, дальше работая в Публичной библиотеке и с архивами, я стал читать все подряд, и передо мной открылась история, полная воодушевляющих примеров мужества, стойкости духа и высоких дерзаний разума русского человека.

...Первые дошедшие до нас письменные упоминания о существовании островов в Восточном секторе Арктики относятся к XVII столетию и первой половине XVIII века - к эпохе активного освоения сибирских земель, когда честь первооткрывательства принадлежала не путешественникам-ученым, а служилым людям, казакам. «...Сибирские воеводы, ободряемые правительством, соревновали один перед другим приведением в яsak большего числа неизвестных сибирских народов, стараясь чрез то приобретать благоволение государя и славу между соотечественниками. Казаки, движимые подобным же славолубием и, может быть, корыстию, не страшась ни трудов, ни опасностей, летели по первому мановению воевод и в краткое время малым числом людей производили деяния нескольких лет и многочисленных воинов...» Так написано в «Истории плаваний Россиян из рек Сибирских в Ледовитое море», обработанной Григорием Спасским, Императорской Санкт-Петербургской академии наук корреспондентом, и изданной в 1821 году. Была, однако, еще одна причина, побуждавшая служилых людей идти в неизведанные земли: благородное человеческое стремление к познанию еще не познанного. Автор следовал стилю документов времен казачьих походов, а они писались деловым языком, без лирики. Я читал в Публичной библиотеке «Памяти» отрядам, направляемым на поиски новых островов, говоря по-современному, технические задания экспедициям. В них ставились конкретные вопросы: какие там живут люди, под чьим владением, какой веры, чем питаются, как велики те острова и каково расстояние морем от материка? Недвусмысленно была сформулирована и цель таких походов: «...тех людей призывать под его царского величества самодержавную руку в вечный ясачный платеж».

За успех обещалась милость великого государя. «А буде ты, - говорилось далее, - вышеписанного указу не исправишь, И тебе, и служилым людям за то учинена будет смертная казнь и пожитки ваши все взяты будут в казну...» Возможно, что такое наглядное сочетание материальных и моральных стимулов способствовало эффективности казачьих экспедиций.

Первым знакомым географическим объектом, который встретился мне при чтении самых старых письменных документов, связанных с историей открытия островов, был мыс Святой Нос. Мыс этот, пожалуй, самая приметная точка на всем побережье между Яной и Индигиркой. Испещренная озерами и болотами прибрежная низменность на протяжении сотен километров обрывается в сторону моря невысоким унылым берегом. Берег сложен ископаемым льдом и торфом, он разрушается, тает, оплывает в воду. Трудно найти близ моря сухую площадку, чтобы стать лагерем. И вдруг на фоне этого однообразия возникает горный кряж, хребет высотой без малого в четыре сотни метров, вдающийся в море и отгораживающий, от него Эбеляхскую губу. Это и есть мыс Святой Нос. В его береговых обрывах обнажаются граниты. Полностью окинуть обрывы взглядом можно только издали, с моря.

Это не голова древнего хищника, а торф на тающем ледяном отрыве

...На пляже бухты, под горой, сейчас разместилась полярная станция. Сюда завезли дом типа «Горизонт». «Горизонт» - это даже не дом, а целая система жилых, служебных и вспомогательных помещений, которую собирают, как детский конструктор, присоединяя блоки один к другому по потребности. Получается целый лабиринт коридоров, поднятый над землей на сваях. По таким коридорам можно ходить из одной службы в другую, не открывая дверь на улицу. Зимой это важно.

Поздним августовским вечером, заночевав на Святом Носе, я с другом пилотом Толей Галочкиным играл в бильярд в кают-компании полярки. Потом Анатолий расстелил спальный мешок прямо на зеленом сукне и лег, а я вышел покурить. Ночь была уже темной, но на фоне неба хорошо различалась черная гора, возвышающаяся над домиками полярки, а свободное ото льда штилевое море даже в темноте было голубым, и даже виднелся вдающийся в море мыс. Трудно было представить, что это о нем говорилось в «Истории плаваний Россиян...»: «Святой мыс, который, по северному его положению, от давних лет почитался мореплавателями за самое трудное и опасное место в тамошнем краю, и потому прозван Святым мысом или носом».

...В 1644 году якутский казак Михайло Стадухин вышел на Колыму. 22 апреля 1647 года, ссылаясь на рассказы промышленных людей и колымской «женки» по имени Калиба, он докладывал в Якутском остроге, что, ежели идти морем от Лены к Колыме, то «от Святого Носа на левой руке объявляется остров и горы снежные, и пади, и ручьи знатны все», и тянется тот остров против Енисейского, Тазовского и Ленского устья, называют его Новой Землей, ходят на него с Поморья, с Мезени, а по эту сторону Колымы «чухчи» зимой переезжают на оленях на тот остров одним днем.

Что же здесь правдиво, а что нет? Остров Большой Ляховский с траверза мыса Святой Нос виден лучше, чем Кронштадт - из Лисьего Носа, под Ленинградом. Отчетливо выделяется гора Эмий-Таас высотой триста одиннадцать метров, с пятнами снега даже летом. Видны долины ручьев. Но дальше у Стадухина все смешано, перепутано. Так кто открыл Новосибирские острова - Михайло Стадухин? Но он сам островов не видел. Колымская «женка» Калиба?

В Большой советской энциклопедии сказано: «Первые сведения о Новосибирских островах сообщил в начале XVIII в. казак Я. Пермяков, в 1712 г. о. Б. Ляховского достиг отряд казаков во главе с М. Вагиным».

Криминальное начало

В своей «Сказке» казак Яков Пермяков писал, что, проходя на коче (плоскодонные суда с палубой, длиной двенадцать сажен - около двадцати пяти метров, - ходили под парусами и на веслах) мимо Святого Носа, видел в море остров или землю, а есть ли на ней люди, про то-де он, Яков, подлинно не ведал. Сообщением заинтересовались. 28 января 1711 года сам сибирский губернатор князь Матвей Петрович Гагарин писал якутскому воеводе Д. А. Траурнихту: «Изволь ни мало медля посылать на тот остров». Осенью 1711 года отряд в количестве одиннадцати казаков под предводительством приказчика Меркурия Вагина вышел из Якутска с заданием «проведывать морских жилых островов против устья Яны». Яков Пермяков был назначен в отряд «вожем», то есть проводником, штурманом. В мае 1712 года отряд покинул Усть-Янск - последнюю базу на материке, предварительно взяв у «ясачных иноземцев» (местных жителей) большое количество собак и продовольствия. Три года спустя другой казак, Алексей Марков, сообщал, что в Усть-Янском зимовье у жителей собак, нарт и корму взять невозможно, ибо «преж сего Меркурей Вагин проходил...».

А осенью 1712 года уже семеро казаков, без Вагина и Пермякова, появились в Усть-Янске и рассказали, что на льду к северу от Святого Носа отряд был застигнут пургой, в которой четверо казаков без вести пропали, а остальные, пролежав неделю в торосах, возвратились назад. А острова-де не видали...

Объяснение показалось властям неправдоподобным, казаки под конвоем были доставлены в Якутск и предстали перед воеводой полковником Елчиным и дьяком Татариновым. До нас дошел уникальный документ - «Розыскное дело», своего рода стенограмма судебного процесса по обвинению семи казаков в убийстве приказчика Меркурия Вагина, его сына Михаила и его товарищей Якова Пермякова и Григория Костромина.

Судебное разбирательство проходило в четыре стадии. Сначала - «роспрос без воздействий». Потом, 11 мая, казаки были по указу великого государя «в застенке у пытки роспрашиваны порознь и пытаны... На пытке кому было 12 ударов, а кому - и 30». Затем обвиняемых пытали «вдругии» и «втретьи». Следствие установило, что в мае 1712 года казаки по льду на собаках перешли на остров (впоследствии названный Большим Ляховским) и обошли его вокруг за девять (по другим показаниям - за двенадцать) дней.

Казак Гаврило Ферапонтов рассказал: «А тот остров пустой, жилых людей и лесу нет, а зверей видели на нем одних оленей. И с того острова виден остров же не мал, и на том острове лес значит...» Алексей Дементьев дополнил: «И на том острове олени, и песцы, и волки есть, а иного зверя никакого нет. И с того-де острова видать была земля...»

Казаки видели, несомненно, остров Малый Ляховский, лежащий севернее, через неширокий (двенадцать - пятнадцать километров) пролив Этерикан. Только при чем здесь лес? Впрочем, остров был виден не слишком ясно, даже Я. Пермяков якобы пытался ту землю «потаить», говорил, что это не земля, а «пар морской». Здесь начались первые разногласия. Казаки хотели идти на новый остров, где был, как им показалось, лес. Но Меркурий Вагин, опасаясь, что пролив вскрыется (был уже конец мая или июнь) и отрежет путь назад, распорядился вернуться на материк. Он хотел перелетовать на реке Хроме, запастись там рыбой и на следующую зиму продолжить обследование островов. Однако, «ходя многие дни, Хромы-реки не сыскали, и корму не промыслили и ели собак, как собак не стало, ели мышей и всякую гадину...». Идти в начале июня было тяжело: тундра представляла собой сплошную трясику, низины заполнены снежной кашей. Ориентиров - почти никаких: восточнее Святого Носа простирается плоская низменность с множеством озер и речек, русла которых причудливо извиваются. (Года два назад экипаж вертолета Ми-4 сумел найти наш отряд, работавший у Хромской губы, только со второго захода, хотя местоположение лагеря было точкой нанесено на штурманской карте.)

Вернувшись ни с чем к морю, казаки «вознегодовали» на Вагина и, когда он с сыном и с двумя верными товарищами ушел вперед, чтобы наловить рыбы, сговорились их убить. «И нашли Меркурья на речке, и Алексей Дементьев да Василей Кисикеев Меркурья убили, а он-де, Ларион, Меркурьева сына лежащего сколол копьем, а Якова-де Пермякова убил новокрещен Борис...»

Казаки-убийцы считали свои действия справедливыми. По их показаниям, Меркурий Вагин - деспот и неумелый руководитель, доведший отряд до бедствия и голода. Трудно оценивать сегодняшними нравственными мерками событие двухсотпятидесятилетней давности. Однако есть критерий, действовавший во все времена. Это отношение человека к долгу перед Отечеством. Вагин и Пермяков исполнили свой долг до конца.

31 июля 1713 года двое казаков были повешены «при многих людях». Одного несовершеннолетнего казачонка помиловали, а остальных решено было для искупления вины направить без жалованья искать морской путь через Ламское море на Камчатку, предварительно избив кнутом нещадно, и при условии собрать «Поручную запись» не менее чем двадцати якутских жителей, «А буде они впредь в бунтовых или в воровских делах и в смертных убийствах объявятся, и за то учинена будет вместо них порутчикам смертная казнь...» Такой конкретный подход к взятию на поруки, естественно, повышал чувство ответственности у поручителей. «Дело» эпически сообщает, что «вышеписанные служилые, ходя по городу, поруки себе не сыскали».

Спустя три года после гибели Вагина казак Алексей Марков докладывал тому же полковнику Елчину, что судами идти на острова невозможно, ибо Святое море (Ледовитый океан) покрыто льдом и зимой, и летом, и что он, Марков, в марте 1715 года вышел с отрядом на собаках от устья Яны прямо на север. Шли в одну сторону семеро суток. «Торосы великие, льды давние стамые, холмы великие», но даже с тех холмов никакой земли не видели. Если Марков действительно шел строго на север от устья Яны, то остров Большой Ляховский остался далеко на востоке от маршрута. Прямо по его курсу лежал небольшой остров Столбовой, но до него от берега около трехсот километров, при такой серьезной ледовой обстановке отряд мог не дойти до Столбового или проскочить мимо...

Этим и заканчивается «казачий» этап истории открытия и освоения Новосибирских островов. Его реальный итог - открытие ближайшего к материку острова, впоследствии названного Большим Ляховским. Впрочем, известный историограф и знаток Сибири академик Г. Ф. Миллер в своем трактате о морских полярных путешествиях, изданном в 1758 году, отдает предпочтение докладу А. Маркова, полагая, что казаки М. Вагина придумали про остров в надежде заслужить себе прощение.

Удачи купца Ивана Ляхова

Полярный путешественник Фердинанд Петрович Врангель писал, что острова Большой и Малый Ляховские открыл устьянский якут Этерикан в 1759 или 1760 году.

Полумифический Этерикан - по другим сведениям, два брата с такой фамилией, взявшие с собой на зимовку женщину и из-за нее убившие друг друга (имя Этерикан сохранилось в названиях двух рек на острове Большой Ляховский и пролива между островами), - по времени относится уже к «купеческому» этапу истории освоения островов.

«Купцы Иван Ляхов, Семен и Лев Сыроватские в течение 40 лет сделали важнейшие открытия на Ледовитом море. Три Ляховские острова, Столбовой, Фаддеевский и западный берег острова, названного... Новой Сибирью, обысканы побуждением одной промышленности. Мамонтова кость и песцы, коими оные изобилуют, вознаграждали все употребленные для сего труды и убытки», - писал М. М. Геденштром, о котором речь впереди.

Иван Ляхов, развернувший промысел мамонтовой кости в северных районах, в частности между устьями Хатанги и Анабара, активно обследовал побережье в поисках новых скоплений бивней. В 1770 году, в марте, находясь у Святого Носа, Ляхов увидел картину, поразившую его воображение: большое стадо диких оленей шло по льду на материк из морской пустыни. Очевидно, где-то там была земля. Без долгих размышлений Ляхов поехал на нартах по их следу. В течение одного дня, проехав примерно семьдесят верст, он достиг острова, а назавтра, еще через двадцать верст, - второго. Следы шли далее на север, неудержимо влекли, и купец снова садится на нарты. Однако вскоре торосы преградили путь. Не будучи подготовленным к длительной поездке, И. Ляхов вынужден был вернуться. Только в 1773 году вместе с якутским купцом И. Протодьяконовым он добрался до южного берега третьего, самого большого, острова.

Предприимчивый купец сумел так «подать» перед властями результаты своих поездок, что удостоился от Екатерины II исключительного права промыслять песца и Мамонтову кость «как на сих островах, так и на тех, которые он впредь откроет», а три острова были официально названы Первым, Вторым и Третьим Ляховскими. Позже за Первым и Вторым исторически закрепились названия Большой и Малый Ляховский, а Третий стал именоваться Котельным. Основанием для последнего послужил сугубо прозаический эпизод: покидая остров, люди Ляхова забыли там медный котел. Парадоксально, но остров, действительно Открытый И. Ляховым, потерял его имя, а Ляховскими именуются острова, честь открытия которых принадлежит Я. Пермякову и М. Вагину.

От «купеческого» этапа осталось мало письменных документов. Писать бумаги было некогда: истощение угодий побуждало к поиску новых, открытия следовали одно за другим. В 1800 году Яков Санников, «передовщик» (старший) артели И. Ляхова, открыл остров Столбовой; в 1805 году он же был первым на острове Фаддеевский; в 1806 году промышленники (*Так до Октябрьской революции называли промысловиков*) купца Сыроватского вступили на западный берег Новой Сибири; в 1808 году мещанин Бельков, имевший в устье Лены, «собственное заведение для рыбной ловли», открыл остров Бельковский.

В начале прошлого столетия островов в составе Новосибирского архипелага было... больше, чем сейчас: в 1815 году якут Максим Ляхов, идя по льду с дельты Лены на Котельный и сбившись с пути, к западу от Столбового нашел острова Семеновский и Васильевский, первый длиной не менее пятнадцати километров. Сегодня этих островов нет, они были сложены ископаемым льдом и растаяли, как еще раньше растаяли острова Меркурия и Диомида в проливе Дмитрия Лаптева.

Промышленники, разумеется, не вели научных наблюдений, не занимались составлением даже самых примитивных карт (исключение составляет «Опись» острова Первый Ляховский, выполненная в 1775-1777 годах геодезии учеником Хвойновым, которая, по свидетельству Ф. П. Врангеля, «в главных размерениях острова неверна, а в частных подробностях довольно хороша»). Препятствием в деле изучения островов стало право на монопольное владение ими, позже перешедшее от Ляхова к отцу и сыну Сыроватским. Уже известные нам купец Протодьяконов и мещанин Бельков подали ходатайство о праве вести промысел на острове Котельном. Разгоревшийся конфликт дошел до министра коммерции, который затребовал сведения об островах. Представленные материалы не были сочтены

удовлетворительными. Наконец, делом заинтересовался сам государственный канцлер Н. П. Румянцев, и по его инициативе в 1808 году была организована экспедиция под началом коллежского регистратора М. М. Геденштрома.

Матвей Матвеевич Геденштром

«Мне предписано было снимать положение берегов вернейшим образом и сочинять самые приближительные карты, полагая географическую широту и долготу мест по собственным астрономическим наблюдениям, и описывать притом все предметы, относящиеся к естественной истории, и в особенности те, которые могут составить отрасль народной промышленности» - так писал в отчете М. М. Геденштром.

Геденштром не был ни профессиональным путешественником, ни ученым. До приезда в Сибирь он служил чиновником в Ревеле. Получив задание возглавить экспедицию и полагая, что знаний астрономии и математики у него недостаточно, он первым делом выписал из столицы книги по этим дисциплинам. Геденштром восхищался подвигами Ермака и его последователей, их «отчаянной дерзостью, непреодолимым мужеством и непонятной неустойчивостью», сам же был, казалось, человеком совсем иного склада - хрупким горожанином, не умевшим даже ездить верхом, что было необычно для дворянина тех лет. И, тем не менее, именно верхом он проделал первую часть своего маршрута, не менее тысячи пятисот километров, от Якутска до Усть-Янска.

Из нашего сегодняшнего обихода ушло словосочетание «покорение Севера». «Покорение» наводит на мысль об агрессии, об оккупации. Сегодня мы говорим «освоение Севера», как бы подразумевая взаимодействие двух равных, дружественных партнеров: человека и природы. Но еще менее ста лет назад писали «покорение», и это было справедливо, так как почти безоружный тогда человек выходил на борьбу с заведомо превосходящими силами Арктики. В конечном счете, покорение, или освоение, Севера, как угодно, сводилось к борьбе против холода, все остальные трудности суть производные от главного.

Так вот, группа Геденштрома двигалась в течение двух с половиной месяцев, в разгар зимы, через районы с самыми низкими на Земле, кроме Антарктиды, температурами. Позже М. М. Геденштром писал: «С грустью и робостью в душе вступает в сию мертвую страну изнеженный европеец: один долг гонит его вперед и невольно возбуждает его мужество. Но скоро привыкает он к новой жизни: человек, сотворенный для всех климатов, легко приучается сносить все ужасы природы, только бы не оставляли его бодрость духа и охота к делу».

В Усть-Янск группа прибыла 5 февраля 1809 года. Здесь встретили Геденштрома враждебно. Якутские князьцы, подстрекаемые промышленниками, старались не дать путешественникам рыбу и нарты. Матвей Матвеевич ездил по тундре вокруг Усть-Янска, заходил в урасы якутов («Ураса, - писал он, - есть строение, у которого основание круглое, а верх острый, строится из бревен, покрывается дерном и имеет вид сахарной головы; посредине очаг»), просил помочь ему. Обходительное обращение, почти ежедневные угощения водкой и табаком - старый, но верный метод! - постепенно делали свое дело...

...Мне давно хотелось побывать в районе устья Яны, посмотреть на места, откуда уходили полярные экспедиции наших предков. Тогда здесь, среди приморских тундр, кипели страсти, рождались и сгорали состояния. Впрочем, уже в 1820 году, когда Усть-Янское селение посетила экспедиция П. Ф. Анжу, оно состояло всего из трех домов и двух юрт, где жили «два семейства мещан, занимающихся промыслом мамонтовой кости, лекарский ученик, изможденный старостью и болезнями, еще один старик мещанин и два семейства якутов».

Июльским вечером 1973 года мы подлетали к Нижне-Янску на вертолете Ми-8. В комнате моих родителей до войны висела картинка - разлив Нила. Нил совершенно гладкий, розовый, почти сиреневый, пальмы поднимались прямо из воды. Такой же мне открылась Яна. Был безветренный вечер, предшествующий белой ночи, солнце садилось, озаряя розовым светом все вокруг. Только вместо пальм вдоль реки высились плавучие краны, под ними застыли угольные баржи, сдвоенные отражением. Нижне-Янск показался с воздуха настоящим городом, возможно потому, что предшествующие недели я провел

на островах и глаз.привык видеть только небо, тундру и море. Вот две-три легковые машины мелькнули между домами, затем появилось судно на подводных крыльях, которое выскочило откуда-то и покатилося вверх по течению, разрезав пополам розовое зеркало реки. Отражения кранов сломались и закачались. Картина ничем не напоминала о прошлом...

М. М. Геденштром удачно выбрал время для выезда. Высокоширотные экспедиции и сейчас предпочитают март, апрель, май всем другим месяцам: пурги редки, сияет солнце, видимость великолепная. А для поездки на собаках выбор времени особенно важен. В феврале еще темно, слишком холодно, нарта плохо скользит по льду. В конце мая снег размягчается, ухудшая скольжение.

Обычно в упряжке бывает двенадцать собак попарно, впереди вожак, понимающий команды: «тах, тах!» - вправо, «на нах!» - налево. Материал для нарты - моченая береза - гибок и прочен, все сочленения - на сыромятных ремнях. Нарта, как живое существо, гнется и словно переливается через торосы. При сильном ударе, в крайнем случае, порвется ремень, перевязать его - минутное дело.

В обозе М. М. Геденштрома было до тридцати нарт, из них только каждая четвертая везла полезный груз, остальные - «завозные», тащили рыбу на прокорм собакам.

Старая астролябия, октант да морской компас, найденный им в доме купца Сыроватского в Усть-Янске, - вот и все приборы, которые взял с собой Геденштром. Впрочем, на ходу стрелка компаса все равно непрерывно крутилась, и Матвей Матвеевич ориентировался народными методами: по приметным льдинам, по тени, по ветру, по застругам. (Промышленники, переждав пургу, откапывали старые заструги, чтобы восстановить направление своего движения.) При возвращении на материк с острова Фаддеевского, пройдя по льду триста двадцать верст, Геденштром отклонился от заранее намеченной точки всего на три версты.

За сезоны 1809 и 1810 годов М. М. Геденштром обследовал острова Первый Ляховский, Фаддеевский, Новую Сибирь. Точнее, последний остров, до того не имевший названия, был так назван Геденштромом «по причине величины и особенной угрюмости страны», в 1810 году название «высочайше было утверждено».

Научные суждения М. М. Геденштрома могут казаться наивными. Он оставил больше вопросов, чем ответов. Как могли образоваться слои мерзлой воды в горизонтальном положении? Как возникли скопления древесины в горах на Новой Сибири, названных Деревянными? Как попали на острова «буйволы», огромные рога которых в изобилии попадаются прямо на поверхности, может быть, их завезли сюда на судах? М. М. Геденштром считал, что Северный океан никогда не замерзает, а остров Новая Сибирь соединяется с Америкой.

В 1811 году изучение островов продолжили товарищи М. М. Геденштрома - землемер Пшеницын и промышленник Санников.

Яков Санников - человек редкой энергии и пытливого ума. О предках коренной устьянской фамилии Санниковых ходили легенды. При Грозном или во времена царя Алексея Михайловича Санниковы бежали сюда, спасаясь от ратной службы. Эта фамилия много внесла в дело освоения сибирского Севера. Другой Яков Санников, якутский богатый купец, в конце прошлого века - начале нынешнего снаряжал и финансировал полярные экспедиции, за помощь Ф. Нансену получил золотую медаль от шведского короля. Могила потомственного почетного гражданина Я. Ф. Санникова сохранилась в поселке Булун на Лене. Заросшее кустарником, стоит высокое надгробие из лабрадорита, каких много на старых столичных кладбищах. Крест упал, не сохранились и икона и корабельные часы, когда-то врезанные в камень.

Еще один представитель славной фамилии, М. М. Санников, по сведениям Н. В. Пинегина, был одним из организаторов песцового промысла на Новосибирских островах. Санников почти единственный из промышленников не бросал островов; несмотря на ошеломительные неудачи (они, впрочем, компенсировались не меньшими успехами в другие годы), он искал новые способы организации добычи и жизни на островах, пытался акклиматизировать здесь лошадь. С именем первого Санникова назван пролив между архипелагами Ляховским и Анжу, река, полярная станция, а также знаменитая «Земля Санникова», которая, хотя и не существует в природе, известна читателям гораздо лучше, чем названные реальные объекты.

Проследим хронологически его поездки в 1811 году. Где-то в середине марта на трех нартах Санников выехал из Усть-Янского зимовья на остров Фаддеевский, а оттуда на Новую Сибирь, обследовал оба острова и 12 апреля возвратился на Яну. 2 мая Санников с сыновьями Петром и Романом, унтер-офицером Решетниковым и крестьянином Тимофеем Портнягиным вышел на остров Котельный. 9 июня якутский князец Черепов и казачий пятидесятник Тарабукин привели им двадцать три оленя. Их гнали через море. Приходилось делать из больших льдин мосты через полыньи, обходить торосы. (Это была первая доставка на острова рабочих оленей для экспедиции. Во второй раз сюда привезли оленей геологи Д. С. Сороков и Д. А. Вольнов в 1955 году на самолете Ли-2.) На оленях группа Санникова пересекла Котельный, затем обошла весь остров по берегу и возвратилась в зимовье 17 августа.

Еще в марте Я. Санников установил, что Фаддеевский остров соединяется с Котельным «низменным песком», то есть открыл неизвестную ранее сушу, которая потом получила название Земля Бунге.

Котельный и Фаддеевский - это обычные острова, а соединяет их песчаная пустыня, едва обнажившийся кусок морского дна. И Котельный, и Фаддеевский были открыты весной, когда снег еще не сошел, поэтому никому не пришло в голову; что между островами не пролив, а вот такая полузалитая водой земля.

Так или иначе, Санниковым в 1811 году был обнаружен последний кусок суши, входящий в состав Новосибирских островов, если не считать архипелага Де-Лонга. Эта удаленная группа небольших островков была случайно открыта в 1881 году американской экспедицией лейтенанта Джорджа Де-Лонга во время дрейфа его шхуны «Жаннетта», не сумевшей пробиться к Северному полюсу и вмерзшей в лед еще в сентябре 1879 года. Двадцать месяцев моряки не видели ничего, кроме ледяной пустыни, пока 16 мая 1881 года их взорам не открылся неизвестный остров. Де-Лонг определил координаты нового острова и назвал его островом Жаннетты. 24 мая был открыт еще один остров (Генриетты), а 11 июня шхуна затонула, раздавленная льдами.

Двигаясь на юг через дрейфующие льды, уже без судна, люди Де-Лонга встретили третий остров, размером больше предыдущих, и назвали его островом Беннетта - в честь издателя газеты «Нью-Йорк геральд» Гордона Беннетта, финансировавшего экспедицию.

Больше половины участников экспедиции, среди них и сам лейтенант Де-Лонг, погибли во льдах моря Лаптевых и в дельте Лены. Их имена вписаны в трагический список отважных, отдавших жизнь во имя исследования Арктики.

Среди множества предметов, «удивления достойных», виденных Санниковым и землемером Пшеницыным, таких, как аммониты в больших шарах затверделого ила (конкреции), как лошадиные, буйвололовые, бычачьи и овечьи головы («сих животных были здесь некогда целые стада»), как китовые кости и многое другое, упоминается могила, которую Санников нашел на западном берегу Котельного. Тело было выкопано медведем, но сохранилось много вещей: железный батас (узкое однолезвенное копье), две железные стрелы, колыб для литья пуль, пила, две уды, огниво и обитый кремь, желтой меди кастрюля... И еще нашли крест, обложенный свинцом, с русской церковной надписью, вырезанной очень неважно. Недалеко от могилы сохранились остатки зимовья, построенного явно русскими, и в нем вещи из оленьего рога, тесанного топором. Эта явно русская могила найдена была более чем в ста верстах от мест, когда-либо посещавшихся русскими, во времена походов Геденштрома и Санникова. «Откуда сей русский человек зашел на сей остров и кто его похоронил по обрядам русским и азиатским, когда здесь были и куда девались его товарищи?». На месте захоронения была еще нарта, которую, судя по устройству лямок, тащили люди.

В 1652 году без вести пропала экспедиция казака Ивана Роброва (Реброва, по другим источникам). Еще раньше, в сентябре 1648 года, после битвы с чукчами бурей разметало кочи Семена Дежнева. Исчезли четыре судна, по тридцать человек на каждом. Очень маловероятно, чтобы кого-то из них занесло из-за самого Чукотского Носа (мыс Дежнева) на западную сторону Котельного. Да и Санников свидетельствовал, что захоронение было сделано недавно - щепы еще не сгнили, и дикие олени в округе были боязливее, чем на материке, словно не успели забыть кого-то, кто их пугал.

Сегодня никаких следов могилы нет. Мы не узнаем имени человека, который в ней покоился. Может, именно он и открыл Новосибирские острова?

«Обширное пространство земного шара, заключающееся между Белым морем и Беринговым проливом, почти на 145° долготы... открыто и описано россиянами», - писал знаменитый русский полярный путешественник Фердинанд Петрович Врангель.

Исследователи

Исследователи

После экспедиции М. М. Геденштрома стало ясно, что особых богатств, если не считать мамонтовой кости, на Новосибирских островах нет. Красотой ландшафта острова тоже не отличаются. «Вид их еще угрюмее Сибирского берега», - сообщал М. М. Геденштром, а об острове Фаддеевском площадью пять тысяч квадратных километров он смог написать одну фразу: «Фаддеевский остров ничего достопримечательного в себе не содержит...» Почему же тогда к Новосибирскому архипелагу не пропал интерес? А потому, что на карте Геденштрома к северу от уже обследованных островов были нанесены еще два, никем пока не посещенных, и было написано: «Земли, виденные Санниковым». Эти «земли», на которые никогда не ступала (и не ступит) нога человека, в течение полутора столетий вызывали к жизни исследования, давшие бесценные реальные результаты.

Проехать к «землям» Санникову и Геденштрому помешала огромная полынья. Собственно, Санников видел три «земли», однако третью Геденштром не нанес на карту, решив, что это - «гряда высочайших ледяных громад». Зато «земля», которую Санников видел в 1810 году с северной оконечности Котельного, не вызывала сомнений: «...на северо-запад, в примерном расстоянии 70 верст, видны высокие каменные горы...»

Сообщения не ускользнули от внимания современников. Академик Паллас писал в «Ученых записках» («Прибавление к «СПб Ведомостям»») № 21 за 1818 год: «...лежит к северу (от острова Большой Ляховский. - В. И.) обширная земля, на которую редко ездят и не знают, в которую сторону и далеко ли она простирается... С горы, недалеко от берега на сей земле лежащей, в великом отдалении видны другие горы; на оной открыли также реку, изобильную рыбою, что, как кажется, доказывает, что сия земля должна быть обширна, а может быть, она и есть продолжение матерой земли Америки».

«Земля», о которой пишет Паллас, - это, безусловно, остров Котельный, где тогда уже была открыта богатая рыбой Царева река, ныне Балыктах. Не ясно, какую именно «землю» считал Паллас возможным продолжением Америки: сам остров Котельный или остров, видный «в великом отдалении»? Для нас интересно, что всего полтора столетия назад крупному ученому не был достоверно известен факт существования Северного Ледовитого океана - глубоководного бассейна, отделяющего сибирские острова от земель западного полушария. (Впрочем, сама догадка о связи Новосибирских островов с Американским материком, как мы увидим дальше, не была совсем беспочвенной.)

Северный Ледовитый океан

Умный государственный муж, сибирский губернатор Михаил Михайлович Сперанский писал по поводу земель, виденных Санниковым: «...в том только и могут состоять новые открытия в обозреваемой вами части Ледовитого моря, а поэтому и надлежит не оставлять сего предприятия без крайних и непреодолимых препятствий...»

Экспедиция двух лейтенантов

1820 год. Россия еще не слышала слова «декабристы», в Петербурге руководство «Союза благоденствия» тайно обсуждает вопрос о республиканской форме будущего государственного устройства. В 1820 году Пушкин заканчивает «Руслана и Людмилу», восхищенный В. А. Жуковский дарит свой портрет «победителю-ученику», и почти сразу после этого волей императора Александра I поэт отправляется в южную ссылку. Я думал: какие привести факты, чтобы помочь читателю сразу представить время действия? Оказалось, что нет лучшей «шкалы времени», чем биография Пушкина.

В 1820 году была организована экспедиция под командованием двух друзей, лейтенантов флота Фердинанда Петровича Врангеля и Петра Федоровича Анжу. Цель этой экспедиции - точнейшее описание берегов Сибири и открытие предполагаемых островов в Ледовитом океане. Участок Врангеля лежал к востоку от устья Индигирки. Побережье в районе устьев Оленека, Лены и Яны, а также Новосибирские острова описывал Анжу.

Есть портреты путешественников, правда написанные позже, когда оба были уже в адмиральских чинах. Широкое лицо Анжу излучает добродушие и покой. Фердинанд Петрович сух, строг, целеустремлен. Возможно, внешность и обманывает. Вот запись из дневника Ф. П. фон Врангеля о праздновании пасхи на припайном льду Восточно-Сибирского моря, среди торосов: «Расположась около огня, провели мы весь остаток дня в бездействии, в разговорах о перенесенных нами трудах и надежде на скорое возвращение. Вероятно, не было прежде примера, чтобы при таком совершенном недостатке всего, что почитается наслаждением, удовольствием, потребностью жизни, общество людей провело целый день так весело и довольно, как провели его мы...» А все «общество», кроме Врангеля, - это мичман Матюшкин (товарищ Пушкина по лицу), штурман Козьмин, доктор медицины Кибер, слесарь Иванников, матрос Нехорошков да местный купец Бережной, который за неимением священника прочел молитву у алтаря, вытесанного из льда.

Жизненные пути Анжу и Врангеля были тесно переплетены. Ровесники, они вместе блестяще закончили кадетский Морской корпус, вместе служили и умерли почти одновременно, оба - на восьмом десятке. Оба внесли равный вклад в «отчизноведение» (был раньше такой хороший термин) и были равно награждены орденами, чинами и прочим. Но в памяти потомков Врангель занял более заметное место, может быть, потому, что его имя носит остров, о котором у нас много говорилось и писалось.

Кроме того, он оставил увлекательное двухтомное описание своего путешествия, тогда как дневники Анжу сгорели во время пожара. Лишь отрывочные записи через 25 лет после экспедиции были опубликованы А. Соколовым.

Общая смета обеих экспедиций была рассчитана на сумму 66079 рублей ассигнациями. 23 марта 1820 года Анжу выехал из столицы и добрался до Усть-Янска 1 октября. Полевые исследования велись в 1821, 1822 и 1823 годах, было определено семь надежных астрономических пунктов, сделано множество определений магнитного склонения, составлена первая достоверная карта Новосибирских островов...

5 апреля 1821 года Петр Федорович Анжу вышел на то место острова Котельного, откуда Санников наблюдал свою «землю». Горизонт был чист, но на северо-западе ничего, кроме ровного льда, не просматривалось. Два дня через торосы отряд двигался в названном Геденштромом направлении, пока, пройдя около сорока четырех верст, не вышел на край припайного льда у границы с Великой Сибирской полыней. «Предполагаемой земли не было видно». Анжу взял пробы донного грунта, это оказался «жидкий ил», глубина моря составляла около тридцати четырех метров (обычные глубины и грунты этой части континентального шельфа), ничто не указывало на близость суши. П. Ф. Анжу в отличие от Санникова имел хорошие зрительные трубы. Он пришел к выводу, что предшественник видел «туман, похожий на землю».

Может быть, еще и потому Анжу не получил подобающей ему известности, что наша память охотнее держит имена открывателей? А «закрыватель», будь он тысячу раз прав, обречен на забвение, хотя принято повторять, что отрицательный результат в науке ценен столько же, сколько и положительный. (Аналогия из области сегодняшней геологоразведочной практики: бывает, что разведка годами идет на площади, оказавшейся бесперспективной, уже ясно, что тысячи рублей затрачены впустую, но нужно великое мужество, чтобы взять на себя ответственность и остановить работы. Сделавший это спасает многие следующие тысячи рублей, но симпатий он не вызывает, так как где-то остается сомнение: а может, зря закрыли?)

Лейтенант Анжу служил истине в ущерб своей популярности. Одной из главных экзотических загадок Новосибирских островов считались скопления костей крупных копытных - обычных жителей теплых краев. Не страшась прослыть плохим наблюдателем, Анжу писал, что «о множестве конских и рогатого скота голов ни от кого не слыхал; промышленники находили только, и то весьма редко, буйволодые рога и копыта».

Исследования лейтенантов касались тех наук, которые так или иначе были связаны с судоходством. Вот перечень разделов научного отчета Врангеля: «Общие замечания о Ледовитом море», «Торосы», «Постоянная морская полынья и течения моря», «Отступление моря от берегов», «Замечания о северных сияниях», «Метеорологические наблюдения» и некоторые другие.

Геологические наблюдения в отряде Анжу вел медико-хирург Алексей Евдокимович Фигурин. Его описания очень поэтичны: «Достопримечательнейшие по ископаемому царству суть берега рек Оленека и Лены. Сии последние, изобилуя минераллами (через два «л». - В. И.), отличны еще особенным и удивления достойным расположением слоев песчаного камня, от твердейшего до сыпучего. Здесь представляются развалины величественного замка; там разнообразные нависшие громады ежечасно угрожают падением; далее усматриваются пещеры, украшенные блеском бронзы...»

Записи А. Е. Фигурина не только поэтичны, но и содержат ряд научных наблюдений. Так, он отмечает, что Верхоянские горы суть «флецевые» (от немецкого «флэц» - пласт), то есть сложены пластами осадочных пород, а не «становые». Что же касается Новосибирских островов, то здесь медико-хирург ограничивается перечислением камней, которые он встретил: «сердолик», «брекчаный сланец», «турф» (торф)... А вот еще один камень - «икряной». «Он состоит из круглых мелких зерен, плотно между собою соединенных посредством темно-красного глинистого вещества. Находится на Котельном острове, при речке Драгоценной, в соседстве с шарами, заключающими аммонитов...» Насчет шаров ясно: в аллювии реки Драгоценной обнаружены переотложенные сидеритовые (железисто-карбонатные) конкреции и галька песчаников, содержащие богатый комплекс ископаемых аммонитов, указывающих на верхнеюрский возраст отложений. А что такое «икряной камень», который Фигурин считал «космогеническим явлением»? Породы, имеющие оолитовое (концентрически-зернистое) строение, вообще-то отнюдь не уникальны. Это могут быть известняки, доломиты, железные руды, туфогенные образования, бокситы... А в данном случае? Я опросил всех знакомых мне геологов, бывавших на острове Котельном, - никто ничего подобного здесь не видел.

«Раз ступить ногой - и умереть!»

После поездки П. Ф. Анжу о Новосибирских островах не вспоминали шестьдесят лет - до тех пор, пока в 1881 году лейтенант Де-Лонг не открыл острова, названные его именем.

В следующем году ученый секретарь Императорского Русского географического общества А. В. Григорьев опубликовал статью, где высказал мысль, что острова Беннетта и Генриетты, открытые Де-Лонгом, - это «земли», виденные Геденштромом и Санниковым с Новой Сибири. Расстояния (до Генриетты - двести шестьдесят верст!) не смущали А. В. Григорьева, Он ссылаясь на случаи аномально далекой видимости в Арктике, особенно в ясные весенние дни. Так, по Ф. П. Врангелю, от устья Индигирки видны Деревянные горы на Новой Сибири, до которых триста двенадцать верст. В этом можно было бы усомниться, но еще М. М. Геденштром писал, что видел остров Столбовой от Мурашского селения в устье Яны, за двести шестьдесят верст... Действительно, в солнечные дни над островами часто держится облачность, которая зрительно приподнимает их над льдом или водой, а феноменальная прозрачность воздуха в высоких широтах увеличивает видимость.

«После этого, - писал Григорьев, - не может быть сомнений в действительности существования земли, виденной Санниковым же в 1810 году на NW от северной оконечности Котельного острова». Между прочим, А. В. Григорьев первым употребил в печати словосочетание «Земля Санникова»...

В 1885 году Академия наук организовала по существу первую в истории научно-исследовательскую экспедицию на Новосибирские острова. Начальником был назначен медик, впоследствии флагманский врач Балтийского флота, Александр Александрович Бунге. Доктор Бунге к моменту, назначения работал заместителем начальника станции Международного полярного года в Саастыре (Якутия). Помощником ему был приглашен кандидат зоологии Э. В. Толль.

По странной случайности список исследователей Новосибирских островов пестрит нерусскими фамилиями. Между тем все они, кроме американца Де-Лонга, хотя и вели свой дальний род от иноземцев, были русскими и по подданству, и по самосознанию. Э. В. Толль говорил: «Мы, русские, пользуясь опытом наших предков, уже по географическому положению лучше всех других наций в состоянии организовать экспедиции для открытия архипелага, лежащего на север от наших Новосибирских островов, и исполнить их так, чтобы результаты были счастливы и плодотворны...»

В задании экспедиции прямо не говорилось о поисках «Земли Санникова», главной задачей называлось изучение остатков «допотопных зверей». Полевые работы начались летом 1886 года. Они были омрачены тяжелым впечатлением: в Феклистова-поварне, что у мыса Медвежьего, Бунге и Толль обнаружили останки трех промышленников, пропавших за три года до этого. Очевидно, они умерли не от голода (неподалеку сохранился склад, где были не только продукты, но и табак, который обычно кончается первым), а от болезни либо стали жертвой какого-то несчастья. Кости двух тел были раздроблены и обгрызены, тогда как третий труп сохранился целым.

Экспедиция разбилась на две группы. А. А. Бунге провел лето на Большом Ляховском, наблюдая за современными животными, которые разочаровали его своей малочисленностью (за весь сезон видели одного белого медведя!), и растениями. Изучал он также ископаемый лед, собирал кости древних млекопитающих и с большой тщательностью, но безрезультатно искал окаменелости в наслоениях, обнажающихся на южном берегу острова. Доктор Бунге не мог знать, что эти очень древние толщи пережили погружение на большие глубины и соответственно воздействие огромных давлений и температур, что не способствовало сохранению в них органических остатков. (Только в 1973 году в этих породах при микроскопическом изучении были найдены акритархи - остатки вымерших планктонных одноклеточных водорослей, что позволило датировать возраст толщ протерозоем. Впрочем, некоторые ученые ставят под сомнение не только возрастную принадлежность, но и само органическое происхождение акритарх, считая их кристаллическими образованиями.)

Тем временем Э. В. Толль обследовал берега острова Котельного, где сконцентрированы основные выходы древних докай - нозойских пород, острова Фаддеевский и Новая Сибирь...

Э. В. Толль первый исследовал геологию Новосибирских островов. Ему удалось выделить основные возрастные комплексы пород, слагающие острова. Он установил девонские и силурийские слои на севере и западе Котельного и триасовые толщи на юго-востоке. На Новой Сибири Толль описал разрез Деревянных гор, считавшихся одним из чудес Новосибирских островов. Горы невысоки: максимальная абсолютная отметка не превышает семидесяти пяти метров, но на фоне окружающей низменной суши и на фоне моря весьма приметны. Песчано-глинистые слои, слагающие Деревянные горы, смяты молодой складчатостью, разорваны разломами. Рельеф сильно расчленен: острые гребни, глубокие темные овраги, словно Кавказский хребет в миниатюре... Главной же достопримечательностью, давшей и название горам, были скопления древесных стволов, встречавшиеся, судя по описаниям, на их склонах. (Наши геологи специально искали эти богатые древесные скопления и не нашли. В толще пород встречаются пласты и линзы бурого угля, отдельные ветви, небольшие обломки влажной, тяжелой древесины, и только. Вероятно, стволы, которые видели Геденштром и Толль, уничтожены эрозией, а новые сейчас не вышли на дневную поверхность.) Эти древесные остатки предшественники Толля посчитали скоплениями современного плавника, который в те времена именовали «ноевщиной», по имени библейского Ноя, а происхождение их связывали со всемирным потопом. Целые штабеля стволов, принесенных морем, действительно часто встречаются на ныне безлесных островах. Однако на склонах Деревянных гор древесина была найдена на таких высотных отметках, до каких волна не достигает даже в самый сильный шторм. М. М. Геденштром сделал отсюда вывод, что территория острова Новая Сибирь интенсивно поднимается. Вывод свидетельствует о диалектичности его научного мышления, но фактическая основа оказалась иной. Тщательно изучив взаимоотношения древесных остатков с вмещающими их породами, Э. В. Толль сделал вывод, что древесина не принесена извне, а, прежде чем оказаться на поверхности склонов Деревянных гор, была заключена внутри толщи. Толль установил, что древесные остатки относятся к третичному возрасту, следовательно, в третичный период, предшествовавший современному, климат на территории нынешних Новосибирских островов был таким теплым, что здесь произрастали не только сосны, но и секвойи. (Последними работами нашего геолога Г. В. Труфанова возраст угленосной свиты Деревянных гор «снижен» еще более, до верхнего мела и самых низов палеогена.)

Деревянные горы на острове Новая Сибирь

13 августа 1886 года - в жизни Э. В. Толля произошло событие, определившее всю его дальнейшую судьбу. Стоя на северном берегу Котельного, в устье ручья Могур, он увидел по азимуту четырнадцать - восемнадцать градусов «ясные контуры четырех столовых гор с прилегающим к ним на востоке низким остроконечием». Картина была настолько четкой, что Толль не только определил расстояние до гор (около ста пятидесяти верст, или полтора градуса по широте), но и заключил, что они сложены трапповыми породами подобно островам Земли Франца-Иосифа.

С этого момента все дни, какие Толлю еще оставалось прожить на свете, были подчинены мечте о достижении увиденного острова.

Проводник Толля эвен Василий Джергели, которого Толль очень любил и часто вспоминал в своих статьях, сказал ему о «Земле Санникова»: «Раз ступить ногой - и умереть!»

В 1893 году Э. В. Толлю представилась возможность вновь посетить Новосибирские острова. Академия командировала его исследовать местонахождение трупа мамонта в районе устья Яны. Прибыв на место весной, Толль убедился, что останки не слишком интересны, однако решил еще раз осмотреть их после того, как растает снег, а пока посетить Новосибирские острова, благо в задании экспедиции был пункт, дававший свободу выбора действий: «Изучение неизвестных частей Сибири».

19 апреля Толль, его помощник лейтенант Евгений Иванович Шилейко и четверо каюров двинулись на собаках по известному маршруту: Святой Нос - остров Большой Ляховский. Поездка оказалась трудной, так как подготовились наскоро, а каюры, привыкшие к оленям, не умели обращаться с собаками. Тем не менее, успели объехать Большой Ляховский и Котельный, описать множество обнажений, пополнить астрономические и магнитные наблюдения, устроить «продовольственные депо» для Нансена, который тогда готовился к рейсу на «Фраме». А в оставшиеся дни лета Толль совершил еще феноменальный по длине маршрут по материке: дельта Лены - низовья Оленека - Анабарская губа - Хатанга - Дудинка на Енисее.

В последующие годы Э. В. Толль в публичных выступлениях и в академической печати с активностью, доходящей до фанатизма, пропагандирует идею экспедиции на «Землю Санникова».

Его убежденность в существовании «земли» подчиняет себе факты и выстраивает их в свою систему. Анжу не видел «землю»? Но ведь промышленники не сомневаются в ее существовании. Нансен, пройдя 19-20 сентября 1893 года в районе «Земли Санникова», ее не обнаружил? Значит, он прошел севернее, а «земля» ориентирована в широтном направлении. Густые туманы, стоящие всегда над Великой Сибирской полярной пустыней, помешали, видимо, ее заметить. (Эту идею академик В. А. Обручев продолжал развивать вплоть до предвоенных лет: реально существующий огромный архипелаг Северная Земля не был замечен ни Норденшельдом с «Веги», ни Нансеном с «Фрама», ни Толлем с «Зари».) Оленьи рога, виденные Де-Лонгом на острове Беннетта, пишет Э. В. Толль, принадлежат не современному оленю, который не может туда попасть, а оленю - современнику мамонта, жившему в постплиоценовое время, когда остров Беннетта с «Землей Санникова» соединялись в единую сушу. Впрочем, в 1902 году Толль сам наблюдал на острове Беннетта самых что ни на есть современных, живых оленей (тридцать голов).

Какая сила влекла Толля на север? Была ли это свойственная пресытившемуся повседневностью горожанину тяга к необычному, которая сегодня заставляет нас верить в «Несси» и в чудовище из якутского озера Хайыр (хотя совершенно ясно, что популяция крупного животного нуждается в широком ареале, чтобы обеспечить себе пищевые ресурсы и избежать губительного близкородственного скрещивания, и не может долго существовать в замкнутом пространстве)? Вряд ли. Э. В. Толль искал не чудеса, а разгадку тайн недавнего геологического прошлого Арктики: существовал ли материк в районе и к северу от современных Новосибирских островов? Когда и почему он распался? Почему вымерли мамонты? Толль стремился добраться до сути явлений, а это - счастье и мука настоящего исследователя. Работы экспедиции встретили отклик в передовых слоях русского общества, в числе ее активных сторонников были академики Д. И. Менделеев, А. П. Карпинский, Ф. Б. Шмидт, адмирал С. О. Макаров.

В это же время стал известен и план Канадской полярной экспедиции под руководством Бернье, который своим опорным пунктом выбрал «Землю Санникова». Возможно, подстегнутые этими сообщениями правительственные круги поддержали инициативу Академии об организации Русской полярной экспедиции. Подготовка велась с размахом, с широким освещением в прессе: это должно было символизировать интерес властей к отдаленным арктическим владениям России и охладить аппетиты иностранного капитала. Министерство финансов отпустило сто пятьдесят тысяч рублей золотом, в Норвегии приобрели китобойное судно «Herald Harfager» грузоподъемностью четыреста сорок три тонны. Судно, в России названное «Зарей», имело машину в двести двадцать восемь индикаторных сил, но могло ходить и под парусами. Э. В. Толль лично подобрал специалистов-энтузиастов и укомплектовал экспедицию лучшим отечественным и зарубежным снаряжением, аппаратурой, продовольствием.

21 июня 1900 года «Заря» торжественно покинула Петербург. Началось плавание, рассчитанное на три года.

Нет нужды в деталях описывать это путешествие - сохранился и издан в 1959 году подробнейший дневник Толля под названием «Плавание на яхте «Заря»». Дневник этот в отличие от многих других дневников не подвергся последующей авторской правке - Э. В. Толль погиб. Дневник Толля - это не литературное произведение, но по нему можно снять фильм. А можно и не снимать, а просто прочесть и

увидеть полярные пейзажи, участвовать в научных наблюдениях, узнать живых людей - спутников Толля. В этом - обаяние книги. Много строк он посвятил своим товарищам, их автобиографическим рассказам, услышанным во время совместной вахты или за ужином в кают-компании. В дневниковых записях барона Толля больше места отдано матросам, чем ученым или офицерскому составу, возможно, потому, что это был новый для него круг общения. «Чем больше я общаюсь с матросами, - писал он, - тем больше ценю природные способности русского народа - матросы располагают к себе своей приветливостью, тактичностью, скромностью, кроме того, они сметливы и отважны». Очевидно, непоказной, естественный демократизм во все времена был свойствен людям с исследовательским складом натуры независимо от их положения в обществе.

Отстояв первую зиму у берегов Таймыра, «Заря» более чем через год после старта, 9 сентября 1901 года, оказалась в районе предполагаемой «Земли Санникова». «Малые глубины говорят о близости земли, - записывает Толль в дневнике, - но до настоящего времени ее не видно». Матрос из «вороньего гнезда» разглядел только подковообразный ледовый пояс, а за ним - полосу свободной воды. «...У меня закрадываются тяжелые предчувствия... но довольно об этом!» На следующий день сгустился тяжелый туман. Дальнейшие поиски были бессмысленны, Толль неожиданно почувствовал облегчение: «Теперь совершенно ясно, что можно было десять раз пройти мимо Земли Санникова, не заметив ее».

16 сентября в лагуне Нерпалах, у западного берега острова Котельный, судно встало на вторую зимовку.

Начало зимовки было радостным. Экипаж «Зари» встретился с участниками отряда геолога К. А. Воллосовича, который все лето 1901 года готовил на островах страховочные продовольственные склады для экспедиции. Константин Адамович Воллосович был ярким, темпераментным человеком, великолепным рассказчиком, и общение с ним подарило Толлю много приятных часов. В составе отряда были и другие образованные, близкие по духу люди, среди них двое политических ссыльных - инженер-технолог М. И. Бруснев и студент О. Ф. Ционглинский.

Сам К. А. Воллосович оценивал свои научные успехи скромно, сетуя на то, что сложные обязанности по устройству складов не позволили отдаться полностью научным изысканиям. А между тем именно Воллосович, основываясь на собственных наблюдениях и частично на материалах Э. В. Толля, высказал ряд оригинальных идей о геологии островов: система тектонических разломов разбивает палеозойские отложения западной стороны Котельного и формирует ее рельеф и конфигурацию берега; возраст базальтов, развитых в долине Балыктаха, молодой; третичные отложения в отличие от послетретичных смяты в складки подобно древним толщам (вопрос о наличии кайнозойской складчатости много лет после этого вызывал споры, и, очевидно, только исследования нашей экспедиции в районе Деревянных гор и на стрелке Анжу окончательно подтвердили мысль К. А. Воллосовича).

В течение зимы «Заря» работала как стационарная метеорологическая и геофизическая наблюдательная станция. Осуществлялись кратковременные маршруты на собаках. В январе Толль покинул яхту и направился в район Святого Носа, чтобы забрать там почту и отправить свою. Кто ждал в тундре почтовый самолет, тот легко поймет, почему Толль отправился в трехмесячный поход на материк.

А ранней весной, когда было еще далеко до освобождения «Зари» из ледового плена, было принято решение направить в дальние маршруты две партии. 11 мая трое под начальством зоолога А. А. Бялыницкого-Бирули вышли на Новую Сибирь, а 5 июня Э. В. Толль, астроном Ф. Г. Зееберг и двое промышленников - Василий Горохов и Николай Дьяконов - взяли старт похода по маршруту Котельный - Фаддеевский - мыс Высокий на Новой Сибири - остров Беннетта. В феврале 1920 года на допросе в Иркутском ревкоме неудавшийся «верховный правитель России» адмирал Колчак, который ходил на «Заре» гидрографом, вспоминал: «Шансов было очень мало, но барон Толль был человеком, верившим в свою звезду, в то, что ему все сойдет, и пошел на это предприятие». Между тем Эдуард Васильевич Толль отнюдь не был склонен к авантюризму. Это был аналитик, вдумчивый и дотошный до педантизма исследователь, с огромным чувством ответственности. Именно как аналитик он рассчитал, что ограниченные запасы угля скоро заставят «Зарю» уйти и новой возможности увидеть «Землю Санникова» - а Толль именно с этой надеждой шел на остров Беннетта, - быть может, не представится никогда.

Предполагалось, что осенью «Заря» снимет обе партии. Но ледовая обстановка сложилась крайне тяжелой, и судно не смогло пробиться ни к острову Беннетта, ни к Новой Сибири. После трех неудачных попыток, оказавшись перед угрозой нехватки угля, лейтенант Ф. А. Матисен, остававшийся за командира «Зари», принял решение следовать в бухту Тикси. Можно представить себе чувство, с каким подходил он к берегу - без Толля и без Бялыницкого. Профессор В. Ю. Визе пишет прямо, что решение Матисена стоило жизни Э. В. Толлю и его спутникам. Однако в материалах тех лет (а

сохранилось много печатных и архивных документов Академии наук, связанных с Русской полярной экспедицией) нет ничего, что бросало бы тень на действия Матисена. Очевидно, современники, лучше видевшие конкретную обстановку, понимали, что другого выхода не было.

В руках Ф. А. Матисена находилась инструкция, оставленная ему Толлем: «Что касается указаний относительно Вашей задачи снять меня с партии с острова Беннетта, то напомним только известное Вам правило, что всегда следует хранить за собой свободу действия судна в окружающих его льдах, так как потеря свободы движения судна лишает Вас возможности исполнить эту задачу.

Предел времени, когда Вы можете отказаться от дальнейших стараний снять меня с острова Беннетта, определяется тем моментом, когда на «Заре» израсходован весь запас топлива до 15 тонн угля».

Оставалась надежда, что Толль вернулся на Новую Сибирь, встретившись там с группой Бялыницкого. Но в декабре последний возвратился в Казачье, на Яне. О Толле он ничего не слышал. Академия наук срочно организовала спасательную группу во главе с М. И. Брусневым.

В распоряжении Бруснева были только собачьи упряжки. А как попасть на остров Беннетта? Зима, море от материка до острова Котельного сковано льдом. К северу же от Котельного - полынья, открытое зимнее полярное море. «Заря», требующая капитального ремонта, стояла во льду бухты Тикси (проданная позже фирме купчихи Громовой, «Заря» так и не вышла больше в море, разрушающиеся останки ее много лет можно было видеть на том же месте; этот участок акватории и сейчас называют в Тикси рейдом «Зари»). Других судов в районе не было. Казалось невозможным достичь острова Беннетта раньше, чем через навигацию, то есть в 1904 году. Но гидрографом А. В. Колчаком и боцманом «Зари» Н. А. Бегичевым был предложен план: снять с «Зари» китобойный вельбот, волоком по суше от Тикси до Усть-Янска, а затем по льду моря доставить его на Котельный, откуда на веслах идти через открытую воду...

Вряд ли когда-нибудь раньше я задумывался о Колчаке как о человеческой личности. Для нас это имя еще со школьных уроков истории лишь олицетворение кровавого белогвардейского террора в Сибири. Но вот я прочел в дневнике Э. В. Толля: «Наш гидрограф Колчак - прекрасный специалист, преданный интересам экспедиции...» Какие же качества характера привели этого безусловно смелого и волевого человека к позорному финалу? Через два с половиной месяца после начала плавания «Зари» бесконечно доброжелательный к людям Э. В. Толль записывает: «Меньшим запасом терпения обладает гидрограф: он находит местность отвратительной» и т. д. А Никифор Бегичев, который тесно общался с Колчаком и на «Заре», и во время спасательной экспедиции, а позже вместе с ним уехал на японский театр военных действий, много раз упоминает в своих дневниках о заносчивости, грубости и необузданной вспыльчивости Колчака. (Во время одного из конфликтов самолюбивый боцман чуть не зарубил своего начальника лопатой.) Трудно подозревать Н. А. Бегичева в предубежденности: делая свои бесхитростные записи, он не мог предвидеть, кем станет Колчак через двадцать лет. К тому же обо всех без исключения остальных офицерах и ученых «Зари» Бегичев пишет с большой теплотой.

...Вельбот, весивший семьдесят пять пудов, был поставлен на нарты, которые едва тянули сто шестьдесят собак. Восемь смельчаков почти не вылезали из лямок. Весной вельбот был доставлен к Михайлову стану на юге Котельного. Как только море вскрылось, пошли дальше где на веслах, где под парусом, а где опять волоком. Недалеко от мыса Песцового встретили машиниста «Зари» С. М. Толстова, который с тремя якутами тщетно ожидал прихода на Фаддеевский группы Толля. (О Толстове Толль несколько раз упоминал в своем дневнике. Ему нравилось, что матрос говорил по-французски, а однажды во время совместной вахты обсуждал с ним книгу Келлера «Жизнь моря». Позже С. М. Толстов жил в Дудинке, где был осужден в арестантские роты за помощь мятежным участникам так называемого «Туруханского бунта», а, отбыв срок, работал наблюдателем на дальней метеорологической станции в Восточном Саяне. По свидетельству местных жителей, он отличался крайне мрачным и вспыльчивым характером. В 1914 году С. М. Толстов, удостоенный Золотой медали Географического общества, был обвинен в убийстве известного томского геолога С. П. Перетолчина. Хотя суд прекратил следствие, подозрения остались, и обстоятельства трагического происшествия специально изучались академиком С. В. Обручевым, который пришел к убеждению о невиновности Толстова.)

Пройдя по абсолютно на этот раз чистой воде, вельбот легко, за двое суток, достиг острова Беннетта. В 17 часов 17 августа подошли к берегу у мыса Эммы, и в тот же момент матрос Василий Железников, стоявший с крючком на баке, увидел у среза воды крышку от алюминиевого котелка, каким пользовался Толль. На берегу лежали четыре ящика с геологическими коллекциями, а в поварне, наполовину заполненной смерзшимся снегом, нашли кое-какие приборы, листы из астрономии Циглера, обрывки платья, кожаную портупею для геологического молотка. Под кучей камней лежал обшитый парусиной ящик, в нем находился круг Пистора и документ, адресованный президенту Академии наук. В записке приводились краткие сведения о геологии острова Беннетта, о его современных обитателях,

о птицах, пролетавших над островом с севера на юг. «Вследствие туманов земли, откуда прилетели эти птицы, также не видно было, как и во время прошлой навигации Земли Санникова». (И здесь он не забыл о Земле Санникова!) «Отправимся сегодня на юг. Провизии имеем на 14-20 дней. Все здоровы.

Губа Павла Кёппена 26.X 1902 г.
острова Беннетта 8.XI 1902 г.
Э. Толль.

На полярной станции Котельный висит мемориальная доска:

Эдуард Васильевич Толль
вступил впервые на Ново-Сибирские острова
2 мая 1886 г.,
погиб во время работ
Русской полярной экспедиции
в 1902 г. вместе со своими
доблестными спутниками
Ф. Г. Зеебергом, Н. Дьяконовым
и В. Гороховым
Академия наук СССР
Якутская АССР
Лето 1928 г.

Астроном и магнитолог Фридрих Георгиевич Зееберг умолял взять его на «Зарю» хоть кочегаром, если не найдется места в научной группе. Охотники Николай Дьяконов и Василий Горохов, напротив, очень не хотели покидать Котельный и пошли с Э. В. Толлем только из уважения к нему (*Горохов знал Толля со времен экспедиции А. А. Бунге, тогда Василий был еще мальчиком и участвовал в экспедиции вместе с отцом*).

Д. А. Вольнов у символической могилы Э. В. Толля и его спутников на острове Беннета, 1956 год

Не вернулся с островов и врач «Зари» Г. Э. Вальтер. Доктор Вальтер плохо владел русским языком, но любил пошутить, и неправильности произношения еще усиливали юмористический эффект от его монологов в кают-компании. Человек сугубо кабинетный, доктор ни в чем не хотел отставать от своих товарищей-полярников. На острове Нансена он застрелил годовалого оленя и на спине притащил его на корабль. С этого дня он почувствовал сердечное недомогание, которое все усиливалось. В октябре Толль записал в дневнике, как в свободный час в приятной беседе с доктором они обсуждали план своего возвращения домой через Нагасаки, Коломбо и Берлин, а утром 3 января 1902 года доктор Вальтер умер. В инструкции Э. В. Толля лейтенанту Матисену первым пунктом записано:

«Сооружение на могиле покойного доктора Германа Эдуардовича Вальтера железного креста и ограды, заготовленных во время зимы благодарной командой «Зари» в память возлюбленного их доктора...»

В томе «Известий Императорской Академии наук» за 1903 год есть фотография могилы: белый лютеранский крест, сваренный из четырех труб; обрамленная тонким металлическим венком надпись латинским шрифтом; вокруг креста обширная ограда из шести столбов, соединенных якорными цепями.

...Летом 1973 года наша экспедиция была на мысе Вальтера - крайней западной точке острова Котельного. Крест стоит, хотя сильно поржавел, но ни венка, ни надписи уже нет, столбы ограды повалились, а якорные цепи кто-то сложил горкой у основания креста. Над тундрой тонко свистит ветер, внизу, под обрывом, лежат на отмели льдины-стамухи, и, когда волна накрывает их, слышно, как звенит вода, проливаясь вниз через сосульчатое тело льдины...

Адмирал С. О. Макаров писал: «Все полярные экспедиции... в смысле достижения цели были неудачны, но если мы что-нибудь знаем о Ледовитом океане, то благодаря этим неудачным экспедициям». Толль не нашел «Землю Санникова». Однако научное наследство, оставленное им, быть может, более ценно для нас, чем если бы он открыл еще один остров в Ледовитом океане.

Все печатные труды Э. В. Толля базируются на материалах двух его первых кратковременных поездок. Результаты последней экспедиции обработать не довелось, и в этом невосполнимая потеря для нашей науки. Остались дневниковые записи. Остались коллекции. На мысе Высоком М. И. Бруснев нашел четыре ящика с образцами. Еще четыре ящика и корзина с образцами были обнаружены на острове Беннетта. Полностью они были вывезены оттуда только в 1914 году экспедицией на ледокольных транспортах «Таймыр» и «Вайгач». Коллекции много лет изучались, служа важным источником информации о геологии Новосибирского архипелага; они жили уже самостоятельной, отдельной от их собирателя жизнью.

Кем был Э. В. Толль по своей научной специализации? А. А. Бунге писал в свое время, что помощником ему был назначен «кандидат зоологии» барон Толль. Во всех последующих источниках Э. В. Толль именуется геологом. Толль окончил естественноисторический факультет Дерптского университета, где изучал сначала минералогию, затем увлекся медициной, а на последних курсах - зоологией. Работая на рубеже XIX и XX столетий, в еще отдаленном преддверии научно-технической революции, Э. В. Толль обладал всесторонней эрудицией естествоиспытателей прошлых эпох, одновременно счастливо избежав дилетантизма. Толль профессионально мог выполнить магнитные наблюдения и определить виды встреченных птиц или растений. При этом он был геологом: предметом его научной мысли была земная кора в ее эволюционном развитии.

«Вся доступная нам природа образует некую систему, некую совокупную связь тел, причем мы понимаем здесь под словом тело все материальные реальности, начиная от звезды и кончая атомом...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20) - писали К. Маркс и Ф. Энгельс. Не знаю, читал ли Э. В. Толль Ф. Энгельса, но в своем подходе к познанию геологических явлений он следовал этому принципу, стараясь охватить всю сложную и противоречивую совокупность причинно-следственных связей в развитии земной коры. Выражаясь современным языком, Толль мыслил системно. Он размышлял о причинах расцвета и вымирания ископаемых животных (палеоэкология), о распределении суши и моря в древние эпохи (палеогеография), что обусловлено тектоническими процессами, зарождающимися в глубинных горизонтах Земли, о палеоклиматологии. Ища ответ на вопрос, почему на ныне безжизненных полярных островах обнаруживаются остатки теплолюбивой третичной флоры, существовавшей здесь геологически совсем недавно, Э. В. Толль приходит к выводу об изменении положения полюса.

Э. В. Толль работал в период, когда чрезмерная специализация - следствие безудержного накопления фактов - еще не угрожала самому существованию геологии как целостной науки. Сегодня принято считать, что объем информации в каждой отрасли слишком велик, чтобы одна человеческая голова могла вместить несколько отраслей. Отсюда - узкая специализация. Но всегда ли узость эквивалентна глубине знаний и переходит ли количество в качество выдвигаемых учеными концепций?

Продолжатели

Русская полярная экспедиция кажется уже далекой историей. Но в 1927-1930 годах, работая на острове Большой Ляховский, известный полярник Н. В. Пинегин и молодой тогда ученый М. М. Ермолаев общались с промысловиками, лично знавшими Э. В. Толля, а спутником в одной из поездок Пинегина был Николай Горохов, по прозвищу Меник, - брат Василия Горохова, погибшего с Толлем. Профессора Михаила Михайловича Ермолаева вы можете увидеть по телевизору, если включите ленинградскую программу «Турнир старшеклассников», где Ермолаев выступает в роли высшего арбитра состязания эрудитов. Недавно профессор издал книгу об основах физической географии - книгу не просто современную, но даже авангардистскую по некоторым концепциям. Так жизнь одного далеко еще не старого человека связала кажущиеся далекими события с нашими днями.

Если б я писал подробную историю изучения Новосибирских островов, экспедиция Н. В. Пинегина и М. М. Ермолаева должна была бы занять в книге большое место. Она была составной частью Якутской экспедиции Академии наук СССР, начавшей в 1925 году комплексное изучение Якутии. Задачей группы Пинегина были всесторонние исследования на Новосибирских островах и постройка на острове Большой Ляховский геофизической (аэрометеорологической) станции для обслуживания соответствующего участка Северного морского пути. Станция на мысе Шалаурова была построена, несмотря на исключительные трудности с транспортом и снабжением, начала работать и работает до сих пор. Был собран богатый материал по метеорологии, гидрологии, топографии островов. В «Геологическом и геоморфологическом очерке острова Большого Ляховского» М. М. Ермолаев блестяще продемонстрировал «системный» подход, унаследованный от Э. В. Толля, всестороннюю эрудицию на высшем современном ему уровне и талант наблюдателя. Если подсчитать по сегодняшним работам «индекс цитируемости» различных авторов в области геологии Новосибирских островов, то М. М. Ермолаев сможет претендовать на призовое место.

Необходимо отметить также замечательные работы полярных исследователей ордена Ленина Арктического и Антарктического научно-исследовательского института. Среди сотрудников Института, изучавших Новосибирский архипелаг, были такие прославленные ученые, как А. Ф. Трешников и Е. С. Короткевич. Нельзя обойти молчанием блестящие исследования мерзлотоведа из Якутского филиала Академии наук Н. Ф. Григорьева, выполненные в 1952-1953 годах и вызывающие живой интерес и сегодня.

В середине пятидесятых годов региональную геологическую съемку архипелага выполнили геологи Научно-исследовательского института геологии Арктики Д. С. Сороков, Д. А. Вольнов, Д. С. Яшин, О. А. Иванов и другие. На протяжении многих последующих лет, работая рядом с этими товарищами, я постоянно слышал от них об островах. Они пропускали слово «Новосибирские» и говорили просто «острова», других островов для них не существовало. Это было как первая любовь, главное событие геологической юности моих друзей.

Я знаю об этой экспедиции все. Тем не менее, именно о ней писать особенно трудно. Чтобы написать о человеке несколько строк, необходимо и достаточно поговорить с ним тридцать минут. Сразу схватываешь главное (или то, что тебе хочется считать главным). Если знаешь своего героя двадцать лет, рассказать о нем в нескольких строчках почти невозможно.

Называть ли подлинное имя героя, если живешь с ним в одном кооперативном доме и почти каждый день идешь вместе до метро через парк Победы? Мне все время кажется, что он может сказать: «Не так!» Действительно, в книге есть элемент организации материала. Какие-то события смещены во времени, некоторые характеристики заострены или, наоборот, смягчены. Поэтому я предлагаю читателю условие: если герой назван мной по фамилии, то это реальное лицо. Все остальные персонажи вымышлены, даже если они покажутся на кого-то похожими.

Спрашиваю у Дмитрия Александровича Вольнова:

- Ты хоть помнишь, как все начиналось?

- Помню как сейчас. В коридоре второго этажа, где сейчас партбюро, остановил меня такой толстый, курчавый, молодой и спрашивает: «Ваша фамилия Вольнов?» Это был Данька Сороков, я его тогда не знал. «Вольнов», - говорю. «Хотим, - говорит, пригласить вас принять участие в экспедиции на Новосибирские острова». А я молодой специалист, мне, конечно, лестно...

Вольнов действительно был тогда молодым специалистом, но зрелым человеком, успевшим повоевать командирам зенитной батареи и поработать на заводе фрезеровщиком. Даниилу Соломоновичу Сорокову, назначенному начальником экспедиции, напротив, было всего двадцать девять лет, но он имел уже десять лет геологического стажа.

Работа, которую они начинали, являлась частью государственной мелкомасштабной геологической съемки СССР. Съемкой должны были охватить всю сушу Союза, не исключая и самых малых островов. Стране, занятой послевоенным восстановлением, нужен был документ, который позволил бы на современном уровне оценить ее геологическое строение и прогнозировать ресурсы недр. Увидеть глазами весь «документ» целиком можно, только разложив его на полу комнаты площадью больше двадцати метров. Карта состоит из отдельных листов, но каждый лист точно стыкуется со всеми смежными. Картирование велось в единой системе условных обозначений, подчиняясь требованиям инструкции, имевшей силу закона.

К началу съемки для Новосибирских островов была лишь карта масштаба 20 верст в 1 дюйме, составленная в 1906 году К. А. Воллосовичем и отражающая скорее его представления о геологии островов, чем реальное распределение геологических тел на дневной поверхности. Что было еще? Были очерки по геологии архипелага, написанные в конце сороковых годов Т. Н. Спизарским и Н. Г. Загорской опять-таки по материалам Толля и Воллосовича. А последние выделили отложения основных геологических систем, но не оставили сведений о внутреннем строении, мощности, взаимоотношениях толщ, и, как ни обрабатывай дальше их материалы, извлечь эту информацию было невозможно, как нельзя путем беспредельного увеличения фотонегатива увидеть детали, которых на нем нет.

Площадная съемка в отличие от маршрутной предполагает хождение по определенной сети на всей площади, а площадь в данном случае составляла почти тридцать восемь тысяч квадратных километров. «На чем собираетесь работать?» - было первым вопросом при обсуждении проекта экспедиции.

Никакого транспорта тогда на островах не было. «На себе», - ответил Д. С. Сороков. У меня, как и у многих товарищей Д. С. Сорокова, вызывает порой протест эта его черта характера - энтузиазм на грани авантюризма, когда предлагаемый путь решения задачи кажется выходящим за рамки реальных возможностей, но следует признать, что, несмотря на частные неудачи, такой подход в итоге оказывается более продуктивным, чем реалистический. Ну, а в данном случае нашелся человек - покойный ныне А. И. Гусев, - который предложил вариант, сначала показавшийся неприемлемым, а в итоге обеспечивший успех экспедиции: завезти оленей с материка на самолете.

В Темпе (остров Котельный) прямо на взлетной полосе раскладывались на кучки продукты - сухари, крупа, сахар, - комбикорм для оленей, затем все упаковывалось в железные бочки из-под бензина и летчик Пытченко на своем Ан-2 развозил их по полевым базам, намеченным заранее.

Мы устраиваемся в Темпе

Позже, в шестидесятых годах, я работал вместе с экспедицией в Лено-Анабарском районе. Если нам нужно было попасть в любую точку этого района, мы говорили: «Пытченко отвезет». Таким тоном ленинградец произносит: «Поеду на пятом трамвае» (а «пятый», если не ошибаюсь, с самой войны ходит по одному и тому же маршруту). Пытченко сажал самолет на косу шириной в десять шагов, на высохшее русло речки, на галечную террасу, поросшую травой и кустарничком и сверху неотличимую от кочковатой тундры...

Оленей взяли из Булуна, на Лене. Поскольку возвращать их не предполагалось, колхоз отобрал самых, по словам Вольнова, отпетых, настолько истощенных, что двое мужчин легко брали оленя за ноги и поднимали в самолет, а олень не имел даже сил и охоты сопротивляться. Сразу после прилета в Темп олени подверглись смертельной опасности. Собаки промысловика, приехавшего с мыса Анисия, увидев оленей, Оторвали ремень и всей связкой, обезумев от охотничьей страсти, ринулись к чуть живым животным, жевавшим свой комбикорм. Только несколько выстрелов из карабина остановили свору. Потребовалось все дипломатическое искусство, чтобы ликвидировать конфликт. Зато, когда Вольнов и Сороков посетили осенью зимовье на Анисий, промысловик и молодая его жена не знали куда и посадить гостей, какие котлеты, какие пельмени им приготовить.

Д. А. Вольнов вспоминает:

- 10 июля запрягли и поехали. По льду перешли на полуостров Михайловский, там и заночевали, а утром я пошел вверх по Катанке, а Черкесов - по берегу моря... Снаряжение, которое могли везти на себе пять оленей отряда, легко перечислить: палатка, спальный мешок, оленья шкура, примус, бидончик с керосином. Каждый предмет - в одном экземпляре, как исключение разрешалось взять запасные портянки. Матвей Матвеевич Геденштром, бесспорно, был экипирован богаче. Хорошо работали, спокойно. Чем меньше барахла, тем меньше забот. Страшно другое было: работаем день, второй, неделю, а породы все одинаковые, и ископаемой фауны нет и что картировать - не известно. Тут-то я и заскучал. А потом появились первые радости: глаз начал различать тонкоплитчатые известняки и доломиты, это уже было что-то. Рассказ Д. А. Вольнова дополняет Д. С. Сороков:

- Маршруты были построены так: каждые пять-шесть дней мы друг с другом встречались. Эти-то встречи и остались в памяти как самое радостное. Знаешь, что не увидишь ничего, кроме трех небритых физиономий, а ждешь, словно свидания с любимой девушкой.

Я прошу Вольнова припомнить какой-нибудь яркий эпизод.

- Никаких эпизодов не было, - отвечает он, - а была проблема образцов. Образцы накапливаются, возить их тяжело, ну мы и свезли все камни в одно место, а потом попросили на Темпе трактор. Приехать-то мы приехали, а там трактор возьми да и сломайся. Пришлось возвращаться обратно, тракторист авиапортовский тоже с нами пошел. Всего прошли по тундре восемнадцать километров, а, как пришли, тракторист лег на землю и говорит: «Все. Умираю». Когда отдышался, добавил: «Теперь я понял, как геологи работают. Лучше три года в заключении провести, чем месяц в экспедиции».

- И это самый яркий эпизод? - спрашиваю я.

- Нет, самый яркий был, когда Сороков во время ночного перехода сел прямо на куропатку, плотно сидевшую на гнезде. Когда она взлетела, от страха мы уж точно чуть не померли...

В следующем 1956 году перед началом полевых работ Д. С. Сороков и Д. А. Вольнов вылетели на два-три дня на остров Беннетта и застряли там из-за погоды на все лето. Этот сюжет уже использовал в своей книге «На пределе жизни» известный зоолог Савва Михайлович Успенский, тоже работавший в то лето на острове Беннетта (там наши герои именуются «геолог Даня» и «геолог Дима»). Пока Сороков и Вольнов вели незапланированные исследования острова Беннетта, геологическую съемку всей южной половины Котельного вел один Дима Яшин - молодой специалист, к тому же не геолог, а географ по университетской специальности. Самое удивительное, что карту он составил, правда, кое-какие вопросы остались...

Прошло двадцать лет. Подробности работы этой экспедиции помнят только ее участники. Но живет по-прежнему их продукция: изданный лист Государственной геологической карты (тот экземпляр, что в нашей библиотеке, потерт на сгибах так, что работать с ним трудно), том XXVI «Острова Советской Арктики» многотомной «Геологии СССР», статьи, отчеты... Двадцать лет. К общему нашему горю, умер Олег Александрович Иванов. Кто-то на пенсии, кто-то занимается совсем другими районами Арктики. И только Д. А. Вольнов сохранил верность островам.

...С главным геологом нашей экспедиции Вольновым и еще двумя спутниками мы идем по берегу Котельного где-то в районе устья реки Пшеницыной, скользим на осыпях известняков, перелезаем через грязные старые снежники.

- Вот сейчас мы увидим девонские породы, - говорит Вольнов, когда мы подходим к повороту. - Отсюда идут породы нижнего девона, а Толль ведь писал только о верхнем девоне.

Мы бьем породу молотками, стараясь найти фауну, но ищем так долго, что студент Слава, которому наскучило это занятие и который замерз, начинает собирать швырковые дрова (мелкий плавник), чтобы развести костер.

- Работай, работай! - говорит ему Вольнов. - Тоже мне второй Садиков нашелся (Садиков - это бывший коллектор, который обладал феноменальным искусством: когда его не видели, он спал на обнажении и одновременно, во сне, стучал молотком, имитируя поиски фауны).

И все время, общаясь с Вольновым на островах, я ощущаю в нем то состояние, которое испытывает хозяин, демонстрирующий сад, выращенный им самим. Когда Вольнов принимает материалы наших геологов, в нем борются два чувства: как главный геолог он рад новым данным, а как «предшественнику» ему обидно, что сделано это не им. Но может быть, мне это только кажется?

Ленинград - Чокурдах - Темп

Длинный день в дороге

Длинный день в дороге

Русская полярная экспедиция под началом Э. В. Толля вышла из Петербурга 21 июня 1900 года и достигла Новосибирских островов за две навигации. 16 сентября 1901 года «Заря» бросила якорь в бухте Нерпичьей у острова Котельного. Таким образом, Э. В. Толль добирался до Новосибирских островов пятнадцать месяцев. В 1927 году Н. В. Пинегин, руководитель экспедиции Академии наук СССР на остров Большой Ляховский, выехал из Ленинграда поездом на Иркутск 11 мая. Двигаясь дальше водным путем, он уже 16 августа того же года оказался на мысе Шалаурова (остров Большой Ляховский). Следовательно, ему понадобились на дорогу три месяца. Сегодня до Новосибирских островов можно добраться за сутки.

В день отлета я проснулся в пять, разбуженный ощущением предстоящей дороги. Эта легкая дрожь, словно где-то внутри работает маленький моторчик, не отключалась даже во сне. (В старых книгах о путешествиях употреблялось точное, теперь забытое выражение - «путевая лихорадка».)

Дверь на балкон была раскрыта, два толстых голубя, малиновых от еще невидимого из-за домов солнца, боком ходили по балконным перилам и переговаривались. Хлица из окна казалась холодной, но этот свежий рассветный холодок обещал днем жару. Под окнами поливали тротуар, были слышны шаркающие шаги и звук струи, бьющей об асфальт.

Я люблю новые вещи, купленные в дорогу: свежие кирпичики мыла, пасту для зубов и для бритья в толстых, еще не смятых цветных тюбиках, зеленый одеколон, трусы и майки, пахнущие красителями и снабженные бумажными этикетками. Когда-то сборы в экспедицию были для меня целой проблемой, чемоданы ненужных вещей летали туда и обратно. Потом, с годами, лишнее отсеялось. В то утро укладка вещей заняла вряд ли больше десяти минут. Это было хорошее утро. Настолько хорошее, что даже такси, заказанное накануне, пришло своевременно. Шофер вышел из машины и с удовольствием потянулся, глядя на окна нашего дома.

С Киевской дороги мы свернули к аэропорту. Отрезок великолепного, только что построенного шоссе изгибался среди зеленых полей у подножия Пулковских высот. Слева по склону холма рассыпалось стадо черно-белых коров. Протекторы шелестели, словно мы ехали по мокрому шоссе, хотя дорога была совершенно сухой. Стремительно приближалось здание нового аэровокзала с пятью надстройками, похожее на белый корабль. По пологой эспланаде мы въехали прямо на второй этаж вокзала. Собственно, нам нужно было вниз, где камера хранения, но молодой шофер не смог отказать себе в удовольствии подняться в машине на второй этаж.

Большинство участников экспедиции были уже на Новосибирских островах. Сейчас со мной должны улететь последние восемь человек - те, что не участвовали в подготовительных операциях и теперь спешили непосредственно к началу полевых работ. Они уже ждали нас.

Мы взяли из камеры хранения экспедиционное имущество, завезенное туда накануне, и начали таскать ящики на второй этаж, а наши жены сгруппировались в стороне. Зал, залитый голубым светом, был полон летней курортной публики. Среди женщин в мини и в макси, среди ярких рубаш, цветов, легких саквояжей наши выючные ящики, и обшитые мешковиной «места» выглядели нелепо, так же как и наши меховые полупальто, до поры скатанные наподобие солдатской шинели и обвязанные шпагатом. Девушки в васильковой униформе, как на подбор загорелые и как на подбор красивые, со щегольской деловитостью вели регистрацию. Легкие чемоданы, пассажиров ложились на ленту транспортера и уплывали один за другим, очередь быстро двигалась, и я подумал, что, может быть, в новом здании посадка обойдется без обычной нервотрепки. Однако когда подошла наша очередь, появилась еще одна девушка, постарше и менее красивая, чем остальные, и сказала, что наши ящики слишком тяжелы, транспортер финской постройки не рассчитан на такой вес. Носильщики же в новом порту не предусмотрены, поскольку, как мы должны понимать, предусмотрен транспортер. Пока разрешался этот вопрос, поначалу казавшийся неразрешимым, подошло время посадки.

Потом, когда объявили посадку, вдруг исчез техник Коля Громов. Только что он стоял здесь вместе с женой, и вдруг ни жены, ни Коли, а билет его у меня. Что делать? Как матросы по палубным надстройкам, мы устремились вверх и вниз по лестницам аэровокзала. В конце концов, Громов нашелся, а я, только очутившись в ворсистом самолетном кресле, нагретом солнцем почти до воспламенения, наконец сообразил, что так ничего и не успел сказать жене из тех слов, которые хотелось и следовало сказать на прощание. Ту-104 тронулся с места и пополз по бетону, он несколько раз менял направление, и я потерял ориентировку, смотрел то в один, то в другой иллюминатор и не мог уловить, где же теперь здание вокзала.

Через час, в Москве, самолет зашел на посадку над самой березовой рощей. Было видно, как его большая тень скользнула по светлой, еще весенней листве. В Москве было даже жарче, чем в Ленинграде. Размягченный асфальт прихватывал подошвы. В ожидании регистрации на чокурдахский рейс мы сложили свой багаж в холодке возле клумбы, на которой качались цветы душистого табака. Виктор Николаевич, наш главный рыбак, распаковал посылочный ящик, который вез при себе в качестве ручной клади, и вытряхнул прямо на газон целую гору дождевых червей вместе с перегноем. На Севере, в мерзлоте, черви не живут. Тем не менее, местные породы рыб проявляют к червям живейший интерес.

- Пусть погуляют, разомнут кости, - сказал Виктор Николаевич, внимательно следя, чтобы ни один из узников посылочного ящика не укрылся в траве. Гости из Экваториальной Африки, женщина и мужчина, одетые в сиреневый шелк, в изумлении остановились рядом с нами.

...После Москвы я почитал свежие газеты, потом задремал и был разбужен стюардессой, объявившей по радио, что проходим Амдерму. Сквозь просветы в облачности справа была видна бурая полигональная тундра, похожая сверху на брусчатую мостовую. Слева белел лед с пятнами зеленой воды - море. Начался Север.

Яхта «Заря» достигла пролива Югорский Шар, над которым мы сейчас пролетали, 7 августа 1900 года, на сорок восьмой день плавания. Я привожу эти сравнения не для того, чтобы поразить воображение ростом скоростей: это естественное следствие прогресса, прошло семьдесят пять лет, и умиляться здесь было бы наивно. Скорость изменила отношение к путешествию. Дорога потеряла самое привлекательное - возможность наблюдать. Когда-то путешественник мог, наблюдая, двигаться месяцами; это была его работа, а любимая работа не надоедает. Допустим, это был не путешественник-профессионал, а просто обыватель, следующий по личной надобности из пункта А в пункт Б, и его дорога щедро одаривала впечатлениями, что компенсировало потерю времени и тяготы пути. Для современного пассажира полет между теми же двумя пунктами не работа и не отдых, а как бы вычеркнутое из жизни время. Поэтому, задержавшись в пути на час, мы сразу начинаем возмущаться, как будто собирались за этот час совершить бог весть какие подвиги.

Скорость похитила ощущение расстояния: В понедельник третьекурсник сдавал последний экзамен в Горном институте, а вечером во вторник он гуляет в только что полученных резиновых сапогах по берегу моря Лаптевых и грустит о любимой девушке, которая попала на практику в Казахстан. Попробуйте убедить этого парня, что он - в Арктике, с которой следует разговаривать на «вы»!

Следующая после Москвы посадка была в Хатанге. Мы очутились в другом мире. На сопках вокруг поселка лежал чистый снежок, дежурная объявила, что температура воздуха минус три градуса. По бетону тянул ледяной ветер. Я с удовольствием надел меховое пальто, которое так раздражало в Ленинграде и в Москве. Поселок выглядел мертвым, и, так как было совершенно светло, я не сразу сообразил, что здесь сейчас глубокая ночь.

За мной увязалось пять-шесть рыжих и черных лохматых собак, из тех, каких здесь шутя, называют «унтами» - именно шкуры таких собак идут для пошива этого вида обуви. Собаки, играя, бегали кругами, жарко дышали на морозце и пришли за мной прямо на летное поле.

- Господи, - зевнула дежурная, показав золотые коронки, - ну зачем вы их привели?

- Мешают?

- Надоели. Здесь собак больше, чем людей.

На дежурной было элегантное пальто с норкой и большие подшитые валенки.

- Эй, на Чокурдах! - закричала она. - Выходите на посадку, да я спать пойду...

Поселок Чокурдах на реке Индигирке был конечным пунктом нашего полета по билету, купленному в Ленинграде. Там была перевалочная база экспедиции, склады, хозяйственные службы, бухгалтерия, жилые балки - наш временный дом.

Замерзшие пассажиры теснились перед трапом Ил-18, как перед бесплацкартным вагоном.

- Да не давите вы, как ослы, все сядете! - продолжала дежурная с непосредственностью, принятой в этих широтах.

...Еще в начале тридцатых годов географ и этнограф А. Л. Биркенгоф в низовьях Индигирки записал поговорку: «В наших местах воды больше, чем суши». Я услышал эту фразу в 1972 году в Чокурдах, а потом уже прочел у Биркенгофа. От Кондаковских гор до самого Восточно-Сибирского моря Индигирка течет по Приморской низменности - низкой и плоской озерно-аллювиальной равнине. Через иллюминатор самолета видна бесконечная тундра, испещренная озерами и протоками, которым нет числа. Можно сказать и по-другому: бесконечное море воды с причудливыми островами твердой земли. Не знаю, подсчитывал ли кто-нибудь соотношение воды и суши на Приморской низменности, но известны данные по Западной Сибири: здесь заболоченные территории занимают пятьдесят семь процентов, а поверхность озер - почти десять процентов всей площади. Плюс водное зеркало рек... По Приморской низменности, если ты не местный житель, двигаться почти невозможно, даже с точной картой и компасом. Рано или поздно забредешь на какой-нибудь «слепой» полуостров, в тупик, откуда придется возвращаться назад.

Когда Ил-18 снижается перед Чокурдахом, сам поселок, примостившийся в излучине Индигирки, попадает в поле зрения лишь в момент посадки, а несколько раньше среди хаотического царства тундры и воды внезапно открывается взгляду огромная взлетно-посадочная полоса аэродрома, а сбоку - рулежные и стояночные дорожки с кукольными самолетиками на них. Это великолепное творение человеческих рук каждый раз поражает и восхищает, сколько бы я на него ни смотрел - и сверху, и с земли. Особенно красиво в сумерки, когда навстречу иллюминаторам летит подсвеченное прожекторами карнавальное летное поле с цепочками красных и синих огоньков... Впрочем, сейчас было солнечно, поверхность Индигирки зеркально блеснула под крылом, которое уходило вверх во время виража. Я успел рассмотреть, что в нашем экспедиционном поселочке несколько человек вышли из столовой и смотрели вверх, а от крайних балков в сторону аэропорта быстро пошел вездеход: нас встречали.

Мой заместитель по хозяйственной части уже стоял около трапа. Он улетел из Ленинграда вместе с первой организационной группой еще в конце февраля спецрейсом грузового Ан-12. В своем вместительном, как амбар, чреве самолет тащил двенадцать тонн экспедиционных грузов: снаряжение, запчасти, буровое «железо», связки траков для гусениц. У организационной группы было много работы. С ростом технической оснащенности экспедиций труд геолога облегчается, но одновременно возрастает роль организационного обеспечения. Ездовые собаки или олени не нуждались ни в запчастях, ни в бензине. При необходимости олень (а, в крайнем случае, и собака) сам мог служить продовольствием. Одному гусеничному транспортеру ГАЗ-47 на сезон требуется сорок бочек бензина. А транспортеров у нас десять. И трактора. И буровой станочек. Вездеход после зимней консервации - это погребенная под снегом груда смерзшегося железа. Его нужно откопать, отремонтировать и завести под открытым небом. Еще необходимо подготовить снаряжение, закупить в «Колымторге» тонны продуктов, а затем доставить все на острова и там сложить в заранее намеченных пунктах. Летом отряды будут двигаться по маршрутам, не возвращаясь на уже пройденные участки, и для обеспечения их устраиваются «лабазы» - неохраняемые полевые склады. Полярные исследователи прошлого века красиво именовали их «продовольственными депо». Слово «лабаз» перешло к геологам от промысловиков.

Идем в маршрут

Люди, обеспечивающие подготовку экспедиций, заслуживают доброго слова не меньше, чем исследователи. В довоенные годы в отчетах экспедиций, издававшихся Академией наук, назывались поименно каюры, повара и горнорабочие, писалось о стоимости фрахта и о том, где и как закупали провиант и у кого из местных жителей арендовали ездовых собак. Все это воспринималось как часть исследования. Теперь о работниках хозяйственной службы в научной печати не упоминается, а в устной речи их преимущественно ругают. Это несправедливо, но объяснимо: «нулевой цикл» не видно, о нем вспоминают только тогда, когда он чем-то или кем-то нарушается.

За время, что мы не виделись, Геннадий Васильевич, заместитель, успел обрасти бородой. В болотных сапогах, длинные голенища которых не были подвернуты, а свисали от колен вниз, он отдаленно напоминал мушкетера, потрепанного жизнью. (Такая манера носить сапоги была у него еще лет пятнадцать назад, когда мы вместе вели геологическую съемку в Оленекском районе. Только тогда «мушкетеру» было двадцать лет, и он числился коллектором.) Каждый год при такой вот встрече я испытываю нечто вроде чувства вины за то, что сам не участвовал в весенней подготовке и прилетел на готовое.

Поодаль переминались с ноги на ногу несколько наших сотрудников, которые должны были улететь на острова еще в конце мая.

- Плохо дело, - сказал Геннадий, предупреждая мои вопрос. - Во-первых, Ли-2 на ремонте; во-вторых, Чокурдах закрыт по ветру уж не помню который день, принимает только Ил-18 из Москвы. (Наш бывший каюр якут Семен Захаров сказал бы так: было бы масло, лепешку бы сделал, так мука нет.)

- Ну хорошо, - ответил я. - Объясни мне, что у вас тут сейчас - утро, вечер?

Тут было раннее утро. Я перевел часы на местное время.

«Терпение - высшая добродетель полярника»

Фраза, вынесенная в заголовок, принадлежит Фритьофу Нансену. Нансен разбирался в этом вопросе. Известна также русская пословица «Ждать да догонять...» Для меня воспоминания о Чокурдахе - это воспоминания об ожидании. Жизнь нашей экспедиции мало соприкасается с жизнью поселка. Авиапорт, банк, почта - вот почти все точки соприкосновения.

Историк мог бы рассказать об Аллаихе - прежнее название Чокурдаха - много интересного. Поселок упоминается в исторических документах со времен Семена Ивановича Дежнева или даже раньше. Впрочем, в более близкую к нам эпоху этот населенный пункт не играл существенной роли. В 1912 году один этнограф записал: «Аллаиха - якутский посёлок, в 120 верстах от Русского Устья, около 10 дымов; мещан, живущих самостоятельным хозяйством, в Аллаихе совсем нет, лишь двое объякутившихся живут работниками». Этот этнограф изучал так называемых «верхоянских мещан» - русских, пришедших в низовья Индигирки где-то в XVI веке. Живя в окружении коренного населения, «мещане» (а предки многих из них были дворянами не худших родов) сохранили национальные черты и старинный уклад быта. Значит, всего десять «дымов» - десять самостоятельных хозяйств. Еще известно, что ребяташки в Аллаихе ловили иногда до ста штук белых куропаток в день.

Для журналиста находкой был бы сегодняшний совхоз «Аллаиховский», продукция которого экзотична - олень, рыба, песец, а земли, простите за банальное сравнение, превышают территорию многих европейских государств. Из-за огромных расстояний сообщение между отделениями совхоза осуществляется только по воздуху.

Я рассчитывал провести в Чокурдахе день-два: получить спецодежду и спальный мешок, посмотреть последние финансовые документы экспедиции. Арктика заставляет планировать свои действия с точностью до суток: в поле продуктивно можно работать только в бесснежный период, так как снег скрывает предмет исследования. На Новосибирских островах снег в основном сходит к 1-5 июля. 1-5 сентября ложится новый. В распоряжении исследователей примерно шестьдесят дней. Из них сорок три дня с туманами (средние данные за шесть лет для острова Котельный).

Итак, Чокурдах закрыт из-за метеоусловий. Только раз в сутки я вижу в окне моего балка Ил-18. Посадка, через час - взлет... Я не обладаю добродетелью полярника, о которой говорил Нансен. С утра сажусь за письменный стол, но работа не идет, и я бесцельно смотрю в окно. Из окна открывается вид на новое чокурдахское кладбище. Старое исчерпало отведенную ему когда-то площадь - печальный, но бесспорный показатель роста Чокурдаха. Новое кладбище - часть тундры, огороженная сеткой. На нем пока одна могила, фанерный памятник окрашен ярко-голубой краской - кому-то привелось стать здесь первым. (Я вспоминаю кладбища в Иране, при маленьких, бедных деревушках. Почти незаметные, лежат среди сухой травы цементные плиты или просто плоские куски песчаника. И никаких надписей. Идя мимо деревни маршрутом, можно наступить на эти плиты, не поняв их назначения.)

Я одеваюсь и иду в отдел перевозок авиапорта, хотя делать мне там особенно нечего. Наши балки и каркасные палатки вытянулись в линию вдоль берегового обрыва, заросшего тальником. С обрыва на юг открывается долина Индигирки - необозримое низкое пространство, включающее в себя протоки, песчаные отмели, заливные луга, темные полосы кустарников. Слева виден мощный изгиб Индигирки, а далеко-далеко на юге встанут туманные силуэты гор Улахан-Сис.

Земля между нашими домиками заросла высокой травой, темные метелки злаков качаются под ветром. По обочинам, как в среднерусской деревне, зеленеет гусиная травка. За границей поселка буйно кустится ромашка, а еще чуть дальше начинается настоящая тундра: кочки, кустарнички, мох.

Я огибаю взлетную полосу: ходить по полосе нельзя. В порту на раскладушках и в креслах спят транзитные пассажиры: женщины с детьми, офицеры, туристы в штормовках, охотники в сапогах из оленьего меха. Этим людям нужно попасть в Нижнеянск, Билибино, Певек. Но везде была нелетная погода. А Ил-18 привозил и привозил из Москвы пассажиров. Женщины толпой ходили за диспетчером и кричали, что они летят из отпуска, с юга, и что отдых весь пропал из-за этой авиации...

Обратно я возвращаюсь другой дорогой, через поселок. Чокурдах растёт, но возможности роста по горизонтали ограничены, поэтому движение пошло вверх: силуэт центральных улиц определяют двух- и трехэтажные дома. Во многих местах идет строительство: горы кирпича, желтый брус, краны, самосвалы...

На нижних улицах дома маленькие, есть и балки, и небольшие бараки. У стен - штабеля дров, иногда сложенные с большим искусством, иногда сваленные в кучи. Перед домами вкопаны половинки железных бочек, наполненные дождевой водой, в них женщины моют резиновые сапожки, прежде чем ступить на крыльцо. Кое-где на веревках раскачивается вялящаяся рыба. Между домиками степенно расхаживают собаки. Индигирская ездовая собака всегда считалась лучшей на Севере, в XVII веке русские называли реку Индигирку Собачьей. Собаки эти крупные, лохматые, на толстых, высоких ногах, светло-серого и белого окраса, глаза голубые. Собаки добродушны, но только до тех пор, пока бегают на свободе. Решительно не рекомендуется подходить к привязанной собаке на длину ее цепи! Поэтому я прохожу мимо собак с оглядкой, иду дальше и вижу глубокую промоину, спускающуюся к Индигирке.

Индигирские ездовые собаки

Поверхность тундры, за исключением участков развития скальных пород, подстилается льдом или мерзлыми грунтами. Этот материал крепче бетона, пока он не подвергся действию солнечного тепла. От солнца вечную мерзлоту защищает почвенно-растительный слой: несколько сантиметров гумуса, скрепленного корнями растений. Каждый из компонентов - и лед, и почва - представляется непрочным, но в сочетании они образуют систему, с идеальной надежностью работающую в данных природных условиях. Однако это точнейшим образом сбалансированное равновесие легко рвется при вмешательстве сил, не предусмотренных природой. Стоит несколько раз проехать по одному месту гусеницами вездехода - и почвенный слой нарушается, лед оказывается открытым солнцу. На ровных

участках быстро формируются черные, труднопроходимые хляби. На склоне - еще хуже: по колее начинает сочиться ручеек, сначала маленький; он уносит остатки почвы, врезается в лед, набирает силу - и вот уже береговой склон рассекает овраг. Такие явления приходилось видеть в некоторых старых населенных пунктах Арктики.

В Чокурдахе летом бывает до плюс тридцати градусов. Количество транспортных единиц все время увеличивается. Но здесь вовремя спохватились, осознали опасность. Центральные улицы поселка постоянно подсыпают щебнем и шлаком. На столбах развешаны стандартные, как в большом городе, дорожные знаки. Движение гусеничного транспорта по основным улицам поселка запрещено, а чтобы запрещение не было чисто номинальным, в Чокурдахе появилась служба ГАИ. Северные водители, привыкшие ранее считать, что здесь не Москва и можно ехать везде, где только можно проехать, хотя бы и навстречу одностороннему движению, сначала не могли приспособиться к новшествам. Потом были к ним приучены при помощи обычных методов, которые автоинспекция применяет во всех широтах.

Кто-то может подумать: целесообразно ли тратить средства для защиты поверхности тундры, которая не имеет ни конца, ни края, ни конкретной стоимости? В Чокурдахе посчитали иначе. Здесь взвесили все прямые и косвенные убытки от возможного разрушения поверхности и... Впрочем, не знаю, может быть, и не считали с карандашом в руке, а просто прислушались к голосу благородного чувства хозяина. По улицам Чокурдаха можно проехать автомобилем в любое время года и при любой погоде. Конечно, это не асфальт, в сухую погоду над дорогами висит коричневая пыль, но поверхность держится надежно. Лишь местами, над самой Индигиркой, где люди начали селиться еще в далекую старину, образовались промоины...

В выходной меня навестил Володя Алабин, ленинградский парень, бывший наш рабочий. Прошлой осенью он взял расчет и остался в Чокурдахе. Теперь живет на берегу Индигирки вдвоем с напарником, рыбачит «от совхоза».

- Верите ли, - рассказывает Володя, - осенью за три дня девятьсот рублей заработал, за три дня!

- А сейчас?

- Сейчас? - Володя задумывается. - Сейчас матери полсотни не могу послать. Не ловится ни черта...

Володя, видно, давно не был в парикмахерской, выглядит в соответствии с современной молодежной модой. Красные с черными трещинами руки прячет между колен.

- Ехал бы ты домой, Володя, - говорю я. - А хочешь, иди опять к нам рабочим.

- Нет, Владимир Леонидович! - говорит Володя твердо. - Зарботки хорошие, бросать жалко.

Хороший заработок держит многих на Севере. Хотя и здесь, как и в других климатических зонах, он хороший у того, кто хорошо и много работает. Сам по себе факт пребывания в Арктике по-настоящему большого заработка не дает.

Кроме того, такие заработки могут и испортить человека, особенно молодого, а в совокупности с бесконтрольностью, без родительского глаза даже и сломить.

Мне могут возразить: что значит Север, когда ежедневно прилетает Ил-18 из Москвы, когда в Тикси уже есть, а в Чокурдахе скоро будут телепередачи? Север, отвечу я, хотя бы при наличии телевидения, даже цветного, - это четыре месяца полярной ночи. Это работа в пургу, после которой требуется особый отдых. Это пятьдесят градусов мороза плюс ветер, когда не очень хочется выходить из дому. Это нескончаемые деньги и, возможно, отсутствие близких. Чтобы нормально существовать здесь, нужно иметь сильное увлечение, страсть.

В зависимости от круга увлечений живут здесь люди по-разному (я говорю не о коренных жителях - они у себя дома, а о приезжих). Одни семьи живут совсем как в городе: читают, коллекционируют магнитофонные записи, приглашают друзей на коктейли. Многие приехали по договору на три года, а живут десять, пятнадцать и ничем не отличаются от москвичей. Другие зиму напролет играют в лото или в карты. И это еще не худший вариант...

...И вдруг в один из дней один за другим стали взлетать самолеты. К обеду гостиница и аэровокзал с непостижимой быстротой опустели, уборщицы собирали раскладушки в огромные стопки и тащили их на склад до следующего раза. И только наш единственный сейчас в Чокурдахе Ли-2 стоял на ремонте. Он теперь будет стоять, пока у него крылья не отвалятся», - говорил тучный диспетчер Петрович, за что-то злой на ремонтную службу.

В тот же вечер прилетел откуда-то Ли-2, экипаж которого согласился сделать рейс на остров Котельный.

Населенный пункт Темп

Конечным пунктом нашего полета был аэропорт Темп на острове Котельном.

Остров Котельный всеми, кто здесь бывал, воспринимается как главный из Новосибирских островов. Дело даже не в том, что это самый большой остров - без малого одиннадцать тысяч квадратных километров, почти треть Суммарной площади архипелага. Облик Котельного наиболее ярок, эффектен, что ли.

Береговые обрывы на острове Котельном

Острова Фаддеевский и Новая Сибирь сложены кайнозойскими - по геологическому времени совсем молодыми - породами. Они еще не успели приобрести прочность, это рыхлые, слабые пески, суглинки, торф, вязкие глины. Ископаемый лед - единственный прочный субстрат в составе толщи. Геологически пласты пород, слагающие Приморскую низменность, продолжаются и сюда, на острова, поэтому и ландшафт тот же: низкая болотистая тундра, бесконечные кочкарники, где не на чем остановиться глазу. Земля Бунге - и того хуже, просто часть морского дна, едва показавшаяся на поверхности и даже не успевшая как следует просохнуть. Эту группу островов мы в обиходе называем «желтыми» по той причине, что на геологической карте кайнозойские отложения принято красить в желто-серые тона. Однако и реальный вид островов летом соответствует цвету на карте. Желтый песок, желтые полусухие болота, полигональные участки тундры - тоже желтые.

Совсем иное - остров Котельный. Остров слагают древние толщи, которые за сотни миллионов лет претерпели и погружение на глубины, где действуют высокие температуры и чудовищное давление, и воздействие складчатых напряжений и приобрели в результате всего этого особую прочность и способность сопротивляться эрозии. Поэтому остров выглядит так, как и подобает выглядеть настоящей суше: поверхность его пересекают каменистые возвышенности, долины рек глубоко врезаны, рисунок береговой линии выразителен, особенно на тех участках, где развиты скальные обрывы. На Котельном больше твердой, ровной земли, удобной для устройства жилья, прибрежные пляжи изобилуют плавником, стада диких оленей здесь многочисленнее, так как олень ищет корм не на болоте, а на сухих пространствах тундры. (Должен сказать, что те наши геологи, которые работали только на Котельном и не видели других островов архипелага, не вполне разделяют мою точку зрения. Они считают, что, насколько интересна геология Котельного, настолько уныл ландшафт. Все относительно.) Так или иначе, немногочисленное население Новосибирских островов тяготеет к острову Котельному, а на Котельном - к населенному пункту Темп, необъявленной столице архипелага.

Населенный пункт Темп можно найти даже на мелкомасштабной карте мира. На этой карте нет таких городов, как Выборг или Тула, а Темп есть. Это не значит, что Темп важнее Тулы. Просто в соответствующей части карты было достаточно места, чтобы написать название. На том же западном берегу острова Котельный южнее Темпа на некоторых картах обозначен еще один пункт - Киенр-Ураса. В пятидесятых годах здесь еще действовала ПОС - промыслово-охотничья станция. На самом краю берегового обрыва против острова Тас-Ары стояли четыре или пять домиков с крохотными, как у амбара, оконцами. Начальник ПОСа снабжал промышленников продуктами и принимал пушнину. Сейчас заброшенные избышки обветшали, выросли в землю. В 1973 году Д. А. Вольнов видел с острова Тас-Ары дым, курившийся над одной из них, и слышал лай собак. Здесь летовал кто-то из кочующих охотников, он мог бы гордиться, если бы знал, что его временное пристанище нанесено на карту мира.

По старой памяти Темп называют аэропортом (из уважения к немногочисленным оставшимся здесь его работникам). Регулярных пассажирских рейсов на остров нет, так как нет пассажиров, которые желали бы туда попасть. Однако аэродром поддерживается в рабочем состоянии как посадочная площадка местного значения: принять санрейс и почтовый, а то сядет ледовая разведка или какая-нибудь экспедиция вроде нас...

Наш грузовой Ли-2 много лет возил бочки с горючим, железо, строительный лес, туши мороженого мяса... Пол покрывали неструганные доски, исцарапанные грузами, словно настил в кузове грузовика. Мелко вибрировала алюминиевая обшивка. Я натянул шубу и лег на груды спальных мешков, это было комфортабельнее, чем в лайнере международной авиалинии. В иллюминатор я посмотрел только тогда, когда самолет пересекал линию берега. На льду пролива Дмитрия Лаптева стоял слой воды, которая выглядела светло-коричневой, как спитой чай. Вскоре сплошная полоса воды кончилась, ближе к центру пролива лед был местами сухой, местами на поверхности его видны были обширные лужи, местами чернели полыньи. Кончался июль. Наступило время разрушения сплошного ледяного поля. Подвижки раздирали ледяной массив, по трещинам сжатия строились заборы торосов. Не знаю, какой была толщина льда в этом году, но случается, она достигает и двух, и трех метров. Представьте себе льдину, толщина которой превышает высоту вашей комнаты, даже если вы живете в доме старой постройки. Это не удивительно: в некоторые, правда рекордные, годы число дней со среднесуточной температурой ниже нуля превышает триста!

Ближе к берегу острова Большой Ляховский лед был грязный от пыли, нанесенной ветром с острова за зиму; черное лежало не сплошь, а пятнами, образуя сложный рисунок. У мыса Бурус-Тас стена свежих торосов, белая на фоне грязного старого льда, была особенно высока. Вдоль стены лежала глубокая тень.

Горы острова Большой Ляховский были затянуты туманом. Иногда в просветах было видно, что тундра уже по-летнему зеленеет, только по руслам речек еще сохранились снежники; такое впечатление, будто гидросеть была нарисована белой краской по темному. За северным берегом острова вошли в низкую облачность, и дальше до самого места назначения в иллюминаторе было только крыло, огромное, как крыша, крытая оцинкованным железом. Покрытый светящимся красным составом конец крыла едва различался в полумраке.

А у западного берега Котельного облачность внезапно пропала. Лед на море ослепительно блестел, береговые обрывы на полуострове Михайловском были почти свободны от снега.

- Завтра пойдем в маршрут! - крикнул мне Вольнов. Мне тоже не терпелось скорее взять молоток в руки.

И вот перед нами Темп, «воздушные ворота» Новосибирских островов, если воспользоваться терминологией газетчиков.

Посреди залива Стахановцев Арктики, отчленяя от него мелководную лагуну, плавной дугой вытянулась галечная коса. К югу она расширяется и напоминает сверху ладонь с растопыренными пальцами, а северный конец узкий и длинный, как едва показавшаяся из воды спина подводной лодки. На северном конце косы стоит добротный бревенчатый барак, рядом - несколько подсобных строений.

Вот в правом иллюминаторе показались наши палатки, вытянутые в линию, колеса коснулись гальки, и машина, покачиваясь, покатила к домику авиапорта. Слева показались емкости для горючего. Около взлетной полосы еще дотаивали остатки снега, на голубой поверхности луж маленькие волны от винтов бежали в одну сторону. Сережа, темповский дизелист, шел впереди самолета, показывая, куда выруливать.

- Вот с этим мужиком, - сказал Д. А. Вольнов, заметно волнуясь, - в пятьдесят пятом мы работали. Он тогда еще в старом Темпе жил.

Раньше жилье в Темпе стояло в устье речки Седова. Тогда через протоку ходила лодка по паромному канату, а на той стороне всегда стоял грузовик. Каждый, кому было нужно, мог завести машину и подъехать к домам. Но в старом Темпе было плохо с питьевой водой.

- Вы уже двадцать лет здесь? - спросил Вольнов дизелиста, когда мы вышли из самолета.

- Двадцать четыре...

Кроме Темпа на острове Котельном есть две или три полярные станции, но они даже не имеют с Темпом прямой радиосвязи, а только через Тикси. Несколько охотников промышляют на острове песка. В Темпе нет врача. И нет кладбища. Заболевших увозят самолетом в Тикси...

Пейзаж Темпа лишен вертикальных линий. Не уловить, где кончается коса и начинается море. Только темными пятнами выделяются штабеля бочек, которых здесь скопилось великое множество. Ни трава, ни мох не растут на плоской серой гальке, покрытой известковым налетом. Зато Темп не знает грязи ни при какой погоде. Галька совсем как в Сочи на пляже, даже запах морской гнили можно уловить в теплую погоду. Коренной берег острова здесь невысок, на нем нет объектов, способных задержать взгляд. Нет в Темпе и многого другого, а самбе существенное, по-моему, отсутствие свежих впечатлений. Информационный голод злее голода физического.

- Не надоело? - спрашивает Вольнов дизелиста.

- Нет, а почему? К тому же скоро до пенсии дотяну, до льготной...

Обычное объяснение: льготная пенсия, надбавки, районный коэффициент. Люди словно стесняются более высоких мотивов.

- Ну дотянете, а потом что?

- Потом? Потом, может, еще останусь. Привык здесь, в городе маюсь, не знаю, чего делать. И жена тоже самое...

- Давно вы женаты? - спрашивает Вольнов.

- В шестидесятом году летал в Тикси по работе, - охотно рассказывает Сережа, - ну а она летела в Певек и тоже в Тикси застряла. Погоды нет, денег нет. В аэропорту две якутки знакомые и Колька-тракторист подходят, шутят: «Хочешь жениться? » Подвели ее, познакомили, посадили рядом в кресло. Через несколько часов перекомпостировали ей билет, взяли вина, свадьбу сыграли. Я потом ее спрашивал: как же ты так, с ходу, за меня пошла, может, я больной какой? - Она смеется: - На острове холостяков много, нашла бы здорового. Живем хорошо, грех обижаться.

Дмитрий Александрович Вольнов спросил об экспедиции пятьдесят пятого года. Оказалось, что Сергей помнит только один эпизод: радист авиапорта перестрелял несколько ездовых оленей, приняв их за диких, пока каюры смотрели кино в кают-компании. Больше он, к огорчению Вольнова, ничего об экспедиции не мог вспомнить. За прошедшие почти двадцать лет Сережа общался с меньшим количеством людей, чем Д. А. Вольнов за иной день, тем не менее, Вольнов запомнил Сережу, а Сережа Вольнова - нет, хотя случай с оленями живет в его памяти как событие, полное комизма. Очевидно, неодинаковая направленность внимания у разных людей.

Проблема «информационного голода» занимает меня давно. Я..понимаю, что от этого застрахован исследователь, открыватель. Еще М. М. Геденштром писал: «Но и самая скука здесь не столь много ощутительна, ибо взор обращается свободно, встречая множество предметов, которые либо новостью, либо, если можно так сказать, ужасною прелестию своею занимают воображение».

Несколькими днями позже я возвращаюсь к этой теме в разговоре с начальником аэродрома Иваном Васильевичем Шешуриным. Он говорит:

- Информационный голод можно испытывать и в Москве. И в Париже. Наши деды говорили: царство божие внутри нас.

За стеной его комнаты ветер свистит в антеннах, как в вантах. Если вслушаться, можно различить каждую отдельную струю в общем потоке. Мы пьем кофе из тонких чашек.

- В городе некоторые живут как? - продолжает Иван Васильевич. - Купил он себе красную машину и желтую собаку. Достиг полного счастья. Вдруг смотрит, у соседа-то машина оранжевая, а собака аж трехцветная. Беда! Все идут в аспирантуру, а его сын не попал - снова беда! Вот он и вертится, как вентилятор.

- А на островах как? - спрашиваю я.

- Принято так считать, что здесь выживают только бывалые, зубы съевшие на этой экзотике. Не так! Любой умный человек может здесь жить распрекрасно, если есть воля.

...Солнечные дни на Котельном редки. И все-таки, вспоминая о нем, я вижу его таким, как сейчас: солнце, необыкновенная голубизна неба, сверкающий лед в заливе и свежий, упругий, холодный ветер. И наш лагерь.

Наш лагерь

Чувство лагеря. Вот шли, шли, устали и, наконец, решили встать на ночлег. Через час уже стоит палатка - дом, в котором спасительное тепло или спасительная прохлада. Дым костра потянулся по земле. Оказавшись здесь спустя годы, ты с теплой грустью вспомнишь тот ночлег и узнаешь куст, на котором тогда висело твоё полотенце.

Прошлой осенью здесь, в Темпе, мы гадали: улетим или не улетим в намеченный день. А сейчас я шагал по фарфорово звенящей гальке и радовался, словно мальчик, приехавший на каникулы к маме.

Остров Бельковский

Моржи

Зеленый бок Ми-8 был покрыт копотью, по которой кто-то пальцем нарисовал волка из «Ну, погоди!», стилизованный в той же манере портрет командира вертолета и фигуру ангела с крыльями. Подошел командир, засмеялся и сказал, чтобы ангела стерли. «Вознестись, - сказал он, - всегда успеем».

Мы летели на остров Бельковский спешно, потому что работающий там наш отряд в течение девяти дней не выходил на радиосвязь.

Первый день: встречи и воспоминания

В грубых чертах, остров имеет форму неправильного ромба, вытянутого по меридиану почти на шестьдесят километров. В самом широком месте остров можно пересечь пешком за три часа. Еще прежде, чем была выполнена первая геологическая съемка острова, знаток геологии Арктики Т. Н. Спижарский заключил, что остров, «вероятно, представляет складку с меридиональным или близким к этому простиранием». Вывод просто напрашивался из самой формы острова. Впрочем, позже оказалось, что структуры ориентированы совершенно Иначе.

Через пролив Заря, где на чистой воде покачивались одиночные льдины, вертолет пролетел за четверть часа. Мыс Северный на острове Бельковский врезался в море, как нос крейсера. Отсюда вертолет пошел на юг вдоль восточного берега острова. Прямо под иллюминаторами стояли серые скалы, казавшиеся преувеличенно объемными, словно изображение в стереоскопе. Со скал срывались кайры, носились, широко раскрывая клювы, и можно было себе представить их крики, которые не были слышны за гулом двигателей. В какой-то момент наше движение замедлилось, и командир поманил меня, показывая рукой вниз. Я посмотрел через стекло под его ногами. Вертолет завис, как показалось, в нескольких метрах над белым медведем. Медведь неуклюже спешил к воде, его задние лапы на кочках тундры широко разъезжались в стороны, как лапы у морского льва. Командир движением рукоятки отвел машину в сторону. Уже издалека мы увидели, как медведь, добравшись, наконец, до кромки обрыва, покотился вниз, увлекая за собой камни, плюхнулся в воду и поплыл, изредка поднимая голову вслед вертолету, который медленно развернулся и продолжил путь на юг...

До недавнего времени белый медведь был самым популярным и распространенным персонажем книг об Арктике. Стоило приземлиться на лед - либо остановить судно, как тут же начинали подходить медведи. Медведи просовывали головы в окна палаток и бесчисленное количество раз разоряли продуктовые склады.

Что касается меня, то, скажу честно, это был первый увиденный мной живой белый медведь, если не считать обитателей ленинградского зоопарка.

На широком галечном мысе Лагерном речка, слегка подпруженная в устье, образовывала озеровидное расширение, и около этого озера виднелись три палатки - две рядом, а одна чуть поодаль. Я прильнул к иллюминатору: антенная мачта стояла, но вездехода около лагеря не было и люди не, выходили. Потом из палатки вылез человек в ватных брюках, в телогрейке и ушанке, наверное, до нашего появления он спал. Пока вертолет садился метрах в пятидесяти от лагеря (ближе нельзя, иначе все посрывает ветром от винтов), человек медленно приближался, придерживая шапку обеими руками.

Оказалось, это был студент. Остальные уехали в маршрут, вернутся сегодня вечером, а его оставили хозяйничать.

- Почему не выходили на связь? - спросил я студента.

- Да, кажется, рация отказала, но точно я не знаю, - ответил он, зевая.

Бортрадист принес из вертолета свой рабочий чемоданчик, и через пять минут станция засветилась желтым глазком, а еще через пять снова завращались винты, поднимая мусор и мелкие камешки, а я невольно потянулся за фотоаппаратом - странная потребность обязательно сфотографировать улетающий вертолет или самолет, причем позже, дома, эти кадры обычно не печатаю.

- Простите, - окликнул меня студент, выглядывая из кухонной палатки, - вы не знаете, во сколько раз вермишель увеличивается в объеме при варке?

- В два с половиной раза, - ответил я, чтобы не ударить в грязь лицом.

Специальностью студента была ядерная геофизика. Он возился у примуса и вряд ли задумывался над тем, что входит в первую десятку людей, когда-либо на протяжении истории посетивших остров Бельковский (если не считать местных промысловиков). В двадцатых годах прошлого века здесь был П. Ф. Анжу. Он писал: «Берега этого острова каменистые и утесистые, вышиной от 10 до 15 саженей; на южной и восточной сторонах каменные утесы местами сменяются земляным яром; к западу текут мелкие ручейки» - вот почти и вся информация. В 1902 году во время ледовой стоянки «Зари» в лагуне Нерпалах на Бельковском побывали А. В. Колчак (в мае) и Ф. А. Матисен (в июле), выполнив там астрономические наблюдения. Кроме того, первый доставил образцы известняков и «сланцев» (вероятно, аргиллитов), второму же принадлежит несколько прекрасных фотографий острова. В 1954 году на острове работала группа из Арктического института во главе с известным полярным географом Е. С. Короткевичем (собранный им геологический материал остался необработанным), а в 1956 году мелкомасштабную геологическую съемку острова выполнил наш коллега Георгий Александрович Ермолаев, недавно ушедший на пенсию. Вот и все, кто здесь побывал до нашей экспедиции.

Над входом в нашу палатку были прибиты оленьи рога. На рог, как на ветку, села пуночка. Совсем необычная для здешних мест картинка - птичка на ветке - неожиданно напомнила дом, и стало немного грустно. Чтобы отвлечься от невеселых мыслей, я взял молоток и пошел к берегу. Галечный пляж, сначала широкий, стал сужаться и приблизился к коренному склону настолько, что местами сухого пространства не оставалось, и нужно было ловить момент, когда волна, ударив в берег, скатывалась обратно, шевеля гальку. Кое-где приходилось перелезать через скопления еще не растаявшего снега, темного от пыли и растительного мусора.

Я брел по гальке и смотрел себе под ноги. Наблюдения по обломочному материалу считаются малодостоверными. Действительно, галька не имеет точного адреса, и нужно провести специальные поиски, чтобы установить источник сноса. Но, если не ставить себе особых задач, очень интересно рассматривать гальку в русле реки или на берегу моря. Здесь собраны и перемешаны «представители» всех пород, разрушаемых на острове. Галька, особенно мокрая, очень красива. Обычные породы, совершенно неинтересные в обнажении, приобретают при окатывании редкие рисунки и форму. Породы, слагающие остров Бельковский, однообразны. Это темные массивные карбонаты, местами пронизанные жилами белого кальцита разной мощности. Серое и белое - вот и вся цветовая гамма этих пород, если не считать оттенков. Но вот я поднимаю гальку и вижу строгий, словно обработанный на гончарном круге, почти черный диск, наискось перечеркнутый белой полосой. Или вот дымчатое, правильной формы яичко, полупрозрачное с тонкого конца. А эта галька - уже миниатюра: на темном небе стоя чашечка, их крылья угловато изломаны и концы, как у настоящих птиц, сходят на нет.

Я поднял еще одну гальку, размером и формой похожую на стиральную резинку, хорошо послужившую школьнику. Присмотревшись, увидел, что шероховатый известняк был некогда раздроблен, разбит на угловатые обломки, а затем спаян в единое целое прожилками кальцита. Внутри же прожилок и рядом с ними видны мелкие и покрупнее каплевидные включения чего-то твердого, как черное стекло. Это битум - далекий «родственник» нефти.

В галечке, поднятой из-под сапога, запечатлен результат сложного и напряженного геологического процесса. Когда-то порода, уже прочная, окаменевшая, подверглась интенсивным Динамическим воздействиям и была раздроблена. По зоне разрыва хлынули из недр горячие минерализованные растворы. Из них образовались минералы, вновь цементируя дробленую Массу.

Я двигался по берегу не торопясь, пока не уперся в «непропуск» - место, где отвесная скала уходила без всякого пляжа в глубокую воду... Не часто представляется возможность сделать свободный, внеплановый маршрут или просто такую вот прогулку. Я не знал, сколько времени, и, только дойдя до тупика, посмотрел на часы: было уже около семи вечера. Сразу ощутилась глубокая усталость. Укрывшись за углом скалы, я сел на камень лицом к морю. Ветер тащил над водой низкие облака, горизонт приблизился, все было серым, как на плохой черно-белой фотографии. По странной ассоциации мне вдруг вспомнился давний эпизод: такой же усталый, я сидел на камне и отдыхал, только камень был раскаленный, и день жаркий и полный красок. Иран, северные отроги хребта Эльбурс. Мой маршрут шел вдоль склона долины горной реки. Выше начинался роскошный буковый и дубовый лес, а в зоне моего маршрута небольшие скальные выходы чередовались с зарослями колючего кустарника. Время от времени из кустов с шумом скользили вниз по склону почти метровые змеи. («Это кобра, чтобы ты знал, Володя!» - говорил про них старик Иван Владимирович Бакрадзе, наш начальник. Но это были не кобры и вообще не змеи, а безногие ящерицы.)

Склоны нижней части долины, подо мной, желты, как сухая глина, разбиты на лоскутки - участки, с которых крестьяне недавно собрали хлеб. Сейчас они транспортировали солому с участков в деревушки, лепившиеся тут и там на уступах. Мужчины собирали солому в огромные вязанки, а женщины и ребяташки принимали их на спину. Ярко-золотые шары, из-под которых едва были видны две ножки, по одному и группами катились в разных направлениях по тропам.

А потом из кустов неслышно появились два чумазых первоклассника, оба в ситцевых штанах и в литых капроновых сандалиях на босу ногу (эта копеечная обувь горами лежит прямо на полу в любой деревенской лавке). У одного висела на боку пластиковая сумка с фальшивой надписью «Эр-Иран», а второй держал азбуку прямо под мышкой, как Буратино. Ребята подошли, стали рассматривать мою сумку, часы, молоток и долго прикладывали к уху компас, силясь понять, почему стрелка есть, а внутри не тикает.

- Почему вы здесь сидите? - спросили ребята.

- Устал, - ответил я.

Пацаны пошептались и ушли, я забыл о них и думать, как вдруг они вновь появились на тропе, толкая перед собой белого ослика без седла и узды.

- Садись, мистер! - закричали оба, показывая руками на спину осла. - Ты устал, садись!..

Налетевший вдруг порыв холодного ветра прервал мои воспоминания. Я встал и пошел обратно. Когда я вернулся в лагерь, все уже были в сборе: и начальник отряда Валентин, и геолог (он же радист) Леонид, и наш старый кадр - рабочий Женя Федоров, и всегда мрачный водитель Вездехода Хмелев.

- Это ужас - десять дней никакой связи с внешним миром! - сказал Леонид с неподдельным отчаянием. - За это время «Зенит» три раза играл, а мы ничего не знаем.

Увы, я не знал результатов игр «Зенита», как-то не поинтересовался, чем, боюсь, показал себя не с лучшей стороны.

- А вас не смущает, что медведь по острову ходит? - спросил я.

- Видели его, - мрачно сказал Леонид. - Руки чешутся, да циркуляр не позволяет.

Стрелять в белого медведя категорически запрещено. В случае прямого нападения рекомендуется отпугивать его ракетами или дымовыми шашками.

Те, кому я привез письма, поддерживали беседу, старательно скрывая нестерпимое (знаю по себе) желание скорее их прочесть; не получившие писем столь же старательно демонстрировали равнодушие к этому факту.

- Ладно, идите читайте, - сказал я, - после поговорим, за ужином.

Когда студент подал вермишель с тушенкой, я спросил:

- Нельзя ли маслица положить, вермишель-то увеличилась в объеме, а консервы не увеличиваются.

Водитель Хмелев оттолкнул миску:

- Скажи спасибо, что здесь все интеллигентные! В другой компании тебе за такое блюдо не поздоровилось бы.

- А для другой компании я был готовить не стал, - резонно ответил студент.

- Как погода-то у вас, очень плохая была? - спросил я? Меняя тему разговора.

- Нет, почему же! Июль нынче неплохой. Второго и двадцать первого было солнце.

И про эти второе и двадцать первое я потом слышал не раз то от одного, то от другого.

Снаружи свистел западный ветер, он нес через остров снеговые тучи. Брезент намок, и в палатке сначала стало светлее. Я выглянул: мокрый снег летел горизонтально. Когда он облепил палатку, внутри снова стало темно, темнее, чем раньше. Мы заснули под свист ветра и хлопанье брезента, уверенные, что наш маршрут, намеченный на завтра, сорвется.

Начало маршрута. Обед у дяди Коли

А утром стояла необычная тишина, и, расстегнув полог, я увидел прямо курортную картинку: в голубом, без единой льдинки море, которое только чуть-чуть играло на солнце, стояло судно. Черный корпус, светлые надстройки, труба с красной полосой - корабль был странен своей громадностью. Очевидно, он подошел ночью и встал под берегом, укрывшись от западного ветра. Из-за расстояния люди на палубе не были видны, только можно было рассмотреть вертолет на корме. Потом сверху его завращался винт, и вертолет поднялся в воздух. Он описал круг, подлетел к нашему лагерю и, встав против ветра, опустил на гальку, щупая колесами прочность почвы, словно живое существо. Из тупоносой зеленой коробочки один за другим высыпались шесть человек в чистой рабочей форме, в зимних шапках и белых нитяных перчатках. Старший представился старпомом с ледокола «Владивосток». Судно, оказалось, отстаивается в ожидании танкера, который нужно проводить на Колыму. Я спросил, не известен ли им прогноз. Старпом объяснил все научно: оказывается, мы были в зоне циклона, а теперь идет антициклон. Как только циклон пройдет, все будет в порядке.

Моряки осмотрели наш лагерь, заглянули в палатки, а потом один спросил с искренней жалостью:

- Вот так вы и живете?

- А вы лучше?

- Мы другое дело. Нас народу больше ста человек. Постельное белье. Кино. Волейбол. Бадминтон. Жить можно.

Когда на севере встречаешь людей, очень хочется сделать им приятное. Мы подарили гостям несколько обыденных для нас предметов, которые им показались интересными: обломок бивня мамонта, старые олени рога, подобранные студентом в тундре, два-три камня с отпечатками фауны.

Проводив гостей, мы отправились в маршрут. В течение дня мы видели, как вертолет несколько раз пролетал над островом с востока на запад и обратно. Наверно, это была ледовая разведка, или, может, они встречали танкер. Уже отъехав далеко к северу, мы видели, как от ледокола к нашему мысу Лагерному подходил катер. Позже Женя Федоров, который оставался в лагере, рассказал, что с ледокола приходили на катере целые экскурсии. Три смены по два часа. «Экскурсанты» гуляли по косе, собирая камушки, играли в мяч на твердой земле...

Снег, выпавший за ночь, не успевал даже таять, а прямо «сгорал», испарялся на солнце. С утра поверхность острова была белой, к полудню тундра стала пестрой, как весеннее оперение куропатки, а еще позже снег сохранился только в углублениях между кочками. Мокрые кочки были ярко-зелеными, на травинках сверкали капли, над кочками поднимались испарения, подсвеченные солнцем. Солнце в тундре - это праздник красок. Собственно, набор цветов ограничен: голубое, зеленое, белое, черное. Но чистота тонов, оттенки, тени делают все необычайно красивым.

Маршрут вокруг острова по берегу, который мы начали, был ранее уже пройден Валентином и Леонидом, и мы не собирались повторно вести систематические наблюдения. Маршрут был контрольным. Мы должны были только уточнить то, что осталось неясным, посмотреть дополнительно некоторые обнажения.

Между Валентином и Леонидом, моими спутниками, существуют непростые отношения, хотя они друзья и в их биографиях есть много общего. Оба начинали работу в геологии коллекторами и уже в зрелые годы окончили вечерние институты, познав свою науку, так сказать, и снизу и сверху. Валентину за тридцать, а Леониду уже ближе к пятидесяти, но оба принадлежат к тому типу мужчин, которые независимо от возраста даже незнакомыми людьми воспринимаются как парни. Возможно, потому, что оба они спортсмены - лыжники, альпинисты. А может быть, наложила отпечаток прошлая многолетняя служба на «солдатских» должностях в геологии. Различие же заключается в том, что Леонид, начав работать раньше, успел пройти школу геологов-полярников довоенного поколения, еще носившего форменные фуражки Главсевморпути. Это было поколение путешественников и природоведов. Леонид научился в железной бочке из-под солянки печь хлеб вкуснее ленинградского, он может поймать рыбу подручными средствами, без снастей, разжечь на ветру костер из мокрого плавника и многое другое. Валентин же растапливает печку в палатке, плеснув на толстые дрова бензина из консервной банки. Это злит Леонида, хотя печка разгорается быстро. В минуты конфликтов Леонид называет Валентина салагой, а тот его - землепроходцем, вкладывая в это слово весь свой запас иронии. Конфликты в общем редки, а в мирное время тлеет подспудный огонек соперничества, полезного для дела.

- Сейчас я вам покажу силур, который, помните, Ермолаев описал в районе устья Знакомой, - говорил Валентин, заметно нервничая: он впервые в жизни был ответственным исполнителем. - Так вот, есть у меня мысль, что это не силур вовсе, а средний девон.

- Ты за свою мысль, как за последний рубль, - сердито возражал Леонид, который когда-то работал с Георгием Александровичем Ермолаевым, правда, не на Бельковском, и для него Ермолаев был большим авторитетом, чем Валентин.

Силур и девон - это сокращенные наименования двух геохронологических периодов, а также и соответствующих им систем отложений, иначе говоря, толщ осадочных пород. Силурийский период начался около четырехсот сорока миллионов лет назад, девонский - четыреста пять - четыреста десять миллионов. «Подумаешь, разница!» - может сказать читатель. Но дело не только в этой разнице. Геология изучает события прежде всего в их исторической последовательности, относительный возраст - главный отличительный признак геологического объекта, а время, хронологическая шкала - единственная система отсчета. Ошибка в возрастной индексации хотя бы одной толщи сразу ломает всю картину. Границы между единицами стратиграфической шкалы носят планетарный характер и отвечают крупнейшим геологическим событиям, сопровождавшимся коренным обновлением состава животного и растительного мира.

В Восточной Сибири к границе между силуром и девоном приурочено начало крупной трансгрессии - наступления моря, но оно осуществлялось не везде одновременно. Конкретно в районе Новосибирских островов смена режимов происходила постепенно, поэтому граница оказалась нечеткой, и никому пока не удалось наблюдать ее, хотя все и стараются найти.

Почти весь остров Бельковский сложен девонскими толщами, и только на восточном берегу, на единственном крошечном участке, Г. А. Ермолаев в 1956 году обнаружил силур, установив его на основании единичного определения фауны, хотя сами породы по облику не отличались от девонских. Выход силурийских отложений в данном месте плохо вписывался в представления о структуре острова, требовал каких-то особых объяснений, и Ермолаев нашел такое объяснение: он предположил, что силурийские породы выходят среди поля девонских в виде тектонического блока, выжатого из глубины по системе разломов, тем более что один разлом можно было наблюдать в натуре. Принципиально все это было вполне возможно, но уж слишком мал был блок, и это вызывало сомнение, не дававшее Валентину успокоиться.

Наконец мы прибыли на искомое место. Там, где глубокая и узкая долина ручья пересекала береговой обрыв, русло было завалено угловатыми обломками породы. Такие речки якуты называют сытыы-таастах («острые камни»). В самом узком месте сохранился старый, слежавшийся снежник. Здесь было сумрачно, а в проеме между крутыми склонами долинки открывалось голубое и солнечное в этот день море. Мы сразу увидели то нарушение, о котором говорил Г. А. Ермолаев; собственно, по нему и сформировалась долина ручья. Среди черных толстослоистых известняков мы увидели полутораметровый прослой ракушечника. В четыре геологических молотка мы начали отбивать остатки кораллов и раковин брахиопод.

- Смотрите, - кричал Валентин и совал мне в руки свои находки, - это же типичная девонская форма! Видели вы таких в силуре?

Я, честно говоря, не видел таких ни в силуре, ни в девоне, но, когда нашу коллекцию в Ленинграде пересмотрели специалисты-палеонтологи, оказалось, что Валентин был прав. Силур сняли с геологической карты острова Бельковского.

- Обедать будем у дяди Коли, - сказал Валентин, - здесь уже недалеко.

Изба, в которой жил промысловик, стояла над самым береговым обрывом. Сам сруб квадратного сечения был сложен из плавника и сверху засыпан землей, теперь зеленой ото мха, а сбоку пристроены обширные сени коридором из бревен, поставленных наклонно. Рядом с домом была, сооружена полка на четырех столбах, куда зимой охотник складывает еще не ободранных песцов, чтобы не достали собаки, и лежали на боку самые обыкновенные, как в деревне, козлы для пилки дров. Растительный покров вокруг домика был зеленее, чем окружающая тундра, - люди и собаки удобрили почву. Кругом валялись кости, олени рога, ломаные полозья от нарт, казалось, что это временное жилье в котором не собираются находиться долго. И правда, за обедом охотник рассказал, что зимовать будет в другом месте, на острове, где десять или одиннадцать избушек, а здесь поживет, только пока будет ремонтировать ближние «пасти» - песцовые ловушки...

В сенях, где зимой ночуют собаки, стоял тяжелый запах, но в комнате воздух неожиданно оказался свежим, и вообще было чисто, кровать была закрыта голубым с белым покрывалом, а стены частично завешены ситцем. У двери висело большое зеркало, в которое Валентин, как я заметил, непрерывно косил глазами - он недавно начал отращивать бороду. Там же, где стены были ничем не закрыты, виднелись влажные, черные бревна, обросшие грибами, как в старой бане. В крошечном окошке без рамы дребезжало под ветром стекло, укрепленное гвоздиками. Дядя Коля был похож на старого солдата времен войны: бобр, застиранная гимнастерка, и сидел по-солдатски, держа ладони между колен.

- Не завалило бы вас тут, - сказал Леонид.

- Не завалит! - живо откликнулась хозяйка, поворачивая к нам горячее от печки лицо, и сразу стало видно, что она еще совсем молодая. - Мы еще дочку ждем!

- Этих двух нам мало... - сказал дядя- Коля ворчливо.

У двух их сыновей, четырнадцати и шести лет, была своеобразная внешность: черты лица от матери - якутские, а волосы светлые - в отца. Младший сидел у порога и длинным охотничьим ножом пытался из дощечки выстругать «правило» - нехитрое устройство, на котором сушат песцовую шкуру.

- Этот - работяга, - сказал отец. - Да и длинный тоже. Скоро в Тикси поедет, в шестой класс. Продолжать образование.

«Длинный» залился краской, а маленький продолжал строгать.

- Тебя как зовут? - спросил я его.

- Васильев Геннадий Николаевич.

За обедом Леонид уговаривал дядю Колю съездить с нами на мыс Моржовый, заодно посмотреть ловушки и поохотиться на оленей, если встретятся. Охотник не соглашался.

- Но ведь я на этом потеряю два дня, - сокрушенно повторял он. - Никак невозможно потерять!

А я-то всегда думал, что для местного жителя основная проблема - как убить время, по крайней мере, летом, когда нет охоты.

- До морозов надо все ловушки освоить, - говорил дядя Коля, - а потом ни колышек не вобьешь, ни бревна от земли не оторвешь.

Чай мы пили из тонких стаканов, чайные ложечки блестели, а сахар был подан не в миске, как принято у нас в геологической службе, а в фарфоровой сахарнице с двумя ручками. После чая все, кроме хозяйки, вышли наружу. Восемь мощных лохматых псов, привязанных в стороне каждый к отдельному колышку, скулили и натягивали цепи.

- Сейчас, без работы, я их через день кормлю, - рассказывал наш хозяин. - А в самую работу каждой два, а то три кило мяса подавай. Собаки-то горячие. Когда в одной связке, так трое не удержат.

Над обрывом свистел ветер, опять поднявшийся к этому времени (наверное, приближался антициклон, о котором утром говорили моряки). Ветер нагнал в лагунку огромную массу битого льда, среди которого сохранились отдельные целые льдины, иногда грязные, иногда нежно-голубые или зеленые. Все это ворочалось, дышало, как бы кипело в глубине под напором ветра, и вдруг оттуда вырывался заряд вспененной воды, взлетал вверх и бил в скалы.

Генка, присев на корточки, что-то делал невдалеке от зимовья. Я подошел и увидел, что между кочками сооружена из палочек комната с окном и дверью. В рюмку с водой было поставлено несколько стебельков тундровых цветов - букет, рядом лежали игрушки: поплавки от сетей, выброшенные морем, и среди них самая лучшая, самая красивая вещь, тоже подарок моря - розовый пластиковый пузырек из-под шампуня.

- Я здесь живу - сказал Генка и посмотрел с вызовом: верят или нет? Ему хотелось играть.

Когда мы отъехали от зимовья, начались «осадки»: трудно определить, что это - дождь или снег. Типичная погода Новосибирских островов. Летом, наверное, восемь дней из десяти бывает такая погода (хотя общее годовое количество осадков здесь в четыре раза меньше, чем в Ленинградской области).

Моржи

Попав в северную часть острова перед мысом Северным, начинаешь ощущать, что ты на острове. В других местах Бельковского этого впечатления нет, ты чувствуешь себя как бы на материковом берегу. А тут открывается море и справа и слева, ты словно идешь по палубе корабля, направляясь к носовому флангу.

Мы остановились на самом водоразделе, на ровной площадке, усыпанной щебенкой и покрытой кое-какой растительностью. Недалеко впереди чернел островок - скала Бастын-Таас, словно лоцманский катер впереди большого судна. Двадцать лет назад Г. А. Ермолаев записал в дневнике, что скала Бастын-Таас соединяется с островом Бельковским подводной грядой. Как он узнал об этом? Никакой гряды не видно, глубин Ермолаев, вероятно, не измерял. И все-таки подводная гряда существовала, я тоже ее угадывал. И по рисунку волн, который был иным по разные стороны от линии, соединяющей скалу с островом. И по едва заметным завихрениям волны на этой линии. Впрочем, может быть, просто воображение рисовало подводную гряду?

А первое упоминание об этой скале есть в записях экспедиции П. Ф. Анжу: «На NW35° в 3/4 мили от северной оконечности стоит отдельный камень в виде призмы, вышиною в 14 сажен...» Сто пятьдесят лет прошло, сколько всего изменилось, а скала стоит, и мы смотрим на нее, прислонившись спиной к теплему боку вездехода ГАЗ-71.

К склону, на котором мы стояли, примыкал обширный галечный пляж, в центре которого ярко блестели два крохотных озера. Пляж был перепахан льдом: при сильном нагонном ветре льдины лезут на низкий берег и гребут горы гальки, насыпают ее себе на «спины», громоздятся друг на друга все дальше за границей прилива. Потом льдины растают, а на пляже останутся глубокие борозды и кучи гальки, как будто тут работали бульдозеры.

К северу пляж становился все уже и уже, и вот перед нами стеной встала скала высотой метров пятнадцать. В основании скалы водой выбита глубокая низкая пещера, куда можно влезть, только согнувшись. Мы вошли в нее. Свод покрыт кристаллами льда - природный холодильник. О подножие скалы трутся плавающие льдины, между льдинами перетекает зеленая вода.

Там, где кончалась скала, слева от нее, крутой, но сглаженный склон был покрыт ржаво-охристыми и бледно-зелеными продуктами выветривания пород, у основания склона скопились натечи лимонного цвета глины, в которые страшно было ступить сапогом: такой даже на вид она была вязкой. Северо-восточное побережье мыса оканчивалось скалой. Мокрая темно-серая скала, если смотреть издалека, местами отливала фиолетовым и золотым. Вплотную к ее основанию можно было подойти только по воде, высоко подняв голенища резиновых сапог. Толща известняка была разбита сетью трещин. В этих трещинах встречались скопления кристаллов пирита-друзы. Они были великолепны: кубики цвета зеленого золота с неровными, ступенчатыми гранями тесно сидели в пустотах. Здесь встречался и другой минерал - флюорит, окрашенный в сиренево-фиолетовый цвет. Порода была словно густо обрызгана фиолетовыми чернилами.

Эти два минерала привлекали внимание своей красотой, никакой ценности они не представляли, и сам факт их нахождения являлся совершенно заурядным. Но здесь же мы обнаружили и включения битума. Теперь стало понятным, откуда появилась галька с битумом, которую я видел вчера на берегу моря.

Мы работали, не оглядываясь по сторонам, пока кто-то не тронул меня за плечо, прошептав: «Смотрите!»

...Некто, чье имя сейчас забыто, впервые побывав в Арктике, произнес фразу, ставшую анекдотом: «Какая там природа? Да нет там никакой природы». Возможно, речь шла о Новосибирских островах, они не эффектны. То ли дело Шпицберген или Земля Франца-Иосифа: ультрамариновые фьорды, ледники, закаты, тысячеметровые обрывы! Однако и наши острова порой дарят впечатления, которые трудно забыть.

Мы знали, что мыс Северный называют еще и Моржовым. Моржи, сказали нам, появляются здесь ближе к концу августа, когда лед, на котором они держатся в первой половине лета, уносит далеко в открытое море, где глубины велики и нет отмелей, где обитают моллюски - обычная пища моржей. Тогда моржи появляются на прибрежных лежбищах и пребывают здесь до глубокой осени, пока не начнет образовываться припай: морж не любит сплошных ледяных полей - из-под них трудно выбираться на поверхность. Стадо моржей снова уходит в открытые воды, в зону дрейфующих льдин, на которых так удобно отдыхать...

Работая на обнажении, мы, разумеется, не думали о моржах, пока, услышав «Смотрите!», я не повернул голову в сторону моря, где увидел черный шар, вынырнувший вдалеке среди мелких льдин. Затем шар скрылся и появился снова, уже ближе. Похолодев от охотничьего азарта, стараясь не шуметь, мы потянулись за фотоаппаратами. Черные «поплавки» выныривали то тут, то там, мы ловили их видеоискателями и снимали, снимали, снимали. (На слайдах, конечно, могли получиться одни черные точки, потому что моржи были слишком далеко.) А когда пленки осталось мало, мы увидели, что один морж плывет прямо к нам, то погружаясь, то появляясь на поверхности. В фас, если клыки были ниже уровня воды, он напоминал бегемота. Вертикальные щели-ноздри перед погружением смыкались, а при всплывании раскрывались, выпуская небольшой фонтанчик. Морж негромко, басисто хрюкал.

Мы стояли на крохотном клочке галечного пляжа перед отвесной скалой, обрывающейся в море, слева - крутой береговой склон, а справа приближаться морж. Наконец он погрузился в последний раз, и прямо перед нашими сапогами в бурлении прибойной волны возникла огромная темная масса, потом волна схлынула, таща за собой гальку, и зверь остался в каких-нибудь трех шагах перед нами. По его темной бугристой шкуре стекала вода. Он был высотой почти с меня, когда задрал голову вверх, опираясь на передние лапы и сладко потягиваясь. Только задние лапы его находились в воде.

- Ну и морда протокольная, - прошептал кто-то.

По бокам головы сидели выпуклые красные глазки, сама голова как бы сливалась с туловищем, только выделялась громадная подушка верхней губы, поросшая усами. Каждый волос был, как стержень гусиного пера, только толще, самые крупные достигали толщины карандаша. Я дрожащими руками сделал еще несколько кадров. Морж смотрел на нас в упор, не видя и не слыша нас. Это продолжалось довольно долго, потом, в момент подхода очередной волны, он сделал неуловимое движение туловищем и мгновенно исчез, словно рыба, сорвавшаяся с крючка.

- Не могу себе представить, - сказал студент, переводя дыхание, - как такая скудная, холодная природа обеспечивает рост такой туши?

- Вы видели, какая у него кожа? И сколько жира под кожей? - спросил более практичный Леонид. - Правильно дядя Коля говорил, что его шкуру никакой нож не берет.

Ах, как мы поторопились истратить свои пленки! Животные подплывали парами и группами. Моржи медленно переворачивались через голову, демонстрируя нам длинную округлую спину, а затем розовые задние лапы с собранными вместе пальцами; некоторые терлись мордами, словно целуясь. Отдельные группы плавно барахтались, подныривая друг под друга и одновременно переворачиваясь вокруг своей оси. Среди шуршащих льдин в зеленой воде с минусовой температурой моржи наслаждались, выгибаясь от удовольствия.

Ричард Перри в книге «Мир моржа» пишет, что даже в наш век оскудения среды можно встретить стадо моржей в тысячу особей. Мы же наблюдали штук двадцать - тридцать (точно сосчитать было невозможно, так как животные все время находились в движении), но мне это количество показалось огромным. Потом моржи стали исчезать из поля зрения, их становилось все меньше, и мы снова стали работать на обнажении, а когда сели пообедать, ни одной головы не чернело в волнах.

Здесь же, на мысе Северном, были построены когда-то давно - во времена Э. В. Толля или раньше - ловушки на белого медведя. Медведи не нападают на моржей, но часто дежурят около лежбищ, ожидая, пока напуганное чем-нибудь стадо не обратится в бегство к воде: моржи в такой ситуации иногда могут задавить детеныша. Медведи ждали такого случая. А люди в свою очередь настраивали орудия лова на медведей. Они не хотели вступать в прямое единоборство со зверем, они боялись медведя даже мертвого. (М. И. Бруснев писал в «Отчете начальника экспедиции на Новосибирские острова для оказания помощи барону Толлю», что якуты-промышленники тушу убитого медведя разрубает на куски и каждый кусок закапывают в землю порознь, сердце режут на четыре части, глаза выкалывают... Это была своего рода «техника безопасности», предупредительные меры, чтобы зверь не мог встать, прийти и отомстить. Люди строили ловушки в виде небольших, по размеру медведя, избушек, кое-где изнутри обитых жостью. Тяжелая клиновидная дверь была подвешена через блок. Если дернуть за приманку, дверь падает, заклинивается намертво. Сейчас ловушками давно не пользуются по прямому назначению, но, случается, кто-то проходящий мимо заходит внутрь, чтобы погреться, укрывшись от ветра. В одиночку, без товарища, нужно быть очень осторожным. Захлопнется - не вылезешь...

После обеда мы решили осмотреть самую северную оконечность мыса, обращенную к скале Бастын-Таас. Берегом сюда было не пройти, скала не пропускала, и мы поднялись на ровный, обдуваемый ветрами водораздел. Почти на самом краю берегового острова мы увидели еще одно создание человеческих рук, назначения которого я в первый момент не понял. Это был ворот. Его массивное тело стояло вертикально, а длинные дубовые спицы напоминали рулевое колесо парусника. Каната не было, и все сооружение производило впечатление мощи и одновременно ветхости, заброшенности. «Природа, - писал Генри Райдер Хаггард, много путешествовавший по Африке, - никогда не кажется печальной там, где ее не касалась рука человека: она только вызывает чувство одиночества. Но если человек прошел по местности, а потом покинул ее, она внушает глубокую грусть».

Не дойдя нескольких шагов до «края земли», до обрыва, ограничивающего остров с севера, и еще ничего не видя внизу, мы услышали оттуда странные звуки: как бы многоголосый храп и сопение. Мы посмотрели вниз. У подножия берегового склона располагалась крохотная, протяженностью не более тридцати - сорока шагов и шириной шагов в десять, более или менее ровная площадка, ограниченная справа и слева непроходимыми скалами. И на этой площадке лежало целое скопление огромных светло-коричневых сигарообразных тел.

Моржи крепко спят

- Мертвый час, - сказал Леонид. - Послеобеденный отдых. А я-то думаю, куда это они все по пропадали?

Моржи - около сорока штук - лежали в один ряд головами к скалам. Только один, самый крайний, расположился головой вниз по уклону, к морю. Большинство лежало на спине, сложив ласты на брюхе, при этом бивни у одних были прижаты к груди, у других торчали прямо вверх. С огромными предосторожностями, чтобы не спугнуть их, мы спустились по скале (на каменных ступенях была выбита заметная тропинка) и сделали несколько снимков, теперь уже действительно последних. Мы стали подступать к моржам ближе и ближе, пока не подошли вплотную. Моржи спали, сотрясая воздух храпом. Опасаясь, как бы нас не смяли, если проснутся, мы поднялись на несколько метров по осыпи вверх и робко подали голос, чтобы разбудить спящих. Потом крикнули громче. Моржи спали. Мы стали бросать в них маленькими камешками, потом побольше. Камни прыгали по круглым тушам, но тот или другой морж только отрывал голову, смотрел сонным взглядом и тут же ронял ее обратно. Храп возобновлялся. Позже я узнал, что на это место моржи приходят сотни лет. Убить здесь моржа ничего не стоит, но вытащить тушу вверх по скале невозможно. Поэтому наверху построили ворот. Когда канат пришел в негодность, охотники пытались «выселить» моржей в более удобное для них (охотников) место. Площадку поливали керосином, жгли костры из плавника - ничего не помогло...

Когда их все-таки разбудили, они были очень недовольны

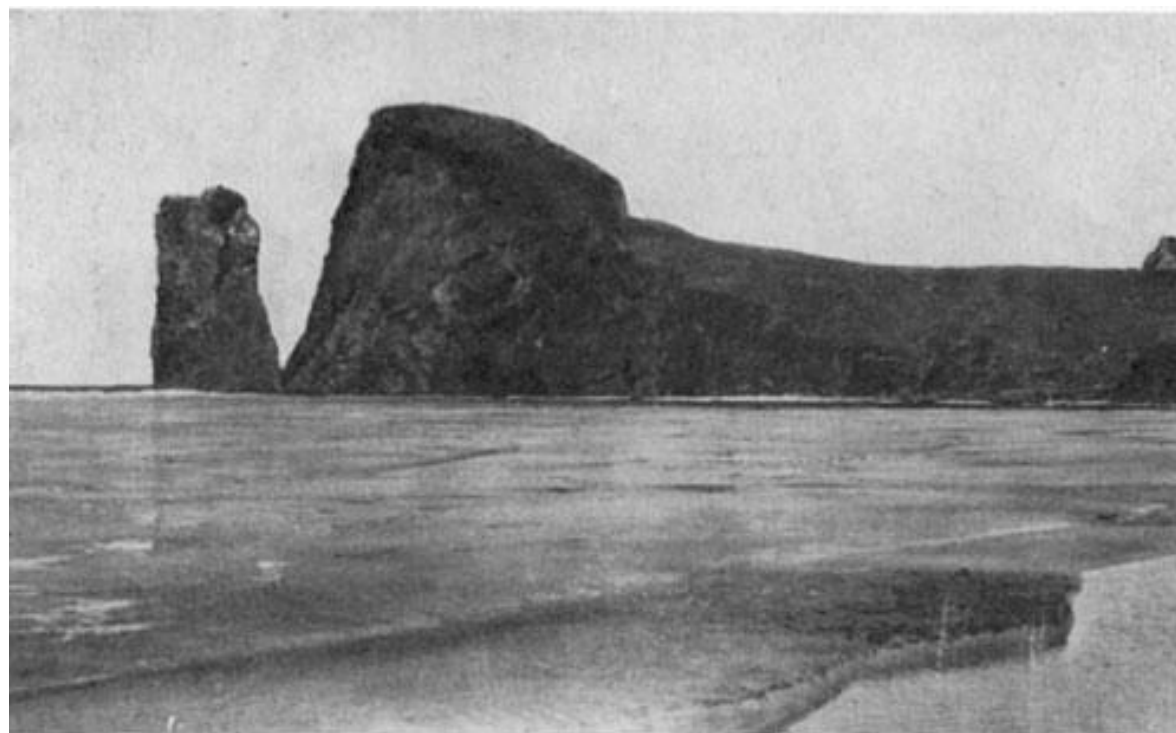
Вряд ли можно установить, сколько столетий промыслили моржа аборигены Севера. В Европейской России о моржах узнали в 1646 году, когда промышленник Исай Игнатьев, ходивший морем на Колыму к чукчам, привез груз моржовых «зубов» и изделий из них. В следующем году служилый человек Михайло Стадухин докладывал, что на острове напротив устья Колымы «чухчи... побивают морской зверь морж и к себе привозят моржовые головы со всеми зубами, по-своему-де они тем моржовым головам молятца...». В июне 1652 года якутский воевода наказывал казачьему пятидесятнику Ивану Реброву: «... велеть им (чукчам. - В. И.) за государев ясак платить тем моржовым зубом, большим и средним, и моржовые лавтаки и сала имать же, а моржовый зуб имать добрый большой и средний...» Раньше «инородцы» делали из моржовых клыков полозья для нарт.

«Сибирский вестник» в 1821 году сообщал: «Моржовые кожи, мясо и жир в таком же употреблении, как и тюленьи; но более всего уважаются их клыки, известные в Сибири под названием моржовых зубов и рыбьей кости. Обыкновенно в пуд идет от 4 до 6, а иногда по два или три зуба. Мелкие же большею частию почитаются не стоящими провоза. Зубы сии называют промышленники от числа, сколько идет в пуд, четверными, пятерными, шестерными и тройными. Цена зависит от величины и доброты их. При покупке моржовых зубов смотрят, нет ли на них щелей или червоточин, а также у корня не много ли слишком пустоты; сверх того наблюдают, чтобы в них более было шадры или внутренности и чтобы она имела цвет с желта-пестрый. Зубы сии в сухом месте скоро портятся, а потому держат их в погребах». Последнее относится скорее к мамонтовой кости, вероятно, автор «Сибирского вестника» немного напутал.

Фердинанд Петрович Врангель сообщал, что в 1836 году на ярмарке в Якутске поступило в продажу «моржового зуба пудов 1000», то есть шестнадцать тонн. Если даже допустить, что все клыки были «тройными», то было убито более полутора тысяч животных, если же «шестерными» - три тысячи. Только для одной якутской ярмарки 1836 года!

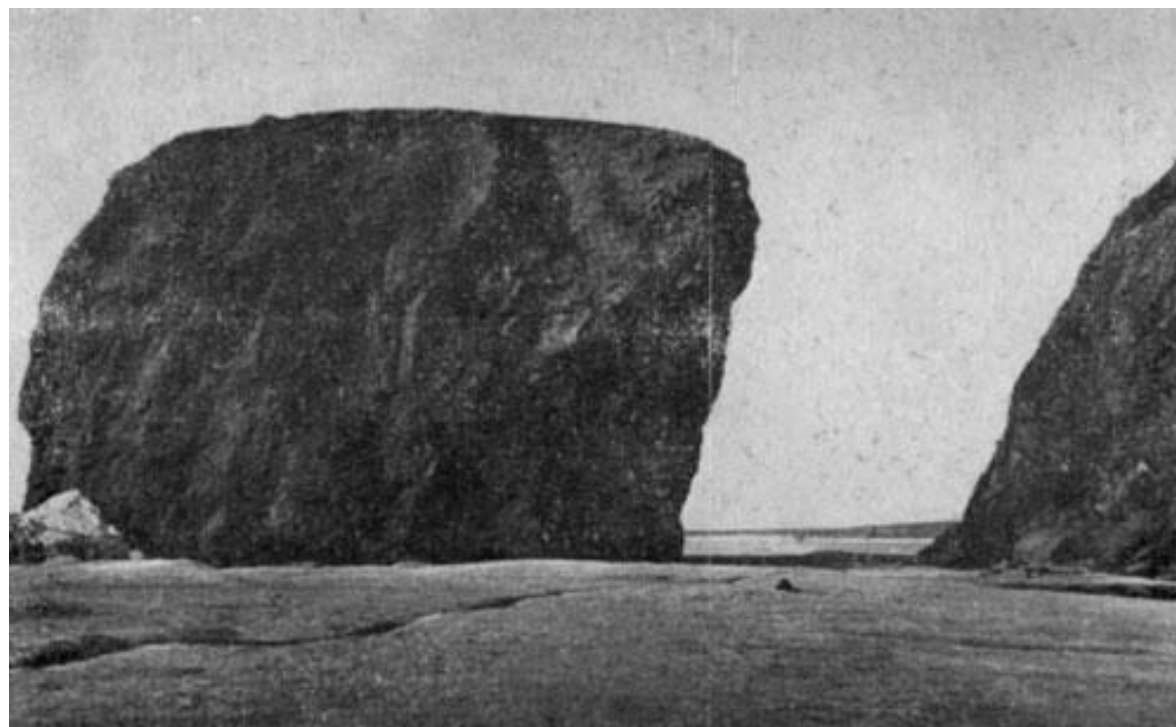
Сейчас ради кости моржей не бьют, по крайней мере, на Новосибирских островах.

Мыс Куб и мыс Конус. Птицы

Мыс Конус с "отпрядышем"

Мыс Куб назван так потому, что напротив самого его носа в море лежит останец величиной с деревенский дом. Где-то в материалах экспедиции Э. В. Толля я видел выражение: «отпрядыш от материкового берега». Жалко, что сейчас слово «отпрядыш» не употребляется, оно просто удивительно подошло бы вот к этому самому «кубу». «Куб», впрочем, не совсем куб, а параллелепипед, наклоненный в сторону берега. Если смотреть с севера, через небольшой, заливчик, то видно, что грани «куба» и плоскость берегового обрыва параллельны друг другу и сформировались по единой системе трещин. Вблизи останец действительно выглядит кубом. В тесном пространстве между ним и берегом качается черная вода, как между дебаркадером и набережной у Медного Всадника.

Мыс Куб больше похож на параллелепипед

И куб, и скала, от которой он отвалился, сложены угловатыми обломками известняка, сцементированными карбонатной же массой. Это был разрушенный древний риф.

Мы работали, не снимая рукавиц. Температура была два градуса тепла, дул северо-восточный ветер. Трудно было представить себе, что в далекое от нас девонское время здесь лежала тропическая лагуна, где рос барьерный коралловый риф. Потом, при вертикальных подвижках земной коры, риф раскололся, раздробился на куски и эти куски были погребены под обломочным материалом, в изобилии поступавшим в теплое мелкое море. В море плавали не моржи, не нерпы, а гигантские акулы и нескладные, на наш взгляд, панцирные рыбы. Было это примерно триста пятьдесят миллионов лет назад.

Как там внизу?

Когда работаешь на мысе Куб, то, прежде всего, поражает обилие птиц. И на самом «кубе», и на береговых скалах все усеяно птицами. Поражает их ни с чем не сравнимое количество. Они непрерывно взлетают и садятся: на плоскости напластования, в естественные ниши, просто, кажется, на вертикальную стенку, и висят в воздухе между стеной и глазами. Если подойти совсем близко, то на обрыве видны едва заметные уступы, на которых лепятся простейшие гнезда из мха. Местами птицы сбиты в плотные кучи, словно голуби на соборной площади, когда старушки сыпят им пшено. Тем не менее, каждая безошибочно находит свое гнездо. Нижние гнезда можно достать рукой, верхние уходят, насколько охватишь взглядом, вверх.

Птицы Арктики «знают» геометрию. Нижняя граница гнезд на базаре выбирается с таким расчетом, чтобы птенец, если он сорвется, не упал бы на камни, а мог спланировать на открытую воду. Очевидно, минимальный угол планирования составляет около сорока пяти градусов к горизонту, потому что высота до нижних гнезд примерно равна ширине пляжа, лежащего у подножия обрыва. Птица как бы мысленно рисует равнобедренный прямоугольный треугольник, где гипотенуза - потенциальная траектория планирования птенца. На мысе Куб пляжа почти не было, едва находилось место, куда можно поставить сапог, поэтому гнезда начинались низко, сразу над линией прибоя.

Птицы «знают» и геологию. Они селятся на карбонатных породах, на прочных песчаниках, на диабазе. Рядом возвышаются превосходные скалы, сложенные алевролитами или аргиллитами, которые часто осыпаются - на них нет ни одного гнезда.

Над мысом Куб стоял дикий гвалт. Ощущался острый запах, но не противный, не такой, как на моржовой лежке. Можно, казалось, протянуть руку и снять чайку, словно курицу с насеста. Но в самый последний момент она взлетала на метр-два и тут же снова садилась, прижимаясь боком к скале, принаравливаясь, помогая себе крыльями, чтобы удержаться.

Большинство в этой колонии составляли небольшие чайки моевки - нежно-пепельные крылья, желто-лимонный клюв, а внутри, когда кричит, - ярко-красный. Когда чайка кричит, широко раскрывая клюв и запрокидывая голову, она теряет все благородство и элегантность своего облика, приобретая сходство с базарной торговкой.

Моевки

Были тут и чистики в большом количестве, и кайры. Чистики - черный бархат туловища, белое на крыльях, глубокий красный цвет лап - стайками носились над самой водой или с видимым удовольствием качались на волнах. В полете чистик часто-часто машет крылышками. В просторечии их зовут солдатыками.

- Смотрите, откуда у него ноги растут! - сказал Леонид. Лапы у чистика растут как бы сзади, по одной линии с хвостом.

Кайры крупнее и солиднее чистиков, похожи на пингвинов в черных «фраках», лапы серые, поведение более степенное...

Птицы - украшение Севера, без них тундра или море мертвы. В одном из документов, датированном 1721 годом, перечисляются птицы, живущие в Сибири: «... лебеди черные, лебеди с гребнями; гуси зобы белые, крылье пестрое; жаравли черные; птицы кедровки зеленые; птицы же маленькие цветные; казарки крылье черное, зобы коришневые; гуси серые, переносицы белые; утки зобы черные, головы, шеи и глаза красные...»

Академик Н. Я. Озерковецкий (1750 -1827) писал: «Обременил бы я читателя, когда бы стал описывать тупиков, чистиков, чаек, гагар, уток, крохалей и других птиц, которые в России водятся в великом множестве».

Разбирая свои записные книжки, я нашел еще записи, посвященные птицам. Они сделаны на другом конце Арктики - в Баренцевом море, на борту гидрографического судна:

«27 апреля. У о-ва Харлов. Гранитные скалы. Снег на сопках. Темно-синее море. Все насыщено птицами - воздух, скалы и поверхность воды. Невдалеке видно рыболовное судно, и целые поля за ним будто усыпаны хлопком или комьями смятой бумаги. Прямо ферма водоплавающей птицы. Чайки ждут, когда начнут поднимать сети.

Сегодня, при солнце и при птицах, кажется, что жить можно (это после трехдневного шторма. - В. И.).

15 мая. Утром за завтраком в кают-компании на столе стоял трехведерный бак, как мне сперва показалось, с какой-то зеленой, да еще с пятнами, картошкой в мундире. Оказалось, что это чайчи яйца, сваренные коком вкрутую. Белок голубой, а желток ярко-оранжевый. Очень вкусно.

Весь день мы простояли на якоре возле одного из «Семи островов». Был хорошо виден птичий базар: округлые гранитные камни, между ними серая прошлогодняя трава, и в траве чайки, как белые свечки. Несколько раз боцман с матросами ходили на шлюпке и собирали яйца, хотя никто на них уже смотреть не хочет».

Яйца кайр крупнее куриных, они зеленовато-голубые, с коричневыми пятнашками и крапинками разной интенсивности.

Одни пятна яркие, а другие едва заметны, впечатление такое, что пятна расположены внутри скорлупы, на разном удалении от ее поверхности. Своей конусовидной, почти угловатой формой яйцо напоминает кинескоп, вынутый из телевизора. Скорлупа тоньше, чем у куриного, и менее прочная, яйцо можно раздавить легким нажатием пальцев. Природа не стала тратить усилий на повышение прочности скорлупы: если уж яйцу суждено упасть из гнезда на камни, оно все равно разобьется. Фокус заключен в другом. Форма яйца такова, что яйцо, получив толчок, не катится далеко в сторону, а вращается близ одной точки. Более того, по мере роста эмбриона центр тяжести яйца смещается к острому концу, еще более уменьшая свободу перемещения яйца на горизонтальной плоскости. «Где найти лучшие примеры приспособления животных к окружающей их природе... как не на Севере?» - писал Э. В. Толль. (Он имел в виду, правда, другой пример: холостые петухи куропаток в отличие от семейных вплоть до июля не сменяют зимнего платья, природа как бы специально подставляет их под удар как «ненужных в ее хозяйстве».)

Помню, как лет пятнадцать назад в тиксинской гостинице полярник, работавший на станции острова Генриетты, рассказывал: «Яиц за сезон собирали по шесть, но восемь тысяч штук. Тут главная задача, чтобы насиженные не брать. На Севере все быстро делается, два дня прошло, на третий оно уже насиженное. Поэтому, как кладка началась, на другой день идешь и с какого-то места все до одного яйца собираешь. А ежели оставлять, то нужно их карандашом метить, не то потом насиженные попадут. Собираешь, ну, сколько хочешь, пока не надоест. Они ведь еще положат!» Они положат, но только не сразу, и еще не более одного раза, это ведь не куры, но птенец, вылупившийся с опозданием, не успеет встать на крыло до наступления холодов.

Такое рассуждение, что природные ресурсы Севера неисчерпаемы, страшно. Возможно, что некоторые считают так: если природа Арктики беспощадна к человеку, то пусть и она не ждет пощады. А может быть, это просто психология сезонника, временного жильца? Если рыбы в реке осталось мало, хозяин думает, как ее сберечь, а сезонник - как схватить последнее, пока другие не схватили.

Еще раз заглянем в записки академика Н. Я. Озерковецкого: «Люди ни на море, ни на земле не дают никому покоя. По несчастию гапки (гага. - В. И.), яйца ее велики и весьма вкусны; пух ее также драгоценен. Алчба, выпучив глаза, обратилась на сию птицу. Она лезет за яйцами и за пухом на каменные утесы... Алчба сия часто остается без наказания, и в ограблении гапки, которая за себя никуда не подает жалоб, никому не отвечает...»

Гагачий пух - лучший в мире теплоизоляционный материал. У него почти нет веса, один объем. Чтобы очистить ком пуха от мусора, его бросают на растянутую рыболовную сеть и бьют, палкой, при этом даже на ветру пух не разлетается, так сильно он наэлектризован. Под дождем пух не намокает. Все сказанное относится к «живому» пуху, взятому из гнезда, куда его положила сама гага, нащипав на собственной груди. «Мертвый» пух, надерганный с убитой птицы, по своим качествам немногим превосходит обычную вату.

М. М. Геденштром записал в свое время, что «близ берегов Ледовитого моря по озерам и речкам находят летом величайшие стада гусей, лебедей и уток... В июле месяце, во время линянья их, ловят их тысячами и кладут в сделанные в земле ямы...» Ловили линных гусей «загонами» - загоняли в растянутые по тундре, как на рыбу, сети. Еще в начале нашего столетия в поселках по Индигирке сотня гусей стоила два рубля! Сегодня количество диких гусей в этих местах значительно уменьшилось по сравнению с тем временем, когда писал Геденштром. Однако в недавно изданном томе «Советская Арктика» Г. Л. Рутилевский пишет, что на Новосибирских островах обитает семьдесят шесть видов птиц. Спутник З. В. Толля А. А. Бялыницкий-Бируля определил на острове Новая Сибирь всего двадцать восемь видов птиц. Можно сделать вывод, что видовой состав птиц на наших островах не убывает.

...Во второй половине дня мы вышли на мыс Конус. Если бы этот мыс перенести на Южный берег Крыма, слава «Ласточкиного гнезда» померкла бы безвозвратно. Когда-то по вертикальной тектонической трещине в земной коре внедрилась из глубин магма, да так и застыла в виде гигантской пластины габбро-диабазы - крепчайшей магматической породы. При выветривании окружающие ее породы разрушились, а пластина высотой с двенадцатиэтажный дом стоит строго вертикально, вдаваясь в море и образуя самое острие мыса. Она еще не потеряла связи с берегом, еще сохранилась перемычка шириной всего в несколько шагов. От острова в сторону моря скала по крутой траектории вздымается вверх, как монумент Покорителям космоса, что возле ВДНХ. На «спине» скалы сохранился почвенно-растительный покров. Рядом с «конусом», словно часовой, стоит «кигилях» - узкий, кривой, зазубренный останец, напоминающий старый осколок авиабомбы. Поверхность останца покрыта бурой железистой коркой, что усугубляет сходство с осколком.

Кигиляхи - "каменные люди"

Мы осторожно перешли перемычку и двинулись к вершине, стараясь смотреть только вперед, так как справа и слева совсем рядом были отвесные обрывы. На хребте гнездились бургомистры - самые крупные чайки этих мест. Их пестро-серые громадные птенцы, настолько глупые, что почти не испытывали к нам страха, кучей толпились на узком пространстве хребта. Матери хватили их клювом за шею и пытались нести куда-то, но тут же роняли обратно, не в силах удержать такую тяжесть.

- Интересно, - сказал я, - как все-таки каждая из них узнает своего птенца?

- А так же, как вы узнаете свою дочку, когда приходите за ней в детский сад, - сказал Леонид. - Так же, как вы узнаете дочку и на пляже, когда дети голые.

Там, где были гнезда, птицы так унавозили скудную почву, что выросла зеленая травка. По мере нашего подъема толпа птенцов пассивно отступала вверх к краю площадки, где скала была голой, а дальше шел стометровый обрыв. Плотный, упругий ветер заставлял птенцов пригибаться к земле. Взрослые чайки с криком висели над самыми нашими головами. Видя, что отступить птенцам больше некуда, мы остановились, не дойдя несколько шагов до вершины. В душе я обрадовался этому: самому тоже было страшновато. Далеко внизу лежало море, и волны казались неподвижными, как при взгляде с самолета. Наш вездеход, стоявший на берегу, был отсюда похож на игрушечный танк. Вниз мы сошли быстро. Оглянувшись назад, я увидел, как чайки, успокаиваясь, подлетали каждая к своему птенцу.

Вечером, когда мы ставили палатку, туча птиц у базара на фоне заката напоминала рой комаров.

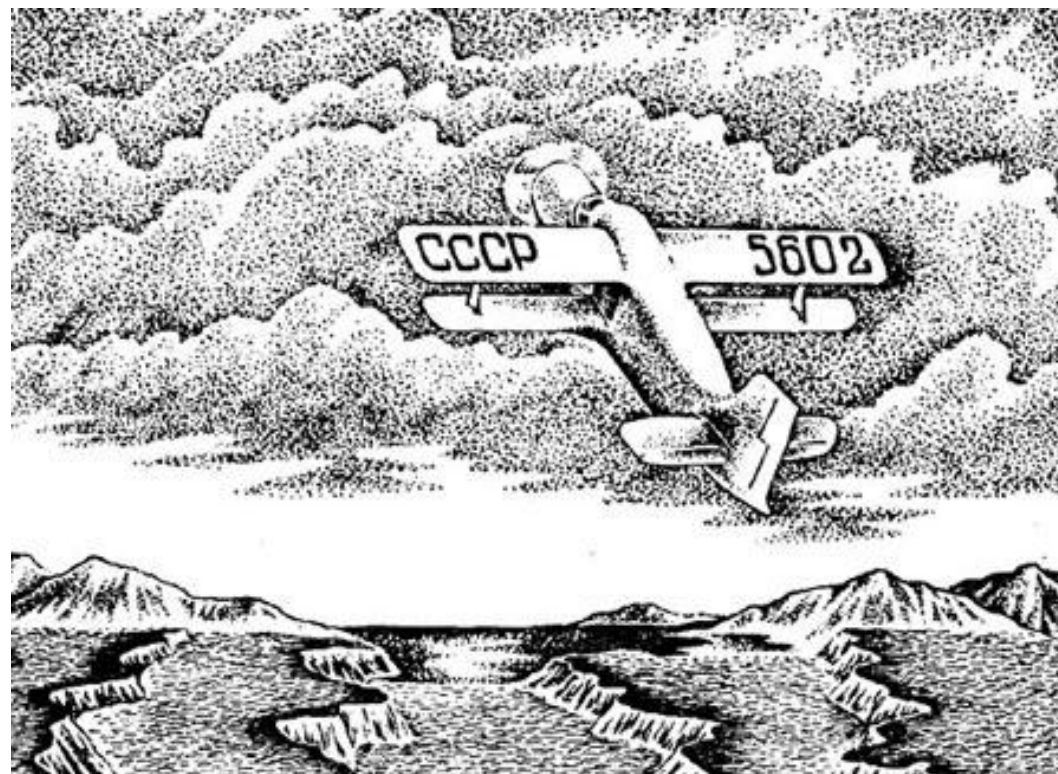
...С Бельковского нас должен увезти Ан-2, который работал в Темпе с другой экспедицией. По радиации нам сообщили необходимые параметры, и в течение двух суток мы готовили посадочную площадку на галечном пляже мыса Лагерного: засыпали камнями неровности, срывали бугры, выкорчевывали вмерзший в грунт старый плавник. Когда готовую полосу обставили флажками, Леонид вышел в эфир и вызвал самолет.

Пока самолет летел, мы решили еще немножечко укатать площадку вездеходом. Двигатель вездехода, проработавший безотказно весь сезон, заглох как раз на середине полосы. Двигатель не заводился ни стартером, ни заводной ручкой, Откатить вездеход руками мы не могли, это не «Жигули». Радиосвязи с бортом самолета, чтобы объяснить пилотам ситуацию, у нас не было - не договорились заранее, так как лететь от Темпа всего минут двадцать.

Ан-2 ходил кругами, едва не срывая шапки с наших голов. Через стекло кабины было хорошо видно лицо командира. Он то показывал на вездеход, то крутил пальцем около своего виска, а потом произнес монолог на целых два круга. По жестикуляции мы поняли все дословно.

К завтрашнему дню мы сделали новую полосу, под углом к первой.

Вершина лета

Вершина лета

Июль в то лето был феноменально жарким. На курортах Крыма и Черноморского побережья Кавказа были случаи гибели отдыхающих от солнечного удара. По «Маяку» каждый день рассказывали о героизме, проявляемом населением в борьбе с лесными пожарами. Даже в дачной местности под Ленинградом и Москвой милиция не пускала в лес за ягодами, и над дорогами патрулировали вертолеты.

Двадцать восьмое июля: Темп - Чокурдах - Темп

28 июля, в субботу, я прилетел из Темпа в Чокурдах, предполагая провести здесь неделю: подвести итоги выполнения плана за месяц и закончить одну интересную для меня срочную статью. Чокурдах не дом, но все-таки ближе к дому. Здесь письма, баня, свежие газеты, здесь почти все мои геологические книги, привезенные из Ленинграда.

Трап к нашему самолету не подкатывали, я прыгнул на бетон и с удовольствием ощутил его твердую и ровную поверхность (ноги уже успели приспособиться к кочкам тундры и к расползающейся под сапогами гальке Темпа). Над Чокурдахом висел сладкий, с привкусом дыма аромат лиственничного леса, принесенный из южных районов Якутии. Горячий ветер дул ровно, без порывов и спадов. Несколько комаров охотно впились в мою шею, и это тоже было забытое ощущение. Я бросил свои вещи в вездеход, а сам, чтобы не глотать пыль, пошел к базе пешком прямо через тундру.

В балке меня ждала пачка писем. Я разложил письма на кучки, по адресатам, потом каждую кучку - в хронологической последовательности (очевидно, такая привычка свойственна многим, кто часто и подолгу бывает в отъезде), затем бегло просмотрел два-три письма, чтобы убедиться, что все более или менее в порядке, и пошел в баню, оставив на потом удовольствие перечитать внимательно все письма: это, пожалуй, одна из самых ярких радостей жизни в экспедиции. Человек, не получающий в поле писем, вызывает у меня наибольшую жалость.

Когда прилетаешь из Ленинграда, наша чокурдахская баня, сделанная в утепленной каркасной палатке, где нельзя встать во весь рост и нет предбанника (одеваешься либо в самой бане, обливаясь потом, либо на свежем воздухе, где на тебя бросаются миллионы комаров), кажется ужасной. А после поля помыться в такой бане очень приятно: мыло, горячая вода и даже несколько булыжников, нагревающихся на железной печке...

Сразу из бани я пришел в радиорубку на вечернюю связь. Радист заканчивал ужин. В столовую он не ходил, будучи по натуре некоммуникабельным, и в этом своем качестве дошел до того, что один пилил дрова двуручной пилой. И ничего, приноровился. Под койкой лежал феноменально ленивый пес Лебедь, одетый в пыльную белую шубу. Я бросил кусочек хлеба. Лебедь попробовал дотянуться не вставая, но не достал и снова закрыл глаза. Если бы достал, может, и съел бы.

- Лебедь любит свежий хлеб, намазанный маслом, - пояснил радист, - с двух сторон.

Радист перебирал телеграммы, поступившие «с материка» для сотрудников нашей экспедиции.

- Вот объясните мне, пожалуйста, - сказал он, - почему любая жена, когда она дома, пишет просто: все нормально, дети здоровы, целую. А стоит ей выехать на юг - нежно обнимаю, люблю, крепко целую и так далее. Нежность в ней пробуждается. Значит, совесть не чиста...

Вдруг зазвонил будильник, радист щелкнул тумблером и надел наушники. В такт работе ключа замигала сиреневым светом неоновая лампа, лежащая на крышке рации. Пошел профессиональный радистский разговор: «Как меня слышишь?» - «Слышу тебя на тройку». - «Как ты меня слышишь?» - «Слышу тебя неважно, отойди на полделения вправо...» Не ожидая ничего нового от этого сеанса (связь шла с темповским радистом Игнатьевым, в рубке которого я сидел не далее как сегодня утром), я взял «Крокодил» и читал до тех пор, пока не услышал странное мычание радиста. Не отрываясь от приема, он жестом просил меня зажечь его погасшую сигарету.

В радиограмме начальника первого отряда нашей экспедиции говорилось, что в ночь на 27 июля из лагеря на реке Балыктах ушел рабочий Виля Т. Поиски в течение двух дней и одной ночи пешком и на вездеходах (сообщались границы района поисков) не дали результата. В настоящий момент оба вездехода вышли из строя.

Как же это произошло? Первый отряд находился слишком далеко от Чокурдаха, чтобы можно было связаться с ним напрямую, а вести радиоразговор через базу в Темпе было бы слишком долго. Надо было лететь на Котельный, и я прямо отсюда позвонил домой начальнику отдела перевозок чокурдахского авиапорта. Он сразу переадресовал меня к руководителю полетов. Последний с весьма сдержанной любезностью (шел субботний вечер, и в трубке были слышны голоса гостей) напомнил, что заявки на полеты на субботу и воскресенье принимаются до 15 часов в пятницу и что я, очевидно, забыл о том, что летом над открытым морем разрешено летать только двухмоторным машинам, каковых сейчас в Чокурдахе нет. Самолет, на котором я сегодня прибыл из Темпа, сразу же повез рыбу в Якутск.

Против всего, что говорил руководитель полетов, было трудно возразить. Получилось так, что мы оба замолчали и молчали довольно долго, а потом он сказал:

- Есть тут один, Галочкин Анатолий Владимирович. Командир Ан-2. Заставить его мы не можем: во-первых, самолет одномоторный, а во-вторых, не нашей эскадрильи, заночевал пролетом. Но если попросить... Съездите в летнюю гостиницу.

- А если он не полетит? - спросил я.

- Не полетит - утром сам полечу.

По дороге в гостиницу я думал о том, что летчики умеют отказываться от нежелательных им рейсов не хуже, чем таксисты у Московского вокзала в Ленинграде. Командир Галочкин на фоне своего комсомольско-молодежного экипажа показался совсем пожилым, но позже, приглядевшись, я убедился, что это просто рано поседевший, смуглый и излишне худощавый сорокалетний мужчина.

- Простите, - остановил он меня, едва я успел сказать первые фразы. - Витя, срочно запроси погоду в Темпе и по трассе.

Витя неохотно положил карты (пилоты играли в преферанс) и вышел. Я возобновил уговоры, но Галочкин снова прервал меня:

- Здесь бы вертикальный нужен (вертикальным на языке авиаторов называют вертолет). Ведь когда мы вашего парня найдем, подсесть-то мы не сможем...

- Я, кстати, тоже из Ленинграда, - сказал Галочкин, когда мы быстро шли по взлетной полосе к самолету. - У меня и сейчас матушка там живет. Переулок Антоненко, бывший Новый переулок.

- У нас в классе тоже был один Галочкин, - сказал я, желая хоть чем-то сделать командиру приятное.

...Часть пролива Дмитрия Лаптева, прилегающая к Большому Ляховскому, была плотно забита плавающим льдом, который нагнало ветром. Полсуток назад, когда мы летели в противоположном направлении, пролив был совершенно чист. Мы прошли тогда над сухогрузом, словно впаянным в темную воду. Сейчас ветер гнал над сплошным ледяным полем клочья тумана, казавшегося темно-серым на белом фоне. Обычно плавающие льды появляются в проливе в августе, не раньше.

Во втором часу ночи мы приземлились в Темпе. Поселочек спал, один Иван Васильевич Шешурин, начальник порта, стоял на полосе, показывая жестами, куда заруливать.

- Ну, ребята, ваше счастье, что Чокурдах захлопнулся, пока вы летели, и Тикси захлопнулось, возвращать вас некуда было, - сказал он, когда мы вышли. - А то бы черта с два я вас принял!

- А что? - спросил я.

Иван Васильевич только показал рукой на вершину антенной мачты, где был флаг. На сумасшедшем ветру флаг вытянулся в линейку и стоял неподвижно, иногда резко щелкая, словно лист жести.

- Зачехляйте, - приказал Галочкин. - И привяжите аппарат как следует, чтобы он без нас не улетел.

Летчики прошли в «номер» - комнатку размером с железнодорожное купе, с тремя двухъярусными койками. Командир выбрал себе верхнюю койку подальше от окна, «стальные кинули жребий. Это было, как я заметил, единственное преимущество, каким командир пользовался вне полетов.

- Идите отдыхайте, - сказал мне Галочкин. - Будет погода - сразу полетим...

Я пошел к себе. Каждый раз, когда взгляд мой падает на дверь, я вижу собачьи следы, ведущие вертикально вверх. По листу фанеры, когда он еще не был дверью моего балка, пробежала грязными лапами собака. Вот и сейчас первое, что я увидел, подойдя к балку, - собачьи следы. Белые ночи в этих широтах лишены таинственного очарования ленинградских белых ночей. Здесь это воспринимается просто как продолжение дня.

Нижняя половина печки накалилась докрасна, солярка горит с ревом, но ветер «прошивает» мое жилище. Непрочные стенки балка ходят ходуном, и труба печки со скрежетом трется о жесть выводного отверстия. Холодно даже в балке. А как же сейчас в тундре? Без печки, без палатки. Без спального мешка. И укрыться некуда, даже нет места, куда можно было бы сесть. Тундра сейчас - это раскисший суглинок, россыпь мокрых камней, болото - невысокие кочки среди воды. Надо все время идти вперед, а куда? Здесь не пропадет только опытный. Или, как справедливо говорит И. В. Шешурин, пусть не опытный, но волевой.

Я открыл дверь балка и вышел в качающийся и скрипящий воздух. Невысокий галечный вал закрывал море, но видно было, как за валом взлетали вверх белые фонтаны. Отдельные клочья пены долго летели по воздуху, пока не исчезали из виду. Солнца уже не было, низко катились темные облака, закрывая сопки. Чайки на фоне облаков, казалось, фосфоресцировали. Одна, сопротивляясь ветру, проплыла совсем рядом. Поравнявшись со мной, она важно склонила набок голову и посмотрела вниз одним глазом, словно пилот из кабины аэроплана в довоенном фильме. Красное оперение нашего Ан-2 непривычно выделялось на черно-белом ландшафте Темпа. Какой-то человек обошел вокруг самолета и вернулся в здание: очевидно, проверил крепление машины к специальным скобам, намертво вкопанным в грунт. Низкие облака катились над островом Котельным. Площадь его составляет около одиннадцати тысяч квадратных километров. В каком-то из этих квадратов шел (сидел? лежал?) заблудившийся рабочий Виля Т.

Двадцать девятое июля: туман над Темпом

Проснулся я оттого, что стало тихо и жарко. Я спал в сапогах и в куртке, голова неудобно лежала на согнутой руке. Проснулся с пересохшим ртом и тяжестью в голове, наверное, так чувствует себя футболист, который много раз подряд принимал на голову мокрый, тяжелый и грязный мяч. В окошко я увидел только ближайшую палатку и бочку из-под солярки, стоявшую рядом с ней. Угол следующей палатки едва угадывался, а дальше стояла белая стена. В тумане громко и ровно работал дизель авиапортовой электростанции. На бочке сидела пуночка - серо-белый воробей, пушистый и толстый, как подобает полярному жителю. Вторая пуночка, не решаясь сесть рядом, с писком металась вокруг, словно «раскидай» на резинке. Потом вспыхнула ожесточенная драка, в результате которой одна из птиц была с позором изгнана. Впрочем, победительница тут же полетела в противоположном направлении и, порхая, исчезла в тумане.

На утренней связи удалось выяснить подробности происшествия. Сразу после приезда отряда на новое место стоянки Виля вернулся по следу вездехода, чтобы поискать шапку, которую обронил во время движения, пока спал в кузове. Одет в телогрейку, резиновые сапоги. «Имеет ли оружие?» - спросили мы. После некоторой паузы радист отстучал, что имеет охотничье ружье и несколько патронов.

По писанным и неписанным законам, действующим в геологической службе, выпускать человека в одиночку из лагеря - такое же бесспорное нарушение, как, например, шоферу поехать на красный свет. Тем более без карты и компаса. Тем более без производственной необходимости и без твердо установленного маршрута. Каждый из нас, в том числе и начальник первого отряда, знает эти пункты наизусть, но... факт остается фактом.

Есть такая категория лиц, которые в самолете не пристегивают ремни. Кажется, самое удобное: пристегнул их и сиди спокойно. Но нет, ему не страшно, он не в первый раз в воздухе, пусть стюардесса не беспокоится... А она и не беспокоится. Ей просто до смерти надоели такие вот «скромные герои», которые в каждом рейсе мешают ей работать. Эта жизненная позиция - не пристегивать ремни (ощущая себя в безопасности) - сохраняется у одних до гробовой доски, у других - пока жареный петух не клюнул.

Когда я шел к авиапорту, туман приобрел едва заметный золотистый оттенок - это пробивалось солнце. У стены авиапортового барака еще лежал черный сугроб, из-под сугроба струился ручеек, передвигая консервные банки.

Летчики в тренировочных костюмах лежали на койках и курили. Один брэнчал на гитаре, держа ее на животе.

- Вроде рассасывается, - сказал я.

- Выйду посмотрю профессиональным взглядом, - откликнулся второй пилот, слезая с верхней койки.

Мы развернули штурманскую карту, чтобы определить район поисков. Балыктах - единственная крупная река Котельного - по диагонали делит остров почти пополам. Лагерь, из которого ушел Виля, располагался на левом, северном, берегу. Преодолеть Балыктах вброд трудно. Следовательно, южную половину острова можно исключить из рассмотрения. Идя на запад, Т. непременно должен был выйти на побережье, в район Темпа. С востока на его пути лежит естественная граница - горы Шмидта. Этот крутой уступ, отражение в современном рельефе глубокого разлома земной коры, тянется по меридиану на десятки километров. Треугольник поисков определился ясно, беда была только в том, что этот треугольник уже успели обыскать на вездеходах.

Вернулся второй пилот.

- Ну как? - спросил Галочкин.

- До земли...

Я пошел к себе и лег на койку. Могли ли они не заметить Вилю, когда «утюжили» тундру на вездеходах? Как ни странно, обзорность в тундра ограничена. Можно, ничего не подозревая, идти по водораздельной равнине - и вдруг прямо перед ногами открывается долина большой реки. Пятиметровое повышение рельефа способно закрыть половину круга обзора. В тундре хозяйничают миражи и оптические обманы: лежащая на горизонте гора, на которую вы взяли ориентир, при приближении оказывается холмиком высотой в несколько метров. Виля мог находиться за поворотом реки, когда вездеход пересекал ее долину, он мог при этом кричать и даже стрелять из ружья - мотор вездехода заглушает все внешние звуки. Поэтому мы надеялись, что Виля жив, но еще не обнаружен. Ведь человек имеет поразительный запас прочности и может выжить в невероятных обстоятельствах, успокаивал я себя и вспоминал историю с Мертвецом.

...Вечером 31 августа 1958 года на Оленеке промывальщик Зайцев прибежал в лагерь и закричал каюрам:

- Поехали мертвеца привезем!

- Зачем мертвеца везти будем? - спросил рассудительный бригадир каюров Афанасий.

- Да он еще живой!

Зайцев со студенткой Ирой Рябковой, возвращаясь из маршрута, чуть не наступили на охотничье ружье, лежавшее прямо на гальке. Невдалеке щипала траву белая лошадь без седла и узды. Лошадей в этих местах никогда не бывало. Зайцев хотел выстрелить в воздух, чтобы вызвать хозяина ружья, но тут увидел в береговом обрывчике неглубокую нору, откуда торчала какая-то бесформенная масса: тряпье, полусохшие ветки... Все это едва заметно шевелилось. Поборов страх, Зайцев запустил руки в нору и без усилия вытащил человека.

Если читатель видел фотографии узников Освенцима, то нет нужды описывать портрет этого человека. Он не мог говорить, и невозможно было даже понять, какого он примерно возраста. Когда его привезли в лагерь, то первые день-два ему давали по ложечке чаю со сгущенкой, да он и не хотел есть, но вскоре в нем проснулся нечеловеческий аппетит. Наш гость выл и плакал, требуя еды. Вот когда он начал кричать и, следовательно, поправляться, мы и стали между собой именовать его Мертвецом как бы в насмешку над уходящей от него смертью.

Он был рабочим крупной разведочной экспедиции, поселок которой стоял далеко к югу отсюда. В середине июля группа рабочих с трактором и лошадью выехала в лес на заготовку дров километров за десять - двенадцать от своего лагеря. Вечером, загрузив дровами тракторные сани, бригада направилась обратно, а нашему знакомому велели остаться до утра охранять заготовленный лес. Проводив товарищей, он поел, покурил, а потом чего-то заскучал и решил тоже вернуться домой. Дороги он не знал, но, так как в лагерь вел только что проложенный тракторный след, без всяких сомнений сел верхом и поехал.

У него не было часов, и он не знал, сколько было времени, когда он начал подозревать, что едет не по свежему следу. Он слез с лошади, внимательно посмотрел след и убедился, что в углублениях, оставленных траками, стоит неповрежденная трава, не только молодая, но и сухая, прошлогодняя.

Как мы потом узнали, его искали долго и настойчиво. Только через месяц с разрешения вышестоящих органов поиски прекратили. Были составлены полагающиеся акты, а вещевой мешок пропавшего и заработанные им деньги переслали жене. Начальники получили взыскания (еще более сурово они были наказаны, когда человек нашелся, за преждевременное прекращение поисков).

В первые дни он не плутал на месте, а все время двигался на север и быстро очутился так далеко, что никто не мог предположить. Район поиска был южнее. Он и сам недоумевал, куда вдруг делся лес и почему кругом открытые пространства. Иногда с водораздела открывались вдали долины крупных рек - нечто выделяющееся на однообразном фоне тундры. Было ощущение, что там жилье, он спешил туда, но встречал лишь скалистые обрывы или группы небольших деревьев. Часто попадались следы лагерей: консервные банки, щепки, куски газет, иногда совсем недавние. Однажды он нашел пачку соли, но солить было нечего: один раз он промазал по куропатке, в другой убил поморника (поморник не куропатка, это полкило сухожилий, гладких перьев и полых костей - совершенный летательный аппарат), третий патрон так и носил с собой. День за днем он терял силы, а лошадь, напротив, отъелась без работы. В одно утро человек не смог поймать лошадь. После этого он уже шел пешком, а белая лошадь следовала за ним в некотором отдалении, не отставая, но и не даваясь в руки. Часто вечерами - уже появились вечера и ночи: шел август - он видел далеко в вышине рейсовый самолет Москва - Тикси и в отчаянии грозил ему кулаком. А потом он кое-как выкопал нору и залег умирать.

Этот человек вытянул один билет из тысячи: по речке, где он лежал, люди проходят, может быть, один раз в году, а может, один раз за несколько лет. Через день после того, как его нашли, выпал снег...

Иногда тарахтение дизеля в аэропорту усиливалось, и тогда было впечатление, что там заводят самолет. Я вставал. Снаружи по-прежнему ничего не было видно. Момент, когда по-настоящему начало проясняться, я пропустил. Я только вдруг ощутил, как звук дизеля превратился в шум подъехавшего автомобиля, в дверь постучали, и в балок быстро вошел Иван Васильевич Шешурин, декламируя:

- И ты печальная сидела - а нынче... погляди в окно!

Иван Васильевич бодр и, как всегда, элегантен (кожаная курточка, галстук, белая сорочка), рукопожатие его энергично.

А снаружи действительно туман быстро рассеивался, прямо на глазах открывалась пологая дуга южного берега бухты Стахановцев Арктики. Наш Ан-2 был уже расчехлен, и винт вращался, набирая обороты.

Ночь на тридцатое июля и следующий за дней день. Поиски

Сразу после взлета мы взяли курс на юго-восток, перевалили водораздел и, оказавшись в верховьях Балыктаха, пошли прямо по долине. Мы решили начать поиски от лагеря, откуда ушел Т. Летели низко вдоль русла. Тень самолета почти в натуральную величину скользила по тундре чуть впереди и справа от самолета, ломаясь на неровностях рельефа.

Лагерь мы нашли легко по избушке, построенной кем-то очень давно. Самолет сделал круг над лагерем. Кроме избушки здесь были четыре палатки, капитально поставленные на каркасы, вездеход. Черный уступ - единственный на острове выход пласта каменного угля, и от него вниз по склону - черный угольный шлейф: сюда за углем ездили местные жители. Между палаток стояло несколько человек. Вопреки обычаю ни один не помахал самолету рукой. Стояли неподвижно и смотрели вверх.

Мы хотели попробовать пройти от лагеря по вездеходному следу, повторяя путь Вили. Начальник отряда, как мы договорились по рации, находился в стороне от палаток, на одном из следов от вездехода, и показывал рукой направление. Галочкин вышел на курс, но сразу же следы начали пересекаться, сливаясь и снова расходясь, словно рельсы на подъезде к большому городу, если смотреть на них с площадки хвостового вагона.

- Что будем делать? - обернулся ко мне Галочкин.

К сожалению, самолет нельзя остановить в воздухе, чтобы подумать, нужно было решать быстро. Я решил пролететь к северу и там ходить челночными рейсами: с востока на запад и обратно, как при аэрофотосъемке.

Ночь, пусть светлая, не лучшее время для поисков. Солнце почти лежало на горизонте, и любые возвышающиеся предметы - высокая кочка, кустик, «пасть» для ловли песцов - отбрасывали густые и неестественно длинные тени, сбивавшие с толку. Мы шли низко над землей, иногда брюхо самолета почти касалось лысого водораздела, покрытого россыпью камней. Я боялся, что мы не успеваем просматривать все, поэтому попросил командира подняться выше. Бег земли внизу замедлился, обзор расширился, зато детали стали хуже различимы... Рельеф в этой части острова Котельного спокойный - плоские водоразделы, неглубоко врезанные долины речек... Время от времени попадались небольшие стада оленей: напуганные самолетом, они отчаянно неслись в сторону, затем вдруг останавливались и, как ни в чем не бывало, продолжали пастись. На востоке отчетливо выделялся уступ Шмидта. От его основания к востоку простиралась болотистая, покрытая кочкарником низина, по которой причудливо извивались речки, а еще дальше лежала мокрая песчаная пустыня Земли Бунге.

В одном месте, на восточном берегу острова, три белых медведя деловито шли, направляясь на север. Зады у всех троих были грязные: видимо, медведи съезжали с обрыва. На следующем витке мы увидели их снова. Медведи нашли охотничью избушку и пытались в нее проникнуть. Двое, отталкивая друг друга, старались протиснуться в дверь, а третий совал морду в оконце. Сразу после этого мы прошли над вездеходом, оставленным отрядом во время поисков.

А затем я увидел человека. Он шел рядом с вездеходным следом, можно было даже различить, как тень его колебалась в такт шагам. Сохраняя выдержку, подобающую мужчине, я тронул Галочкина за плечо.

- Бочка, - сказал он, не оборачиваясь.

- Какая бочка, он же идет!..

- Бочка. Из-под бензина, - повторил командир, снижая машину. Он оказался прав.

Еще через какое-то время, на подходе к мысу Анисий, остров сузился, и наши маршруты превратились в затяжные виражи от моря до моря. Галочкин поманил меня пальцем и сказал, что ведь у нас аэроплан, а не орбитальная станция, нужно слетать в Темп заправиться, поспать, а потом снова искать.

Напоследок я попросил пройти по Балыктаху до устья. Возможно, Т. ошибся и пошел по долине в эту сторону? Галочкин прикинул, сколько осталось бензина. Мы прошли весь остров по диагонали на юго-восток, затем река, становясь все больше, повернула прямо к югу, и, наконец, мы увидели воды пролива Санникова...

На обратном пути я не смотрел в иллюминатор. Второй пилот вышел ко мне в салон и занимал меня разговором, чтобы отвлечь от черных мыслей.

Самолет между тем сделал глубокий вираж, а потом Галочкин, не оборачиваясь, протянул мне карту:

- Вот в этой точке.

- Что? - не понял я.

- Да парень ваш! Вы что, спите там?

Посреди заболоченного водораздела стоял человек. Он вяло махал рукой и поворачивался вслед за движением самолета. Это было недалеко от реки Улахан-Урасалах, в шестидесяти километрах к югу от балыктахского лагеря.

Сбросив сверток: палаточку с кольями, спальный мешок, хлеб, консервы, «Беломор», спичка, записку с требованием оставаться на месте и ждать вездехода, мы сразу легли на обратный курс, так как бензин кончался. Почему-то я снова вспомнил Галочкина, который учился у нас в школе до седьмого класса, вернее, не столько его самого, сколько групповую классную фотографию. Лопухий Галочкин сидел на полу в самом первом ряду, скрестив по-турецки ноги в валенках. И вдруг меня осенило, что командир Галочкин жил в переулке Антоненко, а наша 232-я школа находится совсем рядом: угол улицы Плеханова и Демидова переулка.

- Слушай, командир, - спросил я, когда мы приземлились в Темпе, - ты в какой школе в Ленинграде учился?

- Я тебя сразу узнал, - ответил Галочкин. - Ты Володя Иванов.

- Так что же ты молчал?

- Как-то неловко, знаешь, признаваться. Вдруг ты меня не помнишь...

- Ну как ты? Рассказывай!

Но рассказывать было некогда: мне нужно было ехать за Вилей, а ему лететь в Чокурдах. Мы обменялись адресами.

...Продавленное сиденье вездехода было покрыто старой телогрейкой, я сел и с удовольствием положил руки на рычаги. Было около шести часов утра тридцатого июля. Дмитрий Иванович Кузьмин, наш главный механик, втиснул свое круглое тело через правую дверку. В этот момент оторвался и пошел вверх Ан-2 Галочкина. В его тяжелом, объемном гуле на минуту утонули остальные, звуки. До места, где находился Т., было около ста километров.

Вездеход, выворачивая гусеницами черный пахучий ил, пересек обнаженную сейчас часть лагуны, а дальше пошел по воде, как катер. Брызги попали на кожу руки, и вдруг мне ясно-ясно представился речной трамвай на Неве - как он разворачивается по ветру напротив пристани у Летнего сада. Как только гусеницы коснулись грунта, я прибавил газу и аккуратно, на второй передаче, вывел машину на берег. Волна, поднятая вездеходом, вздымалась и опадала, качая траву на кочках у берега.

В машине пахло, как в самолете, работающим металлом и электричеством. После полета мне казалось, что мы не едем, а стоим на месте. За перевалом открылось довольно большое озеро. Ветер дул с севера, крупные волны бежали и бежали в одну сторону. Лед со всего озера согнало к южному берегу, здесь его мяло, раскачивало и ломало волнами. Лед то шуршал, как сухое сено, то тонко и нежно звенел, словно хрустальная люстра. Дмитрий Иванович толкнул меня локтем:

- Вон, смотри, утка около самого берега плавает. Утка тут же нырнула, показав круглое белое брюхо.

- Вот артистка, все понимает!

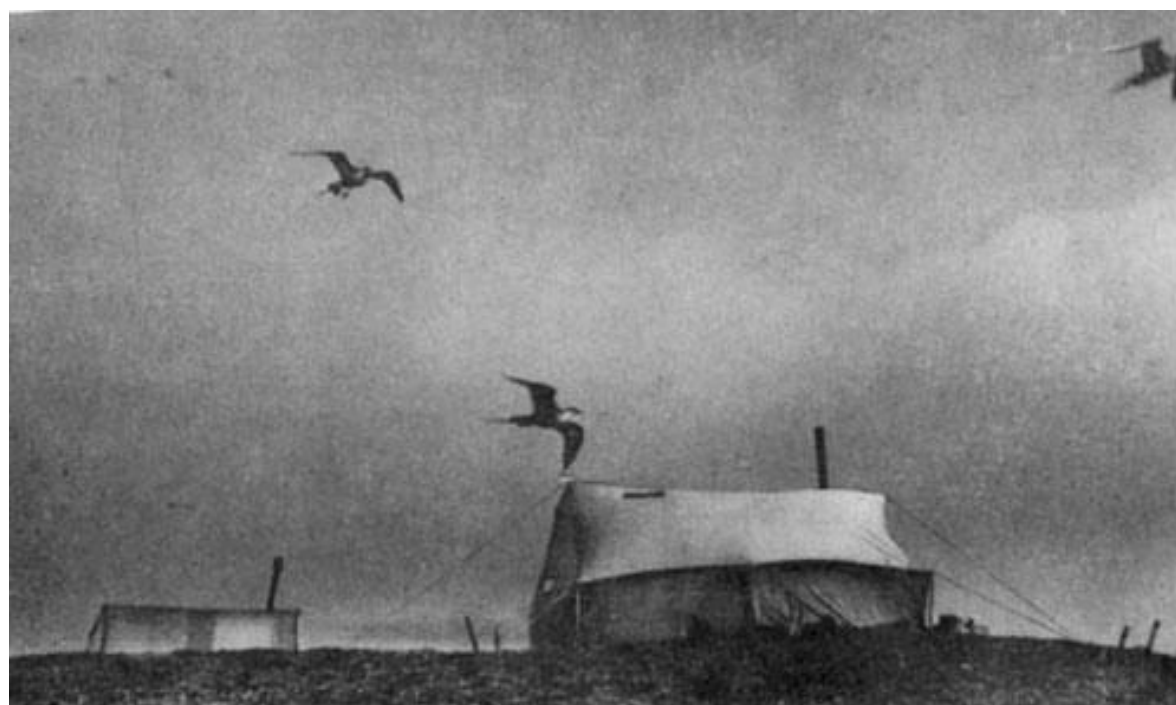
В долине Катанки я отвел душу: плоская, чуть поросшая травкой галечная пойма была лучше для движения, чем асфальт. Вездеход летел с косы на косу, лишь вздымались водяные буруны при пересечении русла. Но вскоре мы оказались в верховьях, и потянулся бесконечный склон, покрытый мелким кочкарником.

Фотографии тундрового ландшафта невыразительны. Можно склеить полосой метр отпечатков одного и того же кадра - получится обычная панорама, никто не заметит фокуса. Цветное фото, снятое в пасмурную погоду, не отличишь от черно-белого. Красоту тундре дарит солнце.

Было сравнительно теплое, солнечное утро, и обитатели тундры проснулись. В непогожие дни тундра мертва, можно увидеть только поморников, сидящих тут и там на кочках. Они временно прекращают полеты, так как лемминги - основная добыча поморников - на поверхности не показываются. Поморник красив. Представьте себе средних размеров чайку, окраской и формой тела похожую на увеличенную

ласточку, если бы не черные утиные лапы. Парящий поморник - обычная деталь пейзажа якутских тундр, даже удаленных от моря на многие километры. На береговых обрывах Новосибирских островов, где селятся птицы, поморник крутится над скалами, алчно высматривая, что бы такое схватить. У Э. В. Толля и его коллег поморник именуется чайкой-разбойником и Фомкой-разбойником, сейчас в просторечии их зовут чертями.

Поморники летят против ветра

При потеплении жизнь в тундре активизируется. Крошечные растения распрямляются и идут в рост, спеша «впитать» каждый солнечный луч, а звери и птицы получают как бы заряд энергии.

В колее старого следа, по которому мы едем, иногда возникают птенцы куликов. Ветром птенца бросает, переваливает с боку на бок, задирает перышки, он пищит от страха, но бежит вперед на своих длинных ножках. Приходится притормаживать машину, пока он не догадается выскочить из колеи. Вот рыжий петух куропатки пасется на берегу ручейка, он срывает что-то с земли, вытягивая шею, как маленькая лошадь. В другом месте петух свечкой стоит на вершине байджераха (бугра), охраняя гнездо. При нашем приближении он взлетает вертикально вверх, а оттуда быстро падает по дуговой траектории. (Летающих куропаток узнаешь издалека. В августе куропатки начинают сбиваться в стаи. Стаи все время как бы идут на посадку, но окончательно не могут выбрать место. Кажется, сели, но вот опять взметнулись на фоне бурого склона и вновь пикируют, расправив крылышки. И так много раз.)

Поднявшись на возвышенность Вальтера, мы остановились на минуту у триангуляционного знака, обозначающего господствующую на этом участке высоту с отметкой сто шестьдесят шесть метров. Когда смотришь с водораздела, речные долины кажутся громадными. Далеко справа показывается туманный кусочек голубого. Это море. Ощущение поразительного простора, и ни одной живой души нигде.

Склоны долин и водораздельные пространства отливают бледно-лимонным цветом. У ботаников есть понятие «фенологический аспект» - преобладающая в ландшафте красочная гамма, обусловленная массовым цветением того или иного растения. Сейчас цветет полярный мак. Ветер треплет его и гнет до земли, но лепестки цветом, как крылья бабочки-лимонницы, не облетают. Маки покрывают глинистые бугры, и они словно горят желтым огнем...

- Остановись, Леонидович, у речки, чаю попьём, - попросил Кузьмин, когда мы съезжали в очередную долину.

Когда вездеход остановился, казалось, тундра еще некоторое время продолжает ехать навстречу, медленно разворачиваясь, - обычное ощущение после длительной езды.

Дмитрий Иванович вытащил из кузова ящик из-под тушенки, где был чайник и кружки, разжег паяльную лампу и стал греть чай прямо в ящике, чтобы ветер не сбивал пламя. Два поморника сразу стали кружить над нами и орать кошачьими голосами. Потом устали, один продолжал летать молча, а второй сидел на скале, изредка что-то хрипло выкрикивая. Вдруг он сорвался с места, чуть не влетел в окно кабины и резко приземлился на буханку хлеба, лежавшую в пяти шагах от нас.

Я включил «Спидолу»: «Передаем утренний выпуск последних известий, - слышался знакомый голос диктора. - Необычайная жара стоит нынешним летом в Алтайском крае». «Почему утренний?» - не сразу сообразил я. Было три часа дня, значит, в Москве - восемь утра. Как шутит наш чокурдахский радист, здесь хорошо ложиться спать по местному времени, а вставать по московскому. Только сейчас до меня дошло, что спать я еще не ложился.

После чая за рычаги сел Кузьмин. Под вечер, когда тундра стала розовой, а тень вездехода удлинилась, впереди открылись округлые плосковершинные горы из группы возвышенности Малакатын-Таас. В царстве горизонтальных линий гора высотой двести - триста метров кажется огромной, как Эверест. Вершина, лежащая по курсу маршрута, - это большая удача. Она освобождает от утомительной необходимости постоянно сверяться с картой, дает ощущение уверенности и свободы движения. Теперь можно было и вздремнуть, но сон прошел.

Поиски Вили, если подсчитать часы работы Ан-2, сожженное вездеходами горючее, простой в работе отряда и многое другое, обошлись экспедиции во столько, сколько ему не заработать за много лет. Я не говорю об ущербе, который не оценишь в денежном выражении. «Врезать бы ему пару раз», - говорил по дороге Дмитрий Иванович, и я разделял эту точку зрения, хотя чувство облегчения, которое я испытал, увидев Вилю живым, затушевывало все остальные эмоции.

Виля, как ему и было приказано, оставался на месте.

- Господи, - сказал Кузьмин, - я-то думаю: какой такой Т.? А это же Вилька, «Шапка из телятины»...

Он остановил машину рядом с Вилей, выключил зажигание и спросил:

- Шапку-то какую потерял?

- Шапку? Из телятины, - ответил Виля. Он выглядел вполне бодро, лицо только было излишне бледным и грязным. - Из телячьего меха шапочка.

Диалог о шапке помешал мне провести намеченную небольшую «официальную часть» встречи. Я ничего не сказал.

К месту ночлега - полярной станции Санникова - мы подъезжали около полуночи. На берегу нам встретилась аспирантка Ботанического института Академии наук, которая прилетела из Ленинграда вместе с нашими ребятами. Несмотря на позднее время, она работала: отмерив в тундре квадратный метр, подсчитывала, сколько и что на нем растет. Растительность тундры неприметна, но, если присесть на корточки и всмотреться внимательно, увидишь и цветы, и деревья, и даже целые рощи, только все это высотой с сигарету, а то и со спичку. И найдешь знакомых, вернее, их мини-братьев. Вот мак. Вот красная кисточка - конский щавель. А вот прутик с тремя листочками - карликовая ива.

- Лютик едкий, - сказал я, чтобы показать свою эрудицию.

- Нет, - сказала девушка серьезно, - это лютик лапландский. Здесь двенадцать или тринадцать видов лютиковых.

- Садитесь, - предложил я, - довезем до полярки.

- Спасибо, - твердо ответила девушка, - но я еще не закончила своих сегодняшних исследований...

Нужно иметь смелость - вслух назвать свою работу «исследованиями», да еще в таком юном возрасте. Думаю, эта девушка многого добьется в жизни.

Тридцать первое июля: полярная станция Санникова. Вершина лета

Меня разбудил голос Вили:

- У нас в квартире старушка одна живет. Так она, когда узнала, что я уезжаю в экспедицию, веришь ли, заплакала от радости. Сердце у нее, наверное, чувствовало, что попаду в такую беду. Нет, погоди! - закричал он с пафосом. - Вильку голыми руками не возьмешь!..

Я подумал, что вот теперь у Вильки появилось событие, которое сразу придало значимость всей его, в общем-то, пустяковой биографии.

Полярная станция Санникова осталась у меня в памяти как оазис уюта, порядка и бытовой цивилизации.

Большой добротный жилой дом, дизельная, склад, еще какие-то постройки - все это прочно разместилось на высоком береговом склоне. Фасад дома смотрит на море, где свободной воды меньше, чем плавающих льдов. В зоне прибоя покачиваются причудливой формы стамухи - севшие на мель льдины. Быстро махая крыльями, пролетают стайками черно-белые чистики. На самом берегу - лебедка и кран-балка для разгрузки, прожектор, который осенью будет освещать место причала, два вельбота, лодки... По гальке ползает тракторишко, выполняющий какие-то хозяйственные работы. В помещении дизельной пол выложен красной и желтой плиткой, развешаны картинки по технике безопасности - трудно представить себе, что вокруг на сотни километров только тундра и море.

Перед крыльцом дома куча щенят дружно трепала вяленый балык, который их мать сдернула с веревки. Один щенок бегал вокруг, не решаясь подступить. Беременная молодая женщина, присев на корточки, уговаривала его:

- Покушай, дурачок! Пойми, они выживут, а ты погибнешь.

Трусливый щенок еще немного покрутился, а потом разбежался, подпрыгнул вертикально вверх и приземлился в самом центре группы, раздвинув своих братьев.

- Пожалуй, не погибнет! - сказал я.

Женщина улыбнулась смущенно и прошла в дом, очевидно, она стеснялась своего положения.

- Жена начальника? - спросил я у механика, который встретил нас вчера ночью и разместил на ночлег.

- Вроде этого - кивнул он головой.

В кают-компании стол был застелен скатертью, а рядом, на отдельном столике, дымилась супница с борщом.

- У нас - самообслуживание, - сказала повариха с достоинством. За стеклами книжных шкафов стояли подписные издания, на специальной доске висели приказы по станции, отпечатанные на машинке по всей форме. Хозяевам этого дома - их было пять или шесть человек - хотелось, чтобы все было, как на материке. Очевидно, это помогало им переносить специфические условия своей жизни.

Мы всю жизнь готовимся к чему-то, что-то постоянно накапливаем. Мне всегда казалось, что человек, приехавший поработать на Север, более чем кто-нибудь другой, живет «под будущее». Он все время чего-то ждет: отпуска, приезда (или отъезда) жены, конца контракта, за которым обычно следует новый. Как постичь, думал я, искусство жить так, чтобы время ожидания не было вычеркнуто из жизни?

- Нет, почему же? - отвечает на мой не прямой вопрос начальник станции Коля Нью, из корейцев, миниатюрный и точеный, как сказочный принц. - Почему же, здесь хорошая полярка. Здесь есть куда пойти. Не то, что на Генриетте: небо и море.

Вопреки своей игривой фамилии начальник очень застенчив, щеки волнами заливает нежный румянец.

- Не скажи, - возражает механик Журавлев. - Зато на Генриетте птичьи базары какие!

Они начинают спорить, но спор идет только о том, какая полярка лучше - Генриетта или Санникова. Вопрос, который я пытался задать, им чужд.

- Вы на Севере родились? - спрашиваю я механика.

- Я в Ростове-на-Дону родился. На Север попал после армии, завербовался шофером. Приехал и первым делом спрашиваю: «А где же леваки, мать честная?» Мне отвечают: «Вот они, леваки: лемминги, песцы, медведи белые...»

- Жилье здесь хорошее. И его много, - продолжает Николай Нью, краснея. На ногах у него клетчатые фланелевые тапки без задников. - При желании можем каждому сотруднику отдельную комнату выделить.

- А зачем она мне? - говорит молчавший до этого парень. - Одному жить хорошо тому, кто женским персоналом увлекается. А у кого нет такого хобби, тому одному жить скучно...

В. Стефанссон, известный канадский полярный исследователь начала нашего столетия, писал: «Если мы можем говорить о каких-либо лишениях, то разве только об отсутствии далеких друзей и хорошей музыки. Одна могу сказать, что сейчас, в наводненном кинематографами городе, я так тоскую о вечерах, проведенных в снежной хижине после охоты на оленей, как я никогда не тосковал на севере по клубам и концертам...» Здесь, на полярной станции, есть «кинематограф», целый чулан завален жестянками с картинами. Есть несколько магнитофонов и радиоприемников - «хорошая музыка». Есть друзья, насколько это можно заметить по первому впечатлению. И все-таки...

- Всё тут очень хорошо, просто замечательно, - громко говорит вдруг беременная женщина, и глаза ее наливается слезами. - Только почту возят слишком редко, последний самолет в апреле был...

Год спустя я снова побывал на этой станции. За мной прилетел вертолет из Темпа. Я никогда не забуду, с какими лицами обитатели станции бежали к месту посадки вертолета, только предполагая, что он, может быть, привез письма...

На обратном пути погода испортилась. Когда мы около речки Крестовой, в ее верховьях, кипятили чай под скалой, ветер рвал пламя паяльной лампы в разные стороны. Потом он установился в одном направлении и понес с севера темные октябрьские тучи. А под ними, цепляясь за горки и шевелясь, ползли ярко-белые, серебристые, по-весеннему подсвеченные солнцем облака. Засекла невидимая пока снеговая крупка, галька на речке вдруг потемнела и тускло заблестела.

Через четверть часа уже вовсю шли снеговые заряды. Мелись по тундре белые изогнутые хвосты, полоскали, обвивали серые бугры, а потом и бугры скрылись из виду, ориентиров не стало. Кузьмин вел машину, я пытался смотреть на карту, а Виля Т. лежал в кузове на спальных мешках и пел песни. Лобовое стекло залепило влажным снегом, через небольшой сектор обзора, расчищаемый «дворником», я видел каких-нибудь двести или триста метров кочкарника. Один раз справа по ходу в снеговой мгле возникло что-то большое, ярко-белое. Оказалось, полярная сова. При нашем приближении она поднялась и полетела, тяжело взмахивая огромными крыльями. В маршруте я чувствую себя нормально только тогда, когда контролирую свое местонахождение на карте с точностью до миллиметра. В противном случае приходит гнетущее ощущение потери ориентировки. Хочется двигаться вперед все быстрее и быстрее, чтобы скорее убедиться, что идешь верно. Нужно сделать волевое усилие, чтобы заставить себя остановиться и сосредоточиться. Я иногда думаю: а как же первопроходцы, наши предшественники, у которых вообще не было карт? Впрочем, не было карт - не было и таких ощущений.

Виктор любит животных, и соенок это чувствует

Когда вездеход поднялся на небольшой водораздел, пройдя длинную заболоченную плоскотину, я взял карту в полиэтиленовом пакете, компас и выпрыгнул из кабины. Чтобы магнитная стрелка компаса работала правильно, надо отойти от машины шагов на пятнадцать. Впереди угадывалась долина речки. Верховья как будто были слева. Это означало, что речка не та, которую я ожидал встретить. И стрелка компаса показывала не туда, где, мне казалось, был север. Снег жег руки и лицо, ставшие сразу мокрыми, словно хлестал тонкими ремешками, и никак от него было не отвернуться. Я стоял долго.

Потом в снеговых зарядах наступила пауза, и мы увидели «водяное небо». Небо над морем иное, чем над сушей. Оно неуловимо подсвечено отраженным светом: голубым - от воды и белым - ото льда. Море было слева, где ему и полагалось быть. Все встало на место.

Ночью мы ехали через сплошной снегопад, уже не глядя на карту, а лишь время от времени брали азимут по компасу. Тундра приобрела совершенно зимний вид. В какой-то речке-канаве мы чуть не засели, но Кузьмин сумел выбраться. Я окончательно сбился, не знал куда ехать дальше.

- Все! - сказал я. - Отдых.

Резко наступила тишина. Я вдруг вспомнил про письма на столе балка в Чокурдахе, которые так и не успел прочесть.

Осталось в памяти, как постепенно холодало в машине, как стыли и затекали ноги, как за стеклами почти непрерывно неслись заряды и секли по кабине. Помню рядом запрокинутое во сне лицо Кузьмина и похрапывание Вили Т. за спиной.

Это была ночь на первое августа. Вершина лета, самый пик.

Утром я легко сориентировался. Когда вскоре перед нами с высокого коренного берега открылась бухта Стахановцев Арктики, снег на косе, где стояли наши балки, интенсивно испарялся под солнцем, просвечивали пятна черной глянцевой гальки.

Через день снег остался только на самых высоких вершинах в южной части острова Котельного.

Заповедник вымершего зверя

Вымерший зверь

Нужен ли заповедник зверя, последние экземпляры которого вымерли десять тысяч лет назад?

Гора Эмий-Таас на острове Большой Ляховской. В ясную погоду ее видно с материка

...Легкогруженный вездеход катился по водоразделу. Далеко впереди виднелся массив Эмий-Таас с двумя плоскими вершинами, на которых белели полосы снега. Ехать приятно, так как не было необходимости каждую минуту останавливаться и смотреть на компас. Когда перед самым капотом открылась очередная долинка тундрового ручья, глубокая, как траншея, водитель резко потянул на себя рычаги, а затем высунулся из кабины, чтобы видеть путь впереди, и осторожно начал спускаться по покрытому кочкарником склону. Машина уже вылезала с натужным ревом на противоположный берег, когда из кузова застучали кулаком в стенку кабины. Тот, кто сидел в кабине, посмотрел назад и увидел, что из склона, с которого они только что спустились, торчал бивень мамонта. Он напоминал спирально изогнутый, потемневший и гладкий от времени сук огромного дерева. Ехавшие в вездеходе достали лом, топор и лопату, но мерзлый грунт, лишенный хрупкости, был прочнее любого камня.

Бивень средней величины

- Трос давай, - сказал шоферу первый, тот, кто ехал в кузове. Он взял буксирный трос и затянул на бивне петлю. Второй представил себе громадное туловище зверя, возможно, с мясом и шерстью, замурованное внутри склона. Он хотел остановить эту затею, но почему-то не остановил, а сказал водителю:

- Вот так держите, - и показал направление, как бы по продолжению бивня. Стосильный двигатель завыл, гусеницы завращались на месте, сдирая мох и обнажая влажную поверхность льда. Земля вокруг бивня даже не пошевелилась.

- Стой! - сказал первый. - Так не вытащим, вбок давай... Водитель повернул машину в сторону. Все отошли, чтобы не ударило тросом. Бивень легко треснул, обнажив длинный неровный белый излом, как на дереве, сломанном ветром. На него было неприятно смотреть.

Пилить кость двуручной пилой было лишь чуть-чуть труднее, чем дрова. Они отпилили сломанную часть, и сразу стало как-то спокойнее на душе, а позже, на ночлеге, распилили весь клык на аккуратные болванки сантиметров по тридцать, похожие на чурбачки, только тяжелые.

У меня тоже дома лежит кусок бивня, и когда двухлетняя младшая дочка пытается его поднять, я каждый раз боюсь, чтобы она не уронила его на ноги. Кость, пролежавшая тысячелетия в мерзлоте, от отопления растрескалась по концентрическим слоям и стала еще больше похожа на кусок дерева. Если вы охотник, то, возможно, когда ружье впервые попало вам в руки, вы не удержались от соблазна за неимением дичи выстрелить в случайную, непромысловую птицу - в дятла, в сороку... И тогда у вас сохранилось в памяти ощущение, которое вы испытали, когда живое, яркое, только что упруго прыгавшее по ветке существо превратилось в комок перьев, пачкающий руки липким. Нечто подобное, как ни странно, я испытываю, когда смотрю на этот кусок Мамонтова бивня.

Кто они были такие?

В детстве отец часто водил меня по воскресеньям в Военно-морской музей, что на стрелке Васильевского острова. Отец вырос в Севастополе и вынес оттуда влюбленность в военный флот. Сложности предвоенной жизни не позволили ему стать моряком, он сорок два года проработал инженером в конторе по эксплуатации городской водопроводной сети, но до самой смерти собирал книги, открытки и вырезки из газет, посвященные военным кораблям, а его любимой одеждой оставался синий китель. Мне горько сейчас, признаться перед памятью отца, но тогда я ходил в музей больше для того, чтобы сделать ему приятное, подсознательно улавливая скрытую гордость и радость, которую испытывал отец, приобщая меня к своим сокровищам. Военные корабли не влекли меня. И вот однажды Военно-морской музей оказался закрытым на ремонт, и мы зашли в соседний Зоологический музей.

Мамонт как бы сидел, подогнув передние ноги. Я хорошо помню его длинную бурую шерсть, похожую на волокна коры пальмы. Мамонт поразил меня не размерами - слон был побольше, а кит - больше несравненно, скелет его занимал целый этаж. У меня никак не укладывалось в голове другое: мамонт вымер много тысяч лет назад, а я видел не скелет, а чучело, такое же натуральное, как чучело волка, а волк живым и здоровым бегал по клетке в зоопарке всего в двух трамвайных остановках отсюда. Ребенок не умеет мыслить в ином масштабе времени, чем тот, в котором он живет. Сын моего знакомого спросил: «Папа, а ты давно родился?» «Довольно уже давно, - ответил папа, - около сорока лет назад». «А в то время мамонты уже вымерли?» - серьезно спросил мальчик, которому недавно прочли книжку о мамонтах.

Мой интерес к проблеме мамонта почти не носит профессионального характера. Отрасль геологии, в которой я работаю, имеет дело с геологическими процессами длительностью в сотни миллионов лет, на фоне которых эпоха мамонта выглядит ничтожно малой величиной. Если время существования на Земле органической жизни условно представить в виде суток, то существование мамонта как вида охватывает лишь самые последние 5-10 секунд в этом масштабе времени.

Мамонт не стал и моим хобби, если понимать под этим словом предмет систематических, хотя и внеслужебных занятий. Просто этот зверь меня интересовал. В 1961 г. в поселке Таймылыр, на Оленеке, я увидел коренной зуб мамонта. Размером и формой зуб напоминал буханку хлеба. Поперек его рабочей поверхности возвышались извилистые ребра, гребни, образуя мощную терку. Мой давний товарищ шофер Коля Манкевич, тогда еще совсем молодой парень, долго смотрел на зуб, а потом сказал с глубокой скорбью:

- Это сколько же он этим зубом оленей-то пожрал?

Мамонт не может не вызывать интерес. Это не просто одно из млекопитающих, это символ целой группы животных недавнего прошлого. Говорят: «мамонтовый комплекс», «мамонтовый материк», «мамонтовая эпоха»... Не знаю, может быть, интерес к мамонту мы получили в наследство от наших палеолитических предков, которым мамонт давал все, что необходимо для жизни. Особенно на Севере, где нет съедобных растений, где холод, где мало топлива и строительного материала. Убитый мамонт - это пять тонн «товарной продукции». Великолепное мясо. Толстая шкура. Кости больше человеческого роста - готовые столбы, подпорки, балки для перекрытий земляных хижин. Мелкие кости, бивни - сырье для изготовления орудий труда...

Мастера Возрождения рисовали мадонну. Художники палеолита - мамонта. На территории СССР изображений мамонта найдено немного. В 1928-1929 годах при раскопках палеолитической стоянки у села Мальта (в Иркутской области) нашли обломок костяной пластинки размером семь с половиной на три сантиметра, на которой резкими, уверенными штрихами был вырезан мамонт. Изображение, являющееся фрагментом какой-то картины, выполнено без лишних деталей, при этом очень выразительно, верно передан общий контур. Профессор М. М. Герасимов считал, что мамонт из Мальты древнее большинства известных западноевропейских изображений.

Когда «мамонтовая фауна» закончила свое существование на территории Европы, наскальная живопись потеряла свой ритуальный смысл и постепенно перестала существовать. Это было одним из проявлений упадка цивилизации каменного века, развившейся на базе охоты на крупных травоядных млекопитающих. Человек пережил этот кризис, развитие общества пошло дальше уже другими путями, и человечество забыло мамонта.

Но аборигены Севера помнили о них. Аборигены сочиняли о мамонтах легенды. Мамонт поражал воображение. С одной стороны, находили совершенно свежие трупы. (Вот как пишет О. Ф. Герц, раскапывавший в 1901 году мамонта на реке Березовке, притоке Колымы: «Жилистое и поросшее жиром мясо... на вид столько же свежо, как и свежее сильно промерзшее бычачье или конское мясо. Долгое время мы советовались, не отведать ли нам этого мяса, так как оно имело очень аппетитный вид... Брошенное собакам мясо мамонта съедалось ими весьма охотно».) С другой стороны, живого мамонта никто не видел. Отсюда образ таинственного зверя, живущего ныне, но никогда не показывающегося на глаза человеку.

В легендах (изложения легенд опубликованы В. Т. Илларионовым в 1940 году) мамонт изображался в виде огромной крысы, живущей под землей (ее передвижения вызывают землетрясения); как подземное животное, питающееся землей и умирающее вскоре после рождения; как обитатель озер, переходящий из одного озера в другое под землей. Якуты, как свидетельствует тот же О. Ф. Герц, называли мамонта У-Кыла («водяной бык»). Нет ли связи между последней легендой и теми сообщениями, касающимися «обитателей» озера Лох-Несс в Шотландии и якутского озера Хайыр? Последнее, кстати, расположено в самом мамонтовом крае.

Считали кости мамонта и остатками гигантских рыб, и птиц, и морского зверя-единорога, и людей-великанов... Когда в Москве стал известен мамонт? В. Т. Илларионов пишет, что первое в европейской литературе упоминание о сибирском мамонте принадлежит дипломату-путешественнику Сигизмунду Герберштейну, посетившему Россию в 1517 и 1526 годах. Сохранилась грамота от царя Алексея Михайловича якутскому воеводе Михаилу Лодыженскому, датированная 16 июня 1652 года: «...как-де ходили с Ковымы реки служилые люди Михалка Стадухин с товарищи на новую на Почичю реку, и они-де ту кость собирали на берегу, а лежит-де тут на берегу заморская кость многая, мочно-де той кости нагрузить многие суды...» И далее: «...и те будет служилые люди учнут на море находить рыбью кость большую или малую: и вы б тое рыбью кость велели им имать и привозити к себе в Якуцкой, а из Якуцкого присылали к нам к Москве с нашею соболиного казною вместе...»

Мамонтовые косточки

Наши предки сначала не очень различали мамонтовые бивни и моржовые, именуя и те и другие «рыбьей костью». В начале XVIII века начало утверждаться представление о мамонте как о разновидности слона. Русский посол в Китае, датчанин по происхождению, И. Идее в 1704 году писал, что трупы мамонтов были занесены в Сибирь из южных стран во время всемирного потопа, поэтому нет нужды считать, что климат Сибири до потопа был теплее, чем сейчас. Эта идея оказалась очень живуча. Спутник Э. В. Толля эвен Джергели был убежден, что Ной построил слишком маленький ковчег, мамонты не поместились туда и плыли за ковчегом, пока не выбились из сил и не потонули. Была и еще одна, сравнительно недавняя, гипотеза, принадлежащая шведскому инженеру И. Троенгу: удар астероида в область Тихого океана вызвал гигантскую волну вроде цунами, которая вынесла тела животных из Центральной Азии на Крайний Север.

Известно, что Василий Никитич Татищев, один из «отцов» русской геологии и горного дела, преподнес в дар Петру I мамонтовый бивень длиной четыре аршина и что царь демонстрировал его иностранцам как доказательство похода Александра Македонского в пределы Руси. Татищев же, издавший в 1730 и 1732 годах первые в России серьезные научные труды о мамонте, считал, что климат «до потопа» был на всей Земле одинаково теплым.

Впрочем, эти здравые представления о мамонте далеко не сразу получили общее признание. Иоганн Фишер в своей «Сибирской истории с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским оружием» (1774 год) пишет: «Мамонтовы кости, о которых ученые столь много спорят, за земляное ли растение почитать, или за части какого зверя, есть дар естества, Сибири свойственный».

На Новосибирских островах глазам русского человека открылись скопления мамонтовых костей в количествах, ранее не виданных. Промышленник И. Протодьяконов, один из первооткрывателей островов, сообщал: «Земля на первом острове (Большой Ляховский - В. И.) состоит из песка со льдом. Мамонтовых костей находили на нем такое множество, что казалось, будто остров весь состоял из них». Матвей Матвеевич Геденштром, путешествуя по Новой Сибири, на протяжении версты наблюдал около десятка торчавших из земли бивней. Удивительно, но М. М. Геденштром был убежден, что

мамонт не слон, а какое-то неизвестное животное, не имевшее хобота и питавшееся древесными сучьями, и бивни его - это не клыки, а рога. «Некоторые бывают в полтора оборота, - писал он, - а природа не дала бы сему животному клыков, которых он, по завитости их, не мог бы употреблять».

Геденштром путешествовал в 1810 году (записки опубликованы в 1830 году), а еще в 1806 году адъюнктом Академии наук М. И. Адамсом был раскопан на Быковском мысу, в дельте Лены, и доставлен в столицу неплохо сохранившийся труп мамонта, так что вопрос об «рогах или клыках» мог уже не стоять. Очевидно, М. М. Геденштром не был знаком с работой Адамса. Сам же подход Геденштрома к оценке органа - с позиции целесообразности его использования - был конструктивным. Действительно, для чего мамонту было таскать такое многопудовое украшение? Спирально изогнутые, направленные не вперед, а в стороны, бивни вряд ли могут служить боевым оружием. Не используешь их и в качестве рычага или лома, как это делает со своими прямыми бивнями слон, выкорчевывая корневища съедобных растений. Многие палеонтологи считали, что бивни совершенно бесполезны. Только в 1946 году выпускник биофака ЛГУ В. Е. Гарутт, сегодня один из ведущих специалистов по ископаемым млекопитающим, в своей дипломной работе убедительно доказал простую истину: бивни мамонта были великолепно приспособлены для разгребания снега, чтобы добраться до сухой травы и кустарников. Северный олень выполняет эту работу копытами.

М. М. Геденштром предполагал, что «буйволы», рога которых он видел на островах, были завезены сюда на судах живыми. Однако уже в «Путешествии геодезиста Пшеницына и промышленника Санникова по островам Ледовитого моря», опубликованном в «Сибирском вестнике» в 1822 году, писалось: «Вдовольном расстоянии от берегов на возвышенных местах находили лошадиные, буйволовы, бычачьи и овечьи головы и кости в великом множестве, по коим должно заключать, что сих животных были здесь целые стада. Но как они могли питаться в такой бесплодной и суровой стране, то сие не иначе изъяснить можно, как только тем предположением, что тогда климат здесь был гораздо умереннее, и сии стада рогатого скота, вероятно, были современниками мамонтам, которых кости во множестве находят; в те времена также произрастал лес, которого целые окаменелые слои (на Новой Сибири горы) ныне находятся». Здесь все точно, если не считать детали: слои с древесиной на Новой Сибири имеют более древний геологический возраст.

В 1886 году А. А. Бунге собрал на Большом Ляховском уникальную коллекцию костей «потретичных животных». Наиболее крупные предметы экспедиция не смогла вывезти, великолепный череп носорога из этой коллекции еще в тридцатые годы нашего века лежал возле Малого Зимовья, и промысловики кололи на нем дрова. Коллекция А. А. Бунге была изучена И. Д. Черским, подробнейшее монографическое описание опубликовано в «Записках» Академии наук в 1891 году. И. Д. Черский, правда, не касается «классического», как он сам пишет, вопроса о причинах вымирания этой группы северных млекопитающих, но считает вымирание постепенным.

Во время Русской полярной экспедиции кости млекопитающих собирали Э. В. Толль, К. А. Воллосович, М. И. Бруснев, А. А. Бируля, А. В. Колчак. (Я пишу чаще о мамонте, но это лишь наиболее яркий представитель целого комплекса животных, куда входили лошади, длиннорогий и короткорогий зубры, овцебык, пещерный лев, тигр, шерстистый носорог, олень...) М. В. Павлова, крупный палеонтолог начала века, знаток млекопитающих и особенно ископаемых лошадей, уделила много внимания анализу условий захоронения костей, справедливо видя в этом ключ к познанию времени и условий обитания животных. Интересно, что этого специалиста, перевидавшего множество ископаемых остатков, поразила превосходная сохранность костей с Новосибирских островов, заставлявшая предположить, что они принадлежат ныне живущим видам.

Как раз в годы работы Русской полярной экспедиции на реке Березовке, притоке Колымы, был найден Семеном Тарабыкиным, а затем раскопан и доставлен в Петербург профессором О. Ф. Герцем труп мамонта, ставший впоследствии жемчужиной экспозиции Зоологического музея. Столица увидела чуть ли не живого мамонта, обросшего длинной шерстью, сохранившего язык, хвост, желудок, полный пищи... Левый клык, выбитый топором, был разыскан О. Ф. Герцем и поставлен на место, только правый потерялся, очевидно, очень давно. Березовский мамонт был бесспорным «чемпионом» по сохранности. Его рекорд, судя по газетным сообщениям, был побит только в 1977 году метрового роста мамонтенком, вырытым из земли у ручья Киргилях в Магаданской области. Впрочем, можно сказать, что малыш превзошел своего предшественника главным образом по полноте «комплекта» дошедших до нас частей тела, но сохранность самих тканей и внутренних органов у него хуже, чем у березовского мамонта.

В 1906 году промышленник с Большого Ляховского Алексей Горохов на речке Этериканке в мрачном темноватом распадке, на крутых склонах которого громоздились бесчисленные бугры-байждерахи, увидел поросшую темным волосом голову с бивнем и «трубой». Бивень и «трубу» охотник отрубил: кость была свежайшая, высшего сорта, а «трубу» - просто из любопытства, чтобы показать товарищам. О находке сообщили К. А. Воллосовичу, который немедленно предложил Академии наук организовать экспедицию. Однако то ли березовская находка удовлетворила интерес общества к «мамонтовой» проблеме, то ли после трагической гибели Э. В. Толля тяжело было организовывать экспедицию на Новосибирские острова, но Академия не поддержала предложение Воллосовича. Мамонт был раскопан лишь в 1909 году на средства естествоиспытателя-любителя графа А. В. Стенбок-Фермора.

За три года солнце, вода и песцы сделали свое дело: труп был разрушен, расчленен на составные части. К. А. Воллосович нашел череп с левым бивнем, верхней губой и левым глазом (правый бивень и хобот вырубил Горохов), главные части скелета, куски кожи с левым ухом и хвостом, четыре ноги. Животное погибло в момент смены зимней шерсти - однообразных длинных рыжих волос - крепким молодым подшерстком разнообразных оттенков.

Останки в замороженном состоянии были доставлены в имение Стенбока «Лахта», под Петербургом, где был заранее вырыт специальный ледник. Позже мамонт с Большого Ляховского оказался в Париже...

Последующие экспедиции, в том числе и наша, привозили кости млекопитающих, но в небольшом количестве. Груз слишком габаритный, а проблема представлялась в основном решенной, по крайней мере в плане установления геологического возраста отложений, вмещающих костеносные слои.

Купцы с незапамятных времен сделали бивни сибирского мамонта предметом международной торговли. Трудно сказать точно, сколько всего мамонтовой кости было вывезено с Новосибирских островов. В 1725 году русский ученый В. Н. Татищев определял годовую добычу мамонтовой кости в России всего в пятьдесят - сто пудов, однако во второй половине столетия И. Ляхов, его коллеги и преемники развернули дело на широкую ногу. Академик Паллас в марте 1818 года писал в «Ученых известиях...»: «... великое множество или целые кучи наилучшей слоновой кости, которая с головными черепами и рогами носорогов и великорослых буйволов находима бывает рассеянною по болотистым тундрам сего (Большого Ляховского. - В. И.) острова. Сия слоновая кость, которую я часто видал, ибо она привозится в Москву и отправляется за море через Архангельск и Херсон, столь свежа и бела, как и привозимая из Африки». На мировом рынке «российская», или «московская», слоновая кость шла пятым сортом при общем ассортименте в шесть сортов. В шестидесятых годах прошлого столетия в Москву поступало до двух тысяч пятисот пудов в год.

По данным одного из этнографов, изучавшего в предреволюционные годы состояние русских северных промыслов, с 1891 по 1913 год на якутской ярмарке продавалось от семисот до двух тысяч пудов кости. Этот автор рассчитал, что за предшествовавшие два с половиной столетия из Сибири вывозилось в среднем тысяча пятьсот пудов в год (со времен И. Ляхова львиная доля добычи приходилась на Новосибирские острова; один Я. Санников в 1809 году попутно, в ходе экспедиционных работ, добыл двести пятьдесят пудов). Таким образом, были добыты бивни всего от сорока шести тысяч особей, считая средний вес пары клыков за восемь пудов. Много это или мало? Я думал, что много, пока не прочел случайно, что с конца прошлого столетия и до тридцатых годов нынешнего из Африки каждый год вывозились бивни от более чем сорока тысяч слонов. Не ископаемых, а убитых специально ради бивней...

Как выглядел в начале нашего века промысел мамонтовой кости на Новосибирских островах? Ранней весной артели по сорок - пятьдесят человек на собаках и оленях выходили из села Казачьего древним маршрутом промышленников. До Малого Зимовья на юге острова Большой Ляховский - около пятисот километров, отсюда до дальних пунктов поиска еще почти столько же. Все лето они обшаривали острова и свозили кость в одну, ближайшую к материку, точку, а в ноябре налегке, без бивней, возвращались домой. В марте следующего года делался транспортный рейс за прошлогодней добычей, а затем начинался очередной промысловый год. На члена артели приходилось по десять - двенадцать пудов, из них половину нужно было отдать купцу за продукты и снаряжение, полученные авансом. Заработок за почти круглогодичную тяжелую, в отрыве от дома работу составлял всего двести - триста рублей (за год!). Такой малорентабельный промысел не мог не прийти в упадок.

И уже в конце двадцатых годов, когда на Большом Ляховском работала экспедиция Академии наук СССР под руководством Н. В. Пинегина, только некоторые старые промысловики попутно, при осмотре песковых ловушек, иногда подбирали бивни - скорее по многолетней привычке, чем по необходимости. Чаше находки так и валялись около зимовий, на досуге из кости вырезались мелкие предметы:

шарниры для сошек, на которые клали берданку при выстреле, черенки для ножей, мундштуки... Изредка, если нарты оставались недогруженными, один-два клыка клали на свободное место либо просто привязывали к нарте и тащили по льду в Казачье. Как остроумно подметил Н. В. Пинегин, в те годы килограмм мамонтовой кости стоил в Казачьем три рубля, а килограмм песцовых шкурок - сто пятьдесят рублей. Понятно, песец победил.

Когда и как они жили?

Антропоген (четвертичный период) - это недавнее прошлое, а также и настоящее нашей планеты. Многие процессы продолжают идти на наших глазах. Другие закончились совсем недавно, их результаты легко увидеть. Природа дает нам много материала для познания четвертичной истории. Это рельеф, запечатлевший черты недавних тектонических движений. Это молодые отложения, залегающие на небольших глубинах и поэтому доступные для наблюдения. Это океан с его структурой дна и его донными осадками, на которых как бы записана свежая геологическая информация. Это животные и растения, существующие поныне. Наконец, это следы деятельности человека (отсюда и название «антропоген», и качественное отличие антропогена от всех предшествующих геологических эпох).

И, тем не менее, нигде нет такого количества неясностей и взаимоисключающих концепций, как в геологической истории четвертичного периода. В этом нет парадокса. Природа развивается как единое целое, но связи между отдельными линиями эволюции неоднозначны, и, если изучать отдельно взятые линии (а именно так и работают специалисты того или иного профиля), «стыковка» вызывает затруднения. Нужна гениальная голова, способная охватить мыслью всю систему. Когда же мы изучаем отложения древних эпох, объем информации сужен, сконцентрирован, это подобно взгляду на Землю из космоса: детали теряются, зато выступают генеральные черты.

Геологические события в отличие от исторических не начинаются с 1 января или с иной даты. Цепочка тянется из прошлого и уходит в будущее. Начну рассказ со среднего плейстоцена, поскольку мамонт появился в Евразии во второй половине этого отрезка геологической истории.

Уровень Северного Ледовитого океана в плейстоцене был на сто метров ниже, чем сейчас. Для такой низменной страны, как север Восточной Сибири, это имело огромное значение: практически весь шельф морей Лаптевых и Восточно-Сибирского (то, что на географических картах закрашено бледно-голубым) был сушей, бескрайней равниной, над которой слабо возвышались современные Новосибирские острова. На юге равнина захватывала площадь сегодняшних Яно-Индигирской и Приморской низменностей. Длительное время на всем этом едином пространстве накапливалась толща озерно-проточных отложений: неслоистые монотонные суглинки, тонкие пески с прослоями торфов и остатками наземной растительности. В породах обнаружены пресноводные диатомеи - одноклеточные водоросли.

А верхняя часть разреза этой толщи (но не самая кровля) включает в себе уникальный геологический объект - слои ископаемого льда мощностью в десятки метров.

Вы подходите издалека к отвесному береговому обрыву, ожидая увидеть скалу, а видите стену высотой с трехэтажный дом, сложенную серым, непрозрачным и поэтому похожим на каменную соль льдом. Летом поверхность стены слезится, по ней сочатся ручейки грязной воды. Иногда во льду видны ниши, гроты, пещеры со «сталактитами» и «сталагмитами».

Сверху над слоем льда нависает мрачный земляной или торфяной карниз, а подножие затекло черной вязкой грязью. Мокро, противно, присесть некуда...

Никто не прослеживал, как далеко протягивается каждый отдельный ледяной пласт, но в целом горизонт ископаемых льдов развит по всей низменности на материке и занимает огромные пространства на Новой Сибири, Фаддеевском, Малом и Большом Ляховских... Как образовался каменный лед?

М. М. Геденштром писал: «Состав земли поблизости Ледовитого моря представляет непостижимую тайну природы. Крутые берега ручьев и озер на несколько сажен вышины состоят из слоев земли и твердого льда». Как могли образоваться эти слои мерзлой воды, недоумевал он. Более полувека считалась образцом научного изящества теория Э. В. Толля, согласно которой ископаемые ледники Новосибирских островов - это погребенные древние снежно-ледяные поля вроде глетчеров Гренландии. Однако в блестящей цепи доказательств не было одного, но существенного звена: нигде на севере Восточной Сибири не было найдено обязательных следов покровного оледенения - морен, «бараньих лбов» и т. п. Э. В. Толль понимал это и пытался увидеть ледниковые образования во внешне похожих геологических образованиях, в частности в «булгунях» (холмах) Земли Бунге, которые, очевидно, представляют собой эрозионные останцы коренных пород среди песчаной пустыни. Сейчас льды считаются жильными образованиями, установлено, что формирование их происходило в интервал времени, отвечающий максимальному оледенению Сибири.

Э. В. Толлем бесспорно было доказано, что кости млекопитающих залегают не во льду, а в перекрывающих лед слоях. В свое время академик М. И. Адаме полагал, что его мамонт залегал среди нагромождений морских льдин. Академик А. Ф. Миддендорф, изучая в 1843-1844 годах таймырского мамонта, впервые признал ископаемый лед горной породой. Однако он считал, что трупы мамонтов залегают непосредственно во льду. Толль доказал, что «мамонтовый материк» сформировался после образования толщи льда и последняя служила своего рода фундаментом огромной равнины.

В 1964 году В. Е. Гаруттом - сотрудником Зоологического музея Академии наук СССР - и директором Палеонтологического музея Университета в Осло А. Е. Гейнцем были опубликованы результаты радиоактивного определения абсолютного возраста останков нескольких сибирских мамонтов. Оказалось, что возраст наиболее древних проанализированных образцов не превышает 40-50 тысяч лет, что отвечает промежутку времени между максимальным и зырянским оледенениями. Ледниковые эпохи в Сибири не сопровождались широкими покровными оледенениями, как это было в Европе, но глубокое похолодание поставило перед органическим миром альтернативу - приспособиться к холоду или погибнуть. Вымерли роскошные теплолюбивые звери третичного периода. Человек научился жить в пещерах, пользоваться огнем и одеваться в шкуры. На севере Восточной Сибири прочно обосновались холодолюбивые и неприхотливые к пище млекопитающие «мамонтового комплекса». «Там они бродили, - пишет Э. В. Толль, - по обширному свободному пространству, которое, соединяясь с нынешним материком, достигало, быть может, через полюс американского архипелага и, несмотря на глетчеры, не было бедно пастбищами».

Академик В. Н. Сукачев, изучая состав растений, сохранившихся в желудке березовского мамонта, определил, что мамонт питался травами и злаками, близкими к современной флоре бассейна Колымы. Возраст березовского мамонта, по В. Е. Гарутту и А. Е. Гейнцу, около тридцати девяти тысяч лет, что соответствует эпохе зырянского оледенения. В межледниковье растительность была богаче, пышнее: обширные луга чередовались с зарослями кустарников высотой до метра и больше. Сложно построенные зубы не только мамонтов, но и живших в это время лошадей были отлично приспособлены для перетирания грубых ветвей кустарников. «Мамонтовый материк» давал своим обитателям главное - пищу и обширное пространство, без которого популяция крупных животных не может существовать...

В приведенной выше цитате из Э. В. Толля есть вскользь высказанная мысль о возможном соединении «мамонтового материка» с Америкой. Изучая коллекции Э. В. Толля и его коллег, М. В. Павлова обратила внимание на сходство ископаемых лошадей Сибири с их североамериканскими «родственниками», что говорит об обмене фаун в недалеком геологическом прошлом. Мысль о наличии какого-то «порога» в центре Арктического бассейна высказывали - каждый по данным своей науки - полярные географы, океанологи, гидробиологи.

В. А. Токарев, геофизик нашего института, сразу после войны выполнил первую аэромагнитную съемку на акваторий Северного Ледовитого океана. Он высказал предположение, что к северу от Новосибирских островов в океан уходит полоса небольших глубин, которая отвечает подводному продолжению мезозойских складчатых сооружений Верхоянского хребта. Идея Токарева не привлекла внимания. Но 27 апреля 1948 года океанографы Советской высокоширотной воздушной экспедиции измерили глубину океана в точке с координатами восемьдесят шесть градусов двадцать шесть минут северной широты и сто пятьдесят четыре градуса пятьдесят три минуты восточной долготы и вместо ожидаемых трех-четырёх тысяч метров обнаружили всего тысячу двести девяносто метров. Так было сделано, возможно, крупнейшее географическое открытие нашего столетия - открытие подводного хребта Ломоносова. Сегодня этот хребет в виде бледной полосы на интенсивно голубом фоне, соединяющей район Новосибирских островов с Землей Элсмira в Канадском Арктическом архипелаге, изображен на любом школьном глобусе.

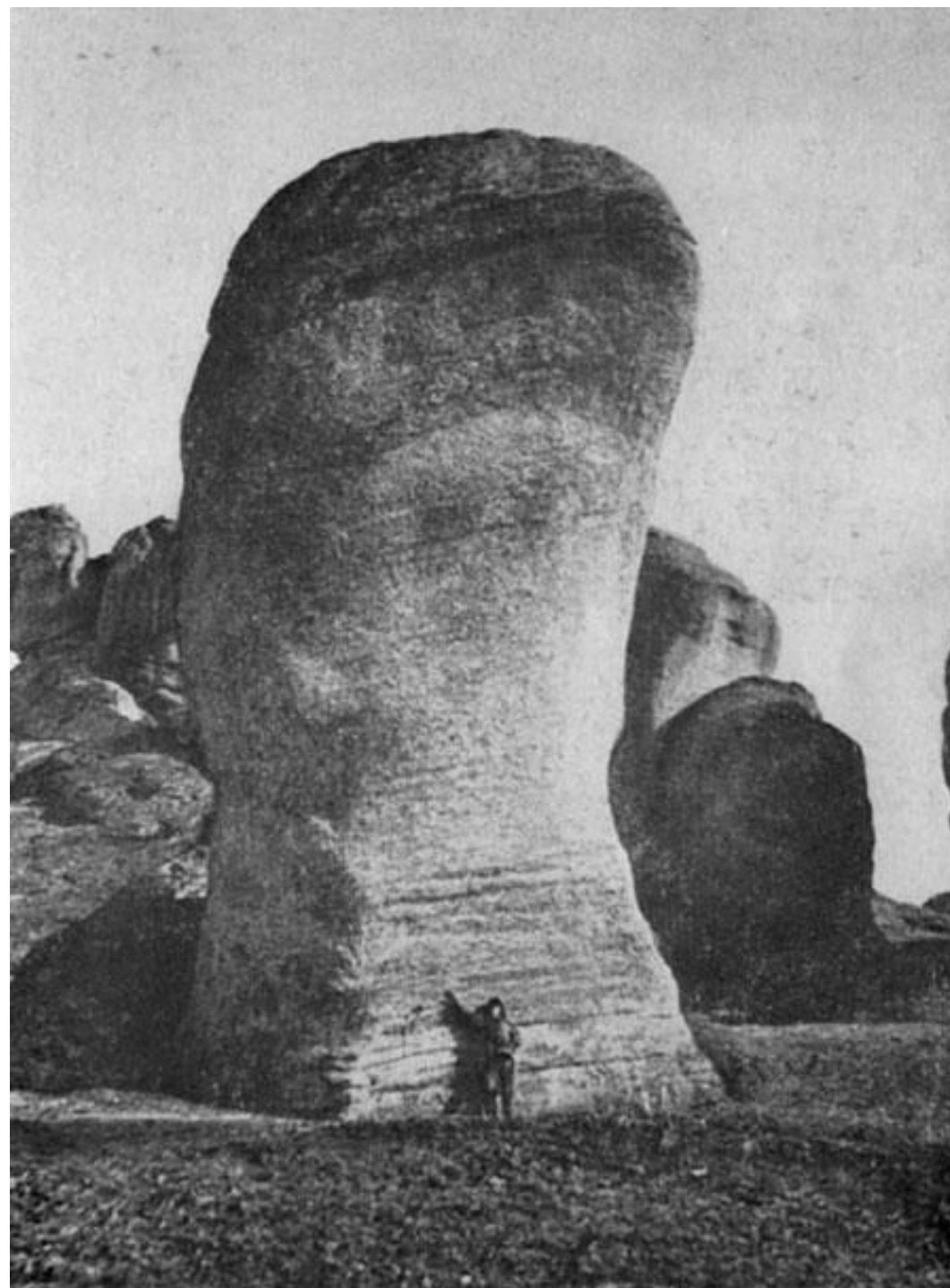
Так, может быть, хребет Ломоносова и был мостом между «мамонтовым материком» и Северной Америкой? Крупный советский полярный географ, один из открывателей хребта Ломоносова, Яков Яковлевич Гаккель сформулировал представление об Арктиде - обширной суше, существовавшей, возможно, вплоть до верхнечетвертичного времени и включавшей в себя как области сегодняшнего шельфа, так и надводные перешейки и островные гряды, лежащие на простирании хребта Ломоносова. Замечено, что моржи по обе стороны от Новосибирских островов заметно отличаются друг от друга, хотя сегодня никакой преграды для них нет, а некоторые виды птиц продолжают летать по «трансарктической трассе», очевидно сохранив где-то в глубинах памяти воспоминания об островах, лежавших на этой дороге.

Как распался «Мамонтовый материк» и существовала ли «Земля Санникова»?

Во время последнего оледенения, в конце плейстоцена, уровень Северного Ледовитого океана, как уже отмечалось, был на сто метров ниже современного. Там, где сейчас располагаются моря Лаптевых и Восточно-Сибирское, была суша, через которую пролегали величественные долины рек Анабара, Лены, Индигирки, Колымы в их нижнем (тогда) течении. Теперь эти низовья затоплены и доступен для нашего наблюдения только фрагмент древней долины Пра-Яны - песчаная пустыня Земли Бунге, «полярная Сахара». Когда-то здесь на обширной, относительно сухой, зеленой террасе собирались шерстистые носороги - их рога часто находят в холмах Земли Бунге. Во времена Э. В. Толля местные охотники считали эти рога когтями исполинской двуглавой птицы ексею, которая в их представлении отождествлялась с русским императорским двуглавым орлом...

«Мамонтовый материк» начал распадаться, когда закончилось последнее оледенение и стал повышаться уровень моря.

Вблизи они довольно внушительных размеров

...Мы ехали на вездеходе по южному берегу Большого Ляховского от Кигиляха на восток. Полуостров Кигилях - это царство гранита. От воды идет почти ровная гранитная стена (как будто на Неве с лодки смотришь на отвес Дворцовой набережной), выше камень лежит ступенями, как остатки трибун великанского стадиона, а вершину венчают сами великаны - кигиляхи («каменные люди»), - причудливо обработанные ветром останцы. В солнечный день, при мареве, кажется, что кигиляхи слегка двигаются, словно разговаривая друг с другом. И не мудрено, что охотники-якуты оставляли у подножия «каменных людей» символические жертвоприношения: мелкие деньги, конфеты, какие-то ленточки... Когда в свое время А. А. Бунге пытался отбить образцы кигиляхских гранитов, местные обитатели решительно воспротивились, опасаясь гнева великанов...

Издали кажется, что кигиляхи слегка покачиваются, как бы разговаривая друг с другом

Но вот мы миновали узкий перешеек, отделяющий Кигилях от основного массива острова, скалы кончились, и потянулся невысокий береговой обрыв, ровный, как обрез книги, где страницы сложены каменным льдом, а верхний переплет - это перекрывающие слои торфов или суглинков. Волны подмывают основание склона, и там зияют глубокие ниши, местами же целые блоки пород обрушились в воду, и активно перерабатываются волнами: видны «облака» коричневой мути в морской воде.

Представьте себе картину: с одной стороны - вода, море, с другой - вертикальная стена, а между ними - наклонная, как на велотреке, илистая поверхность пляжа. Поверхность рассекают глубокие борозды вездеходных следов, сходящиеся вместе в дальней перспективе. Ехать вдоль склона неудобно, машину все время ведет вправо, под уклон, и водитель вынужден непрерывно тянуть за левый рычаг фрикциона так, что левая рука начинает болеть. Выбрав относительно пологий распадок, мы поднялись на береговой обрыв и поехали по самой его кромке.

Около Ванькиной речки мы вышли на свой прошлогодний след и по нему поехали дальше. Он вел в наш лагерь, к становищу Дымное. Слева по ходу отлого уходили вверх склоны горы Хаптагай-Таас, а справа, то приближаясь, то удаляясь от следа, тянулась кромка берегового обрыва. Сам обрыв сверху не был виден, просто тундра кончалась, и там, этажом ниже, блестела поверхность моря. Мы ехали и разговаривали, насколько позволял шум мотора, но вдруг водитель резко остановил машину, и я увидел, что колея под крутым углом уходит за край обрыва, в никуда, словно рельсы у края взорванного

железнодорожного моста. Мы проехали немного вдоль обрыва, и след вновь появился из пространства, как будто прошлогодний вездеход пролетел по воздуху над морем и вернулся на твердую землю. Все это означало только то, что за год добрый участок берега успел разрушиться.

Вот так и разрушается берег

Мне приходилось наблюдать этот береговой обрыв и со стороны моря, пролетая на вертолете вдоль всего южного берега острова, от Кигиляха до мыса Шалаурова, причем машина шла над самой водой, в каких-нибудь двух десятках метров от обрыва.

Я видел участки берега, сложенные сплошным льдом. Обрывы как сахарные. Лед, лед и лед, и только на самом верху темнеет почва и дерн. Очень эффектны скульптурные формы рельефа ледяной стенки: мощные вогнутые и выпуклые поверхности, словно паруса, полные ветром. «Башенные» берега - серии параллельных уступов, как бы небольших, но резко выраженных мысов, разделенных распадками. Последние сформировались на участках, где лед вытаял.

Я много раз видел картину разрушающихся ледяных берегов, но не смог бы описать ее ярче, чем это сделал в свое время А. А. Бунге: «С громким плеском обваливаются то большие, то малые земляные массы; они, превратившись внизу в густой кисель, похожий на поток лавы, стекают по мерзлой почве в более низкие места и наконец в море». И в другом месте: «При взгляде на эти обрушивающиеся и оттаивающие мерзлые массы земли мне приходило на мысль, что при повышении температуры поверхности острова даже на короткое время выше 0° остров моментально должен прекратить свое существование: он должен был бы, обратясь в кашицеобразную массу, расплыться, и от него только остались бы четыре горы» (речь шла о четырех возвышенностях, сложенных изверженными и метаморфическими породами и образующих как бы костяк острова).

Разрушающийся берег. Огромные ниши. Карнизы. Трещины, которые не перепрыгнуть. Обвалившиеся блоки шириной в десятки метров загромаждают подножия уступов. Картина наводит на мысль о каких-то катастрофических явлениях природы, возможно, о землетрясениях. Трудно поверить, что все это сделало постепенное таяние льда под солнечными лучами.

...Экспедиция П. Ф. Анжу недалеко от северного берега острова Фаддеевского обнаружила остров длиной более двух миль и вышиной до десяти сажень. Это был не айсберг, а настоящий остров, по нему тек ручей, а на поверхности лежал плавник, можно было увидеть гусиные гнезда, следы куропаток и белых медведей. Остров назвали именем Фигурина. Где же он сейчас?

Острова Семеновский и Васильевский лежали в море Лаптевых западнее Столбового. Зимой 1823 года первый из островов имел приблизительные параметры пятнадцать километров на четыре с половиной, второй был вытянут на четыре мили при ширине в четверть мили. Экспедиция на «Вайгаче» в 1912 году зарегистрировала следующие размеры острова Семеновского: длина четыре и шесть десятых километра, ширина - девятьсот двадцать шесть метров, а длина Васильевского уменьшилась до двух с половиной миль.

В 1936 году к островам подошло гидрографическое судно «Хронометр», имевшее задание установить на них навигационные знаки. Увы, острова Васильевского уже не существовало, а Семеновский уменьшился до двух километров в длину при ширине в полкилометра. Знак на нем установили в ста восьмидесяти метрах от западного берега, а в 1945 году, когда остров посетил И. П. Григоров, знак стоял уже в метре от обрыва. Знак перенесли в центр острова, это не трудно было сделать, так как ширина его была всего двести тридцать шесть метров, длина составляла один километр шестьсот двадцать метров. Обрыв западного берега возвышался над морем на двадцать четыре метра и, кроме почвенно-растительного слоя, весь был сложен льдом с небольшой примесью минерального материала. На поверхности встречались кости мамонтов...

Сделав простой подсчет, можно убедиться, что скорость разрушения не была постоянной, а прогрессивно нарастала. В свое время И. П. Григоров рассчитал, что остров Семеновский должен исчезнуть в 1956 году. Географ П. К. Хмызников называл 1954 год. Остров прекратил свое существование в... 1950 году. Последние пять лет он уменьшался по длине на триста двадцать четыре метра, а по ширине - на сорок семь метров в год. Если остров Большой Ляховский наберет такой темп, то те из нас, кто доживет до 2000 года, возможно, увидят на его месте «четыре горы», о которых говорил А. А. Бунге. По крайней мере, полуостров Кигилях наверняка приобретет статус самостоятельного острова. (Пока берега Большого Ляховского отступают со средней скоростью три - пять метров в год.)

Значит, площадь острова уменьшается, словно бальзаковская шагреновая кожа? И так, и не так. На поднимающихся участках происходит осушение морского дна и приращение площади суши. Остров как бы медленно перемещается по поверхности.

Однажды я написал в записной книжке, что было бы интересно наблюдать последние дни исчезающего острова, когда дотаивал последний, самый последний кусочек. Сохранился ли навигационный знак, который ставится на самом высоком месте? Как вели себя звери, или они ушли заранее, почуяв беду? Позже я прочел, что Я. Я. Гаккелю выпал случай наблюдать последние дни острова Семеновского. В 1950 году он пролетел над островом на самолете и видел одинокий байджерах, торчавший из воды, а рядом - небольшую песчаную косу в форме полумесяца. Пять лет спустя гидрографам с судна «Лаг» удалось походить по поверхности бывшего острова Семеновского, но поверхность эта лежала под водой, на глубине десяти сантиметров и более, так что ходить пришлось в высоких резиновых сапогах.

Как и когда образовался пролив Дмитрия Лаптева, отделяющий Новосибирские острова от материка?

Было предположение, что это внезапно опустившийся блок земной коры, вызвавший изоляцию островной популяции мамонтов.

Известно, что 15 августа, 1739 года участник Великой Северной экспедиции лейтенант Дмитрий Лаптев, следуя на дуббель-шлюпе «Иркутск», в двадцати восьми милях к востоку от Святого Носа открыл небольшой остров, который он назвал островом Меркурия, а еще в шестнадцати милях дальше - остров Диомида. Двадцать два года спустя купец Шалауров видел островок Диомида, более же никому уже увидеть оба острова не довелось. М. М. Геденштром считал остров Диомида (Дионисия, как он ошибочно писал) ледяной горой, а Ф. П. Врангель предполагал, что остров «соединился с берегом»

вследствие отступления моря. В 1934 году экспедиция на ледорезе «Литке» приблизительно на месте острова Диомида обнаружила банку глубиной около семи метров с сидевшими на мели огромными льдинами - стамухами.

...Ранней весной 1974 года, солнечным днем, с берега острова Большой Ляховский осторожно спустилась на лед пролива самоходная буровая установка, смонтированная на тракторе. В кабине вместе с трактористом сидел буровик нашей экспедиции Ю. П. Гаврилов, а рядом с трактором шел пешком геолог Сережа Беймарт. Точки бурения были намечены заранее. Однако на льду ориентиров нет, поэтому местоположение точек было определено астрономически, а в качестве реперов поставили двухсотлитровые бочки с соляжкой: и видно издалека, и горючее пошло в дело, когда начали работу. Первая бочка стояла почти под самым берегом. Начали с того, что пробурили во льду лунку диаметром чуть больше той, что сверлят любители подледной рыбалки. В дырку опустили обсадную трубу, чтобы изолировать буровую колонну от слоя морской воды, нижний конец трубы забили в мягкий донный грунт. Буровой инструмент без сопротивления прошел полужидкий ил и врезался в плотные осадки. До июля успели разбурить восемь точек по линии, соединяющей материк с островом Большой Ляховский.

Уникальный материал, полученный отрядом С. В. Беймарта, показал, что под водами пролива Дмитрия Лаптева, под тонким слоем современных осадков, лежат те же плейстоценовые толщи, что и на островах, и на прилегающем материковом берегу, но без слоев каменного льда сверху разреза. Зато в самих породах на совсем небольшой глубине сохранились реликты «вечной» мерзлоты. Мерзлота и море несовместимы. Значит, пролив образовался совсем недавно.

Исчезающие острова Новосибирского архипелага ломают наши представления о геологическом времени. Принято считать, что геологические процессы, кроме землетрясений или извержений вулканов, идут настолько медленно, что это невозможно не только наблюдать, но даже и представить себе. Однако если сделать повторную аэрофотосъемку одних и тех же участков побережья Новосибирских островов с интервалом хотя бы в один год, то береговая линия на снимках не будет совмещаться, а в некоторых местах - весьма существенно. Вот пример: на аэрофотоснимке 1951 года острова Новая Сибирь можно видеть тундровое озеро, лежащее не менее чем в тридцати пяти метрах от берега острова. Летом 1955 года, когда на острове работали наши геологи О. А. Иванов и Д. С. Яшин, озеро уже было спущено в море: отступая, береговой обрыв достиг края озерной котловины. В июле Иванов и Яшин отдыхали около топографического знака, спокойно стоявшего в трех метрах от кромки обрыва. В конце августа они вновь пришли на то же место: знак уже упал в воду...

Вернемся к «Земле Санникова». В. Н. Степановым, сотрудником Арктического научно-исследовательского института, в 1948 году была высказана мысль, что «Земля Санникова» существовала и лишь в недавнем прошлом разделила участь острова Семеновского. Далеко к северу от Котельного распространены песчаные донные осадки, почти не затронутые естественным для морского водоема процессом заиления грунтов. Над неглубоким дном располагаются обширные отмели, еще Х. Свердруп со шхуны «Мод» удалось взять замер глубины всего в шесть метров. В районе предполагаемой «земли» встречали на льду белых медведей, песцов, скопления птиц... Впрочем, где именно была «земля»?

Санников и Геденштром полагали, что расстояние до нее всего семьдесят верст. Э. В. Толль впоследствии «отодвинул» ее на сто пятьдесят верст или даже дальше - туда, где, по современным данным, уже отсутствуют признаки недавно разрушившихся островов. Расстояния и размеры объектов, прикинутые на глаз в Арктике, очень обманчивы. Возможно, остров был гораздо меньше, чем представлялось, а располагался ближе. Остается загадкой следующее: Э. В. Толль сделал свое наблюдение в 1886 году - всего за полтора десятилетия до плаванья «Зари». Могла ли «земля» исчезнуть за такой короткий срок?

Остров Семеновский за четырнадцать лет до исчезновения имел размеры всего два километра в длину и полкилометра в ширину. Значит, остров, виденный Толлем в 1886 году, не превышал названной величины и должен был располагаться совсем близко, чтобы быть увиденным? Или картина, открывшаяся Толлю, была лишь порождением его живого воображения и страстного желания увидеть «землю»? Академик Владимир Афанасьевич Обручев (созданный им образ фантастической «Земли Санникова» известен читателю) не подвергал сомнению наблюдение Э. В. Толля. Обручев верил, что легендарный остров будет обнаружен. Он надеялся найти там ответ на этнографическую загадку - исчезновение древнего народа онкилонов. Онкилоны, некогда населявшие Чукотку, были вытеснены оттуда чукчами на острова Ледовитого океана, однако никаких их следов на островах не обнаруживалось. Уже после войны, когда на карте Арктики не оставалось необследованных мест, старый ученый с видимым удовольствием принял гипотезу В. Н. Степанова. Гипотеза не перечеркивала мечту его жизни, оставляя ей место если не в настоящем, то хоть в недавнем прошлом.

Эта книга была уже написана, когда я решил показать рукопись своему давнему товарищу по работе Вадиму Арпадовичу Литинскому, геофизику, знатоку глубинного строения полярной суши и акваторий Северного Ледовитого океана. Оказалось, что Литинский уже несколько лет занимается - отчасти как хобби, отчасти как вполне серьезной научной проблемой - «Землей Санникова». Это было неожиданно: буквально в соседнем служебном кабинете давно и серьезно размышляют над тем же, что и я, вопросом.

Стоило ли возвращаться к предмету дискуссии, закономерно заглохшей более трех десятилетий назад? Очевидно, стоило, потому что за эти годы появились совершенно новые геофизические и геологические данные по акватории морей Восточной Сибири.

Литинский тоже начал с анализа всех литературных и архивных материалов по «земле». При этом он обратил внимание на один факт: когда Толль брал азимут на увиденные им «четыре горы», то пользовался он данными по магнитному склонению 1822 года, а магнитное склонение заметно изменяется во времени. Литинский поехал в Институт земного магнетизма и распространения радиоволн, взял все данные по магнитному склонению за прошлое столетие и, сделав необходимые расчеты, установил, что истинный азимут на «Землю Санникова» с северной оконечности Котельного составлял не двадцать девять - тридцать три градуса на северо-восток, как было принято считать, а двадцать два - двадцать шесть градусов.

Далее В. А. Литинский скрупулезно изучил карту донных осадков морей Лаптевых и Восточно-Сибирского, составленную нашими морскими геологами Ю. П. Семеновым и Е. П. Шкатовым, и обратил внимание на участки размыва и перемыва донных отложений, иными словами, на зоны активного действия волновой абразии в условиях мелководья, сегодняшнего или совсем недавнего. Один из таких участков, оказалось, располагается на месте бывших островов Семеновского и Васильевского, причем площадь его соизмерима с площадью Котельного и Земли Бунге, вместе взятых, а три других лежат к северу от островов Анжу, на расстоянии от них пятьдесят пять - семьдесят пять километров. При этом азимуты, взятые на два из этих участков, соответствуют направлениям, указанным когда-то Я. Санниковым. Третий располагается точно по азимуту, по которому Э. В. Толль сначала наблюдал «горы» (с учетом поправки В. А. Литинского), а в 1901 году с борта «Зари» обнаружил банку глубиной шестнадцать метров.

Наконец, при анализе геофизических данных к северу от острова Котельный был выделен интенсивный максимум поля силы тяжести, далеко вытянутый в меридиональном направлении. Он отвечает блоку древнего фундамента шельфа, перекрытого лишь тонким чехлом молодых морских осадков. Это значит, что блок имел устойчивую тенденцию к поднятию, которое только в недавнем прошлом сменилось погружением. Участок отличается повышенной тектонической активностью, в последние годы здесь было зафиксировано несколько землетрясений. Правда, интенсивность их невелика, только высокочувствительные сейсмографы смогли почувствовать толчки.

Теперь можно считать доказанным, что к северу от островов Анжу по азимутам, которые называли Я. Санников и Э. В. Толль, недавно - не в геологическом, а в данном случае в обыденном смысле слова - существовали острова, и путешественники могли видеть их.

Видели ли они сами острова или нагромождения торосов на отмелях, образовавшихся на месте недавно исчезнувших островов? На этот вопрос мы никогда не получим ответа.

Но мы далеко ушли от проблемы мамонта - главного «героя» этой главы.

И все-таки почему они вымерли?

Профессор Н. К. Верещагин в статье о раскопках «Мамонтова кладбища» на реке Берелех близ Чокурдаха написал не без иронии: «Рассуждениям о мерзлых трупах мамонтов в Сибири отдали дань почти все натуралисты, бывавшие на сибирском севере, и каждый стремился выдвинуть свое, оригинальное толкование». Я не хотел бы пополнить собой список этих натуралистов. Но есть смысл проанализировать различные концепции.

Почему вымер исполинский зверь, хорошо приспособленный к холоду, не боявшийся хищников и не имевший «экологических конкурентов», то есть претендентов на ту же экологическую нишу?

Сейчас никто всерьез не думает, что гибель «мамонтового комплекса» была единовременным, катастрофическим актом или что трупы принесены невесть откуда некими стихийными силами. Животные жили именно там, где теперь мы находим их останки, и вымерли более или менее постепенно вследствие естественных причин. Э. В. Толль считал: «Раздробление материка и появление холодных морских течений изменили климат. Одновременно с понижением суши уменьшились скопления снеговых масс, тогда как холода увеличились. Флора погибла, и от животных была отнята возможность свободно бродить по обширным пространствам». По поводу «увеличения» холодов мы поговорим специально, а резкое сокращение ареала, то есть потеря возможности миграции, расселения, перехода в места с более подходящими условиями существования, могло оказаться губительным не только для одного какого-то вида, но и для целого биоценоза, целой группы тесно связанных между собой животных. Значит, «раздробление материка»? Однако животные вымерли как на островах, так и на материке, где ареал оставался достаточно большим...

К. А. Воллосович полагал, что основная причина гибели животных - превращение полярной степной равнины вследствие таяния и размыва «нижних» льдов в страну с изрезанным рельефом, с интенсивным развитием глубоких ледниковых котловин. На склонах котловин, считал Воллосович, произрастала обильная травянистая растительность, привлекавшая мамонтов, а у подножия склонов скапливались потоки текучей грязи, в которых и вязли неповоротливые многотонные гиганты.

Знаменитый березовский мамонт был найден в вертикальном положении среди неслоистого суглинистого субстрата. «Левая передняя нога, - писал О. Ф. Герц, - согнута таким образом, что ясно заметно, как мамонт пытался выкарабкаться из ямы или щели, в которую, вероятно, попал». Выброшенная далеко вперед нога и вся поза, выражающая смертельное усилие вытащить себя из западни, прекрасно запечатлелись на фотографиях, сделанных О. Ф. Герцем. Э. В. Толль сообщает, что мамонт, обнаруженный на Новосибирских островах в 1860 году промышленником Боярским, находился «в стоячем положении в углублении берегового льда, заполненном глиной». (Через три года ледяной берег отступил на шесть метров и труп был унесен морем.) И, тем не менее, причина, выдвигаемая К. А. Воллосовичем, есть скорее не причина вымирания вида, а частный случай гибели конкретных особей.

И. Д. Черский считал, что мамонты погибли от ухудшения климата тундры. Эта мысль потом развивалась и поддерживалась многими. Между тем мамонт пережил три оледенения и вымер уже после окончания ледникового периода. В слоях с фауной млекопитающих еще Э. В. Толль находил прекрасно сохранившиеся ветки ольхи «с сережками». Среди костей с острова Большой Ляховский был обнаружен обломок рога лося, а И. Д. Черский описал остатки бурого медведя. Это типичные обитатели леса. В районе Новосибирских островов в то время росли деревья, было тепло, много теплее, чем сейчас. Именно потепление явилось для мамонта ухудшением климата. Как указывает известный советский зоолог С. М. Успенский, овцебык, доживший до наших дней, - спутник мамонта, - будучи равнодушным к сильным и устойчивым морозам, хуже всего переносит влажные теплые зимы с глубоким снегом, с оттепелями и следующими за ними гололедами.

Но ведь мамонты пережили по крайней мере два межледниковья. Значит, если бы им удалось пережить время последнего температурного оптимума, они могли бы существовать и сегодня, когда климат снова заметно похолодал?

Э. В. Алексеева, молодой сибирский биолог, полагает, что мамонты не вымерли, а были истреблены древним человеком. Собственно, эта концепция была высказана задолго до Э. В. Алексеевой, трудно даже определить, кто это сделал первым, но в работах Алексеевой она формулируется и доказывается особо последовательно и эмоционально.

В средней полосе России, на Печоре, в Западной Сибири археологи время от времени находят «хижины» - своеобразные концентрические сооружения из бивней, черепов и трубчатых костей десятков и сотен мамонтов, часто с явными следами орудий древнего человека. Нет никаких сомнений, что «хижины» (основания построек? ритуальные сооружения?) сделаны человеческими руками. Однако не доказано, являются ли эти сооружения результатом истребительных охот, или люди просто собирали останки зверей, погибших естественным путем.

Можно ли убить мамонта каменным топором или костяным копьем? Мы с вами не сумели бы этого сделать, но ведь мы не смогли бы и построить пирамиду Хеопса без помощи современных подъемных кранов.

Мамонт не был подготовлен к встрече с человеком. Раньше у него не было врагов, и эволюция, очевидно, не выработала в нем таких защитных качеств, как осторожность, быстрота реакции, сообразительность. Мамонт, вероятно, был консервативен в своих привязанностях к постоянным миграционным тропам, местам водоемов, поэтому охотники имели прекрасную возможность устраивать в этих местах ямы-ловушки и последовательно истреблять сотни особей в одном месте. (Они же не знали, что последующими законодательствами подобные приемы охоты будут рассматриваться как хищнические.)

Можно согласиться, что в южных районах палеолитический человек сыграл свою роль в истреблении мамонта. А на севере Сибири?

В 1970-1971 годах профессор Н. К. Верещагин и молодой археолог из Якутска Ю. А. Мочанов изучали мамонтовое «кладбище» на реке Берелех. На берегу старицы, близ «кладбища», были обнаружены следы палеолитической стоянки. В костеносном слое нашли каменные орудия (овальное лезвие ножа, двухлезвийное долото и другие), выполненные из зеленых и черных окремнелых сланцев, чуждых данному району, а также наконечник охотничьего копья длиной девятью сантиметрами, вырубленный кремневым ножом из бивня мамонта.

Это было большое научное открытие - самые северные в мире следы человека верхнего палеолита. Однако где доказательства того, что палеолитический охотник повинен в гибели берелехских мамонтов? Н. К. Верещагин считает, что стадо в количестве нескольких сот животных, включая молодняк, погибло около двенадцати тысяч лет назад (это установлено радиоуглеродным методом) в результате естественных причин, связанных скорее всего с весенне-летними паводками.

В июле 1973 года мы летели с Юрой Мочановым на вертолете из Чокурдаха на остров Большой Ляховский. Юра горел желанием найти следы палеолита на Новосибирских островах.

- Ты помнишь, что писал Михаил Михайлович Ермолаев? - он достал из кармана записную книжку и отчеркнул ногтем цитату: «...есть некоторые указания на то, что в четвертичное время человек уже обитал в этих местах. В слоях второй межледниковой эпохи мною были найдены остатки мамонтового бивня с насечкой, сделанной кремневым ножом».

Своей широкой грудью Мочанов скорее похож на борца-средневеса из олимпийской сборной. Это сходство придает ему и синий спортивный костюм, виднеющийся под меховой курткой. Под стать ему и его спутник-студент. На трясущемся полу вертолета у наших ног лежит имущество этой пары: два спальных мешка, крохотная палатка, два мешочка с продуктами и маленькая резиновая лодка, на которой они собираются тащить свой груз вдоль берега моря.

- Как вы ее потянете? - кричу я ему в ухо. - Там ведь где - пляж, где - лед, где - скалы...

- Протянем, - отвечает Юра, делая ладонью успокаивающий жест. Своих геологов я никогда не выпустил бы в поле с таким снаряжением. Но я чувствую, что они действительно протянут. Я только прошу их выходить в контрольные дни на встречу с геологами нашего отряда.

Результаты работ Ю. А. Мочанова на острове Большой Ляховский еще не опубликованы в научной печати. Пока можно только сказать, что нет оснований считать определяющей роль палеолитического охотника в истреблении мамонта в районе Новосибирских островов.

Мы рассмотрели несколько причин вымирания мамонта.

Какая же версия верна? Все верны, ответил бы я, но в комплексе.

В наше время происходит сокращение численности африканских слонов. Этот процесс и его причины можно наблюдать непосредственно в отличие от процесса вымирания мамонтов. Дж. Сидней в монографии, изданной в Лондоне в 1965 году, приводит длинный перечень причин сокращения численности слонов, но все они могут быть разделены на две группы: изменение ландшафтов (уничтожение некоторых биотопов, нарушение водного баланса и исчезновение водоемов, дробление ареалов и как следствие дробление и изоляция популяций и т. п.) и непосредственное истребление животных человеком (охота во всех ее формах, включая браконьерство, охрану посевов и прочее).

Изменения климата и ландшафта со всеми их бесчисленными последствиями и охотничий «пресс», созданный человеком, гнали мамонта на север. «Мамонтовый материк» в районе Новосибирских островов стал последним их прибежищем, дальше отступать было некуда.

Несут ли мамонты с Новосибирских островов признаки вырождения по сравнению с особями из более южных районов? Определенный вывод сделать трудно, поскольку в научные учреждения, к сожалению, попадают лишь единичные находки: кости мамонта в рюкзаке не привезешь. Очень интересное наблюдение сделал Ф. П. Врангель, обобщив большой «статистический материал», стихийно собранный промышленниками: «...рога мамонта (на островах. - В. И.) не попадались тяжелее шести пудов; напротив, на матером берегу, в некоторой отдаленности от моря, находили рога в двенадцать пудов. Взамен того островная кость свежее и белее...» Возможно, мамонты с островов были мельче по размерам, а вымерли позже, чем на материке...

Экологическая ниша, когда-то занимаемая мамонтом, очевидно, не осталась свободной, она просто прекратила свое существование.

Не все члены «мамонтового комплекса» полностью вымерли. В Якутии нашли труп ископаемой лошади, умершей тридцать шесть тысяч лет назад. Когда сравнили ископаемую лошадь с лошадью местной якутской породы (сохранились всего два небольших полуодичавших табуна), убедились в почти полном их тождестве. Принимаются меры к спасению этой породы: лошадь сильна, вынослива и, главное, живет на полном самообеспечении.

Мамонта не воскресить. Но научная важность изучения его останков была очевидна уже нашим предкам. До революции труды местных жителей по охране, откапыванию, транспортировке трупов животных оплачивались чрезвычайно скупой или вообще не оплачивались, поэтому жители всячески уклонялись от этих тягостных забот, «не стесняясь никакими средствами, даже телесным наказанием» (Э. В. Толль). Однажды якуты разрубили и по частям спустили в реку труп мамонта, который их заставили охранять. Ученые, писал Толль, всегда приезжают слишком поздно. Целые тела мамонтов, носорогов и других животных, оказавшись на дневной поверхности, безвозвратно уничтожались самой природой. По крайней мере, два таких случая бесспорно зафиксированы на Новосибирских островах в дореволюционное время. Никто не знает, сколько еще возможностей заглянуть в прошлое Земли было утрачено и в последующие годы.

Зоологический институт АН СССР издает листовки, в которых призывает ни в коем случае не трогать останки мамонтов, а сообщать о находках в учреждения Академии наук, но листовки мало кто читает. Кроме всего прочего бивень мамонта - это ценность, государственное достояние вроде самоцветных камней. Заготовительная контора в Чокурдах скупает кость по весьма умеренной цене, но не берет на себя никаких забот по организации промысла. Бивни растаскивают случайные люди, браконьеры (если это слово можно применить к тому, кто охотится на давно вымершего зверя), в конечном счете, кость оказывается в комиссионных магазинах.

Хорошо было бы промысел возродить, причем уже на современном уровне. Достаточны ли для этого запасы кости на островах? Мы говорим о полезном ископаемом, а запасы любого полезного ископаемого нельзя оценить без проведения специальных поисково-разведочных работ. Бивни не валяются на поверхности островов. Костеносный слой залегает на глубине, под слоем мерзлых грунтов, и открывается только в местах естественных разрезов - на склонах долин ручьев и, особенно в морских береговых обрывах. При разрушении берегов волны перемывают материал, бивни отделяются от мерзлого грунта и оказываются свободно лежащими на мелководье. Во время сгонных ветров мелководные участки, по-якутски - «баруоги», временно обнажаются, открывая россыпи клыков. Добыча шла в свое время на одних и тех же, хорошо известных промысловикам прибрежных участках.

Науке нужен заповедник зверя, хотя и вымершего десять тысяч лет назад. Поскольку зверь все-таки вымерший, это не исключает разумной добычи дорогого материала.

Тетрадь, найденная в охотничьей избушке

Полярная охота

В годы нашей работы на тридцати восьми тысячах квадратных километров площади островов проживало пятьдесят — шестьдесят человек более или менее постоянного населения-персонал авиапорта Темп, работники полярных станций,

Авиаторы и зимовщики полярных станций стараются жить, как на Большой земле, насколько им это удастся. Охотники живут очень своеобразно. Не увидев, трудно себе представить, как живут и работают эти люди.

Текст тетради с комментариями

Тетрадь лежала на полке в старом охотничьем зимовье на северном берегу острова Фаддеевского. Пусть читатель не подумает, что тетрадь придумана автором. Вот она у меня в руках: обычная тонкая ученическая тетрадка производства фабрики «Светоч», цена 13 копеек (в старом масштабе - цен), на тыльной стороне обложки - таблица умножения, а на лицевой химическим карандашом написано: «Тетрадь для записи дел и пр., происходивших в районе этой йзбушкиу то есть Ала-балаган». Почерк красивый и выразительный (так пишут хорошо грамотные якуты), слог чистый, ошибок почти нет. Едва заметные неточности в построении фраз, пожалуй, подтверждают предположение, что автор - не русский («...перерубил несколько толстых сосновых бревен, каждого деля на три части... После буду поработать около дома...»). Нам не суждено узнать ни имени писавшего, ни каких-нибудь биографических сведений о нем, но записи дают представление о личности этого человека.

1.VIII.65 г. Находился в этой избушке с 22 июля по сегодняшний день. Завтра двигаюсь в сторону Центральной. Здесь занижался подготовительными работами. Во-первых, в течение трех дней капитально отремонтировал избушку: поставил новое стекло, вокруг избушки сделал завалинку, обложил чуть ли не метровым слоем земли. Теперь на избушку любо стало смотреть. Издалека похожа на свежий стог сена. Вся зеленая. Лишь только труба, столбы, для тамбура и окно выдают ее род.

Действительно, зимовье, обложенное дерном и заросшее зеленым мхом, очень похоже на стог с плоской вершиной. Однако такое сравнение может прийти в голову только уроженцу южных районов, не аборигену Арктики.

Во-вторых, находящиеся по обе стороны этой избушки пасти все отремонтированы...

Пасть для ловли песка устроена просто: из толстых досок, вытесанных топором, строится нечто вроде коридора или длинного ящика, открытого с «фасада», над ящиком настораживается тяжелое бревно, а к примитивному спусковому механизму привязывается приманка. Стоит песцу потянуть за приманку, как бревно (по-якутски — «сизмас») падает и придавливает его к земле. Приманку располагают поглубже в коридоре, чтобы попавший в пасть песец оказался прочно зажатым между бревном и стенками и не был бы съеден своими голодными собратьями. Если на песка набредет белый медведь, никакие меры не спасут, пасть будет с легкостью разворочена, словно сооружение из кубикдв, построенное ребенком. Бывает, что эту систему нарушают глупые олени, перешагивая через ловушку, или полярная сова, тяжело опустившись на бревно уронит его, или сильный порыв ветра... Впрочем, все эти неприятности ждут промысловика зимой, во время охотничьего сезона, а сейчас он, вооруженный одним топором, обошел свои уголья и выполнил необходимые плотницкие работы: укрепил стенки пастей, подбил колышки...

Человек не разоряет чужих пастей, это считается в Заполярье одним из самых больших грехов. Никому, как бы он ни замерз, не придет в голову сжечь пасть, чтобы обогреться.

Идя по берегу моря (не по пляжу, а верхом, над обрывом), постоянно видишь одну-две-три пасти, поставленные на самых высоких точках, чтобы не заносило снегом. Если место недостаточно высокое, под пастью делают продолговатую насыпь из камней или дерна. Глядя на такую одинокую ловушку, испытываешь чувство грусти, причину которой осознаешь не сразу: насыпь имеет форму могильного холма, и все сооружение, особенно когда пасть полуразрушена, вызывает в памяти заброшенную могилу.

Дар моря - плавник

Пасти ставят преимущественно вдоль морского берега или в долинах крупных рек. Здесь их легче отыскивать, а главное, есть плавник - материал для постройки. На берегу моря ловушки сделаны щегольски: из бруса, из хороших досок, иногда они производят впечатление прямо фабричной работы. В глубине тундры, куда летом на собаках материал завезти трудно, ловушки менее изящны, стенки коридора не сплошные, а в виде редкого заборчика из палок. Бревно тоже не бревно, а кусок жерди, к которому для тяжести веревкой привязана плита песчаника.

...В-третьих, для этой избы скучены дрова достаточно.

Дрова - из плавника. Не будь плавника, освоение Арктики стало бы для человека во много раз труднее. На голом морском пляже лежат прекрасный строительный материал и отличные дрова. Откуда эти бревна, где рассыпался, разбился плот? На Лене? На Яне? На Индигирке? Где росло это вековое дерево, на котором еще сохранились остатки корней и огромных сучьев? Плавник - это не только строительный материал и дрова, это и изделия человеческих рук: брусья, куски обшивки судов, столбы (иногда даже с изоляторами), обломки непонятных мне деревянных конструкций. А для того, кто собирается зимовать, задача заключается в том, чтобы сложить плавник штабелями на высоких местах, иначе зимой из-под снега его не достанешь.

...В-четвертых, восточнее км-ра два от этой избушки сделана одна вешала, и на ней сложено мясо одного жирного бура (олень-самец. - В. И.). И западнее, км-ра три отсюда, сделана вторая вешала, и на ней сложено мясо трех оленей.

Вешала - своего рода антресоли на столбах. Они необходимы, чтобы уберечь оленье мясо от песцов. Выводку из десяти - двенадцати подросших песчат ничего не стоит за день-другой превратить оленью тушу в хорошо отпрепарированный скелет.

Песец вездесущ. Зимой, предшествовавшей нашей работе на островах, здесь свирепствовала песцовая чумка. Когда снег сошел, то там, то тут на темном фоне тундры или на гальке реки были видны огромные комки белоснежного пуха - трупы погибших зимой животных. Но это не отразилось на численности молодого поколения. Летом по всему острову замелькали невесты откуда взявшиеся серовато-желтые поджарые щенки.

Стоит поставить палатку, как сперва с опаской, а потом все смелее приближаются песцы. Самый отчаянный наверняка будет стараться что-нибудь стащить из съестного. Такого нужно сразу решительно прогнать, иначе завтра он будет чувствовать себя хозяином и его придется пинать ногами, чтобы отогнать от кухни. Если появятся новые «гости», старые будут шипеть на них, как коты, и выгибать спину, приседая на лапах.

Песец не привык бояться человека, поскольку человек не убивает песцов из ружья. Летом же человек песца вообще не трогает. Интересно, что пастей песец тоже не боится. Песцы роют норы на бровках склонов, буграх, на любых господствующих высотах, где сухо и куда не достигает паводок. На этих же местах удобно ставить пасты. Играя рядом с родительским домом, песчонок-«копанец» с первых дней жизни видит этот совершенно безопасный предмет и не обращает на него никакого внимания. Зимой песец бродит в одиночку, и тот, кому не повезет, попадает в ловушку тоже в одиночестве. Другие песцы не видят момента падения бревна в ловушке и не могут увязать причину и следствие. Во всяком случае рефлекс страха перед пастью не выработался.

...Так что эта изба к зимнему сезону готова! Теперь до осени! До осени ей придется пустовать. До встречи, родная!

10 ч. 45 м. утра.

Следующая запись сделана через три месяца, в самом конце октября. Это было горячее время для хозяина тетради, особенно октябрь, когда он должен был зарядить все свои ловушки наживой - оленьим или моржовым мясом. О моржах в этой тетради нигде не упоминается. Промысловики прошлых лет употребляли для приманки «куртях» - желудок оленя, набитый кишками. Современное поколение охотников выше всего ценит время, поэтому возиться с кишками некогда. Охотников сейчас мало, а пастей много, успеть бы хоть мясом зарядить. Понятно, что хозяину тетради было не до записей эти три месяца.

31.X.65 г., воскресенье. Сегодня выехал из Анжу (*Избушка на стрелке Анжу, остров Фаддеевский*) в 12 ч. 30 м. дня и приехал сюда в 16 ч. 30 м. Дорога очень плохая, всюду и везде торосы и торосы. Кое-как приехал. Ото льда полозьев ничего не осталось, сверх всего протерлись и сами полозья. Хорошо, что груза взял мало, благодаря чему полозья из строя не вышли и не переломились.

Рабочая поверхность полозьев, нарт перед дорогой поливается водой, и на ней намораживается слой льда, который, если ехать по снегу, держится долго. Соленый же морской лед действует, как грубая шлифовальная шкурка.

Собаки устали как черти! Четыре взрослых и три щенка. Молодцы щенята! Хорошо работали всю дорогу. Дважды перевернулась нарта. Ну и трасса у меня нынче! Четвертый год пошел, как я стал охотником, приходилось ездить вокруг островов Бельковский, Котельный, Бунге, Фаддеевский, и нигде никогда не встречал такой трассы.

Каждый год в здании «Союзпушнины», что на Московском проспекте в Ленинграде, происходит традиционный Международный аукцион мехов. Проезжая иногда по Московскому проспекту на работу, я вижу столпившиеся у тротуара перламутровые «мерседесы» и горбатые «фольксвагены», из которых вылезают и неторопливо следуют внутрь здания джентльмены.

На языке промысловиков-охотников элитные шкурки песца называются «головкой». Это шкурка сытого, крупного песца, взятого весной (но не позже середины мая, когда начинается линька), когда зимние бури выдули слабый, ненужный волос, а солнце успело отбелить мех. Лучший песец - с Новосибирских островов. «Шкура сего зверя, - писал в свое время медико-хирург Фигурин, - есть известная рухлядь, составляющая немаловажное богатство здешних жителей».

Вероятно, в международной меховой торговле действует иная терминология. Меховщик из Лондона или Брюсселя вряд ли знает слово «головка» и, держа невесомую, как бы перетекающую из руки в руку шкурку, не думает о парне, который продирался через торосы на льду у северного берега острова Фаддеевский, как, впрочем, и он не думает о дамах, которые будут носить эти меха.

24.XII.65 г. Сегодня выезжаю в сторону Анжу. Ветер сильный, встречный. Нынче настал непесцовый год. По сей день у меня всего лишь 11 песцов. Гиблое дело!

Численность песцов прямо зависит от «урожайности» лемминга. Это заметил уже А. Е. Фигурин: «...сии пеструшки доставляют немало продовольствия большим животным, и потому избыток и недостаток сих последних зависит от большего или меньшего количества пеструшек. Удивления достойные путешествия, предпринимаемые ими во множестве с островов Котельного, Фаддеевского и Новой Сибири к берегам Ледовитого моря, причиняют им от голода и подбоя ног великую пагубу». В 1812 году геодезист Пшеницын летовал на острове Фаддеевском. Неожиданная миграция «мышей» с острова оставила собак экспедиции без корма. Санников, прибывший 6 октября на Фаддеевский, «застал там геодезиста Пшеницына с товарищами в самой крайности».

Причины двух-, трех- и четырехгодичной цикличности колебаний численности лемминга пока не установлены.

Лемминг беззащитен. Его едят песцы, волки, собаки и даже травояднейший северный олень с удовольствием съест лемминга, если ему удастся его схватить. С неба на лемминга пикируют совы, сапсаны, поморники. Переплывая тундровые водоемы во время миграций, лемминги попадают в пасть гольцу или щуке. Чтобы сохранить свой род, зверек получил от природы одно оружие - плодовитость. В отдельные годы летом вся поверхность тундры между кочками покрыта протоптанными леммингами тропинками, словно трухлявое дерево - ходами древоточцев. Ходы-тропинки то выходят на дневную поверхность, то ныряют под кочки, они усыпаны кучками экскрементов и клочками «леммингова сена», заготовленного на зиму, но вырытого из-под земли песцами. Лемминги с писком выскакивают из-под сапог и быстро катятся по своим тропкам, пока не окажутся под одной из кочек. Иногда, не попав в норку, а, забежав в тупик между двумя соседними кочками, лемминг принимает угрожающую позу: толстенький зверек длиной меньше авторучки становится на задние лапки, поднимая передние в стороны и вверх (в такой позе на старинных гравюрах изображался медведь, на которого идет охотник с рогатиной), он шипит и скалит два своих длинных желтых зуба. Если бы такого зверя увеличить раз в сто, безусловно, он был бы страшен.

Почва на участках, облюбованных леммингами, буквально ходит ходуном под сапогами, а, когда их становится еще больше, поверхность тундры приобретает вид вспаханного поля. Когда же процесс доходит до апогея, наступает кризис «перепроизводства» леммингов, точнее, переосвоенности мест обитания. Тундра не может обеспечить своих чрезмерно расплодившихся обитателей пищей и жильем, и природа «включает» защитные механизмы. Начинаются миграции, о которых так образно писал А. Е. Фигурин, а в колониях, оставшихся на месте, словно по волшебству, всегда мирные грызуны становятся свирепыми хищниками, каннибалами, умерщвляющими друг друга. Природа на время лишает зверьков естественного чувства страха, и они попадают на съедение хищникам... Вся серия этих жестоких, на наш взгляд, «мероприятий» направлена на обновление и «перемешивание» популяций лемминга.

«Урожайный» на лемминга год не обязательно добычливый для охотника. Лучше всего, когда летом лемминга много и песец активно размножается, а к осени лемминг исчезает. Либо ложится такой глубокий снег, что достать грызуна трудно. Тогда голодный песец идет в ловушку...

В тетради нет больше записей, относящихся к несчастливому охотничьему сезону 1965-1966 годов, и итог мы узнаем позже, из записей декабря 1966 года: тридцать три шкурки за весь сезон. Дядя Коля с острова Бельковского говорил мне, что в самые плохие годы он добывал около тридцати песцов. Этого едва хватает, чтобы покрыть неизбежные для охотника расходы, а прибыли не будет никакой.

1.VIII.66 г., понедельник. Сюда из Центральной приехал 29-го, вернее, не приехал, а прибежал. Сам спереди, а восемь собак сзади. Уморили черти, ни за что не отстают. А сядешь на нарту - ни черта не могут везти. Пастей, начиная с Анжу, до этой избы всех отремонтировал. Сегодня занимаюсь стряпней. Вот такие дела, браток!

Кого он называет «братком»? Своего компаньона Кольку? Или разговаривает сам с собой, не имея другого собеседника в мире одиночества? Запись, приведенная выше, сделана ровно через год после самой первой записи.

6.VIII.66 г., суббота. Сегодня день туманный. Позавтракав, накормив собак, выхожу в сторону Саха-балагана (*Избушка на острове Фаддеевский*). Собак оставляю здесь. Вернусь завтра вечером. Буду ремонтировать пастей, заготавливать дров, убивать оленей, если только они есть в этом районе.

Он пишет «убивать», а не «охотиться». Охота подразумевает элемент случайности, удачи. Здесь речь идет о заготовках, которые должны быть выполнены безоговорочно, иначе все дело будет обречено на гибель. Промысловик Иван Иванович из Темпа говорил, что собачья упряжка зимой съедает оленя за три дня. Другой охотник рассказал, что его упряжке в период горячей работы нужно на день полтора оленя. Дядя Коля назвал третью цифру: один - три килограмма мяса на собаку в день в зависимости от нагрузки, а упряжка - восемь собак... Проверить точность цифр трудно.

10.VIII.66 г., среда. Выхожу в сторону Центральной. День опять туманный, ветер северо-восточный, слабый. В океане лед в движении, но из-за этого ветра от берега не может отойти... До свидания, избушка, до осени!

Строго говоря, к северу от Фаддеевского лежит еще не океан, а шельфовое Восточно-Сибирское море.

Для нашего героя избушка тоже собеседник, вроде как живое существо. Как в русской сказке: «Избушка, избушка, встань ко мне передом, к лесу задом...» Записи приятно читать, потому что в них нет горечи, напротив, ощущение полного равновесия со средой. В. Стефанссон писал, что природа Арктики враждебна только такой жизни, какой живут на юге, но гостеприимна к человеку и животному, желающим примениться к условиям Севера.

17.XII.66 г., суббота. Охота на песцов в разгаре. Нынче сезон выдался более «урожайный». По сей день поймал 65 песцов. Оленей убил в количестве 86 голов. А Колька убил 68 оленей. Так что нынче собак кормим мясом.

Нынче трасса тоже хорошая. И у меня, и у Кольки. Так что нынче на душе легко и весело. Знай только соревнуйся между собой. Эх, туда-сюда, еще два таких сезона, и прощай, острова Новосибирские!!! И поедem в Якутск. Подберем какую-нибудь бабенку и будем жить-поживать да детей наживать. Вот так, тарина! Скоро поедem в Анисий к Болтуновым праздновать Новый год.

Последняя фраза звучит совсем по-городскому: где будем встречать Новый год? У Болтуновых или, скажем, у Петуховых? Между тем от избушки до мыса Анисий на Котельном напрямую, по льду, больше ста километров. Если ехать вдоль берега, огибая губу Драгоценную, и двести наберется. Да нельзя забывать, что в это время здесь полярная ночь.

25.1.67 г., среда. Еду из Саха-балагана. День ясный, холодный. Ветер восточный. Светит полная луна.

Вы заметили: день - и светит луна?

Песцов поймано в количестве 115 штук. 14-го января убил 3 оленя...

Ниже этой записи нарисован профиль девушки в платье и в бусах. От губ, как у персонажа комикса, «выходят» слова:

«Ни пуха, ни пера!» На платье девушки изображена эмблема «Аэрофлота», очевидно, стюардесса - идеал, предмет мечтаний нашего героя.

20.11.67 г., понедельник. В 13 часов приехал из Центральной. Из пастей снял 9 песцов. Всего песцов поймано 171 штука. Завтра выезжаю в Саха-балаган...

На этом записи обрываются. Вернее, они продолжены в июле 1968 года, но уже другим почерком и на якутском языке.

Кое-что о песцах и о том, как их добывают

На территории авиапорта Темп, рядом с «командной» будкой, из вольерной сетки сооружена большая клетка. Внутри поставлен старый ящик из-под радиоаппаратуры - конура. Каждое лето кто-нибудь из молодых работников авиапорта приносит из тундры двух-трех песчат и сажает в клетку, не только в качестве развлечения, но и с тайной надеждой, не охотясь, получить зимой шкурки.

Молодой летний песец похож мордой на щенка, а повадкой - на кота, только не на ленивого домашнего кота, а на бродячего. Он так же резко выгибает спину, шипит, быстро отпрыгивает в сторону. Песцы часто дерутся и визжат, хотя пищи в клетке более чем достаточно. Звери, бегая, наступают на куски мяса, уже не обращая на них внимания. Они быстро растут, набирают вес, к осени белеют, но шкуры хорошей не получается. мех вялый, как вата, лишенный ости, которая должна придать ему упругость и блеск. (Конечно, в звероводческом хозяйстве, где профессионально выращивают песцов в клетках, применяя научно разработанные рационы питания и режимы содержания, добиваются хорошего качества меха. И все-таки «дикий» мех лучше.) Зимой надоевших песцов обычно выгоняют в тундру. Удастся ли им адаптироваться там после сытой неволи, не знаю. Следующим летом приносят новых щенков.

Песец яри близком с ним общении не вызывает симпатии. Приехав в Иран и впервые увидев шакала в естественных условиях, я сразу заметил в нем знакомые черты. Шакал и внешне похож на летнего вылинявшего песца (только ноги у шакала длиннее) и так же облаивает проходящего вдалеке человека - одновременно и визгливо, и хрипло. И характер у него такой же - нахальство плюс трусость. Роясь на помойке, шакал принимает такую же позу, как песец: он слегка приседает и подает тело назад, готовясь отскочить в любой момент.

В студенческие годы мой приятель, вернувшись с практики на Новой Земле, привез в Ленинград песчонка. Зверь, которого называли Турнепсом, прожил всю зиму на балконе, вызывая своим запахом справедливый гнев соседей, живущих выше и ниже. Открыть балконную дверь было невозможно, так как песец врывался в комнату и начинал носиться, роняя и пачкая все на своем пути. Он не удовлетворялся остатками семейного стола, а метался и царапался в дверь, требуя свежего мяса. мех его всю зиму оставался каким-то полувылинявшим, серым. Быстро научившись хватать мясо из рук, песец не приобрел никаких иных признаков прирученности: не проявлял к хозяину симпатии и даже не узнавал его. В первый весенний день мы с приятелем посадили песца в корзинку и поехали в зоопарк, рассчитывая получить добавку к студенческому бюджету. «Самец или самка?» - спросили в зоопарке. «Самец, самец», - ответил приятель с гордостью. «Самочку мы, может быть, и взяли бы», - сказали нам. «А сколько бы вы дали за самочку?» - спросили мы, оправившись от шока. «Сколько? Так бы взяли. У нас этих песцов размещать негде. Тащат и тащат...» Кое-как мы умолили взять песца бесплатно. Мы не знали тогда, что песец давным-давно уже не считается в России редким зверем.

Зимний песец на воле прекрасен? Здесь он не похож на шакала. Он уже не шурует на помойках, увидеть его теперь трудно. Завидев человека, песец уходит затылком галопом, стелясь над снегом. Его шкура, словно фосфоресцирующая на фоне сумерек, кажется белее, чем снег.

Мышкующий песец замирает в стойке, словно охотничья собака, а потом вдруг резко прыгает вбок на четырех прямых лапах. Промашнувшись, делает сразу целую серию прыжков. Если все равно не поймает, обиженно трясет головой и трусит дальше.

Песцовый промысел в России имеет старые традиции. В 1841 году Фердинанд Петрович Врангель писал о якутской ярмарке: «На ярмарку 1836 года пушных товаров в продажу поступило: белок - 615 тыс., лисиц - 16 тыс., речных бобров - 500, выдр - 200, куниц - 2000, песцов - 20 тыс., горностаев - 45 тыс., хорьков - 3500, струи кабарожьей - 10 тыс., соболей - 18 тыс., моржового зуба - пудов 1000, мамонтовой кости - пудов 1900». 20 тысяч песцов были добыты по приморской тундре - от Хатанги до Колымы. На Новосибирских островах немногочисленные экземпляры отлавливались сборщиками мамонтовой кости осенью, перед уходом на материк: кость собирают летом, а песец приобретает полный товарный вид к Дмитриеву дню (26 октября), так что эти два вида промысла, выражаясь по-современному, не увязываются в единый технологический комплекс.

Об истории песцового промысла на Новосибирских островах почти не осталось письменных свидетельств - дело велось не то чтобы тайно, но без должного учета. Готовясь в 1927 году к экспедиции на остров Большой Ляховский, Н. В. Пинегин собрал все имеющиеся как литературные, так и опросные сведения, причем не только в центре, но и в Якутске, и в Булуне на Лене. Но, только прибыв на острова, он совершенно неожиданно увидел, что там постоянно обитает целый коллектив промысловиков. Н. В. Пинегин сетовал, что, не зная масштабов промысла, он не включил в состав своей экспедиции экономиста. Впрочем, сам Пинегин оставил нам блестящий очерк «Материалы для экономического обследования Новосибирских островов», ставший единственным источником информации об организации промысла и быте промысловиков.

Охотники, промысляющие на островах сегодня, почти ничего не знают о своих предшественниках, хотя с успехом переняли у них технологию дела.

Песцовый промысел на Новосибирских островах всерьез начался только в нашем столетии, как следствие резкого роста спроса и цен на меха. Сохранился текст квитанции, датированной 1845 годом: приемная цена белого песка была от сорока восьми копеек до одного рубля. В 1911 -1912 годах песец шел в северных местностях Якутии по восемь - пятнадцать рублей, в Якутске - до двадцати четырех рублей за шкурку. В 1929 году, по данным Н. В. Пинегина, Усть-Янская фактория оценивала первый сорт в сорок пять рублей, третий - в двадцать семь. Сейчас хорошие песцы сдаются охотниками по пятьдесят - восемьдесят рублей и дороже. (Понятно, что рубли разные, тем не менее, тенденция очевидна.) Итак, подъем цен на песцовые шкурки на мировом рынке привлек на Север из центральных и южных районов Якутии энергичных и умелых людей.

Дойдя до побережья Ледовитого океана, пришельцы убеждались, что все уголья здесь прочно заняты жителями Усть-Янска, давнего центра освоения прилегающих районов. Новые люди не стали вступать в конфликт со старожилами, а подались на Новосибирские острова. Не многие промысловики остались на островах, но те, кому удалось приспособиться к их специфическим условиям, были вознаграждены по-царски: здесь был лучший песец - «головка», пасти были ловистее, чем на материке, а сезон, в течение которого шкурка отвечала кондиции, - почти на два месяца длиннее. Новые люди, свободные от груза традиций, среди которых всегда есть негативные, внесли в промысел творческую жилку и сделали его более динамичным.

В годы работы Н. В. Пинегина и М. М. Ермолаева на Новосибирских островах промысляло от двадцати пяти до сорока пяти человек, почти все - якуты, кроме одного русского и трех тунгусов. Многие охотники провели на островах по пять - десять, а один - девятнадцать сезонов. Некоторые из них видели Э. В. Толля и его спутников.

Работали артелями по три - пять человек. Если снаряжение закупалось вскладчину, то и добыча делилась поровну. Если же финансировал промысел один из членов артели, то он получал половину всей добычи, а вторая половина распределялась между остальными. (Интересно, что в этом случае «хозяин» не обязательно был руководителем артели во время промысла - старшину выбирали не по материальному состоянию, а по опыту и авторитету.) Случалось, что «хозяин» сам не выезжал с материка, а либо присылал вместо себя человека, либо никого не присылал. И на все эти варианты была выработана и принята всеми сложная система взаиморасчетов при распределении добытого.

На островах действовали стихийно сложившиеся разумные для данной ситуации законы. «Высшим органом» было общее собрание промысловиков, а исполнительную власть вершил «тойон» (в переводе с якутского - князь, или начальник), избиравшийся общим собранием на неопределенный срок, пока народ не пожелает его переизбрать. Все недвижимое имущество - избы, пасти, погреба, утварь домов - считалось общим достоянием коллектива островников независимо от того, кто и когда их строил. (На материке же в те времена пасти и все прочее считалось семейной или родовой собственностью. Поэтому кулаки могли скупать или арендовать пасти у своих неимущих соплеменников, не имеющих ни собак, ни оленей для обслуживания пастей, в результате чего в одних руках концентрировалось до

шестисот - семисот ловушек.) Распределение промысловых участков и угодий для охоты на оленей между артелями производилось весной на общем собрании островников, на каждую артель приходилось от двухсот до пятисот пастей в зависимости от того, сколько желающих промышлять было в этом году.

Ловушки настораживались в середине октября и проверялись четырежды: в первой половине ноября, в середине декабря, в середине марта и в конце мая. При последнем осмотре пасти «разряжались» на лето. Большие интервалы между осмотрами вызывались необходимостью два раза в год выезжать в Казачье для сдачи продукции и пополнения запасов.

В районах, прилегающих к устью Индигирки, проверка пастей тоже проводилась в год четыре раза: на покров (1 октября), около афанасия (18 января), около алексеева дня (17 марта) и в вешнего никола (9 мая). Причем порядок предписывал всем промысловикам выезжать из населенного пункта строго одновременно во избежание соблазна проверить чужие пасти. (На Новосибирских островах такой проблемы не возникало!) В Лено-Хатангском крае, по наблюдениям охотоведа А. А. Романова, ловушки осматривали ежемесячно, что увеличивало добычу и уменьшало вероятность порчи попавших в ловушку песцов хищниками. Однако промысловый сезон здесь оканчивался раньше, уже 15 марта.

Много ли добывали промысловики? Николаю Васильевичу Пинегину, несмотря на его дружеские и продолжительные контакты с островитянами, не удалось получить точного ответа. Охотники боялись налогов, взысканий за старые долги, боялись излишних, по их мнению, удержаний на содержание семей, остававшихся на материке, наконец, были просто суеверны (кстати, из суеверия, смысл которого остался непонятным, старики обязательно отрезали у шкурок передние лапы, хотя приемная цена из-за этого существенно снижалась). Бесспорно одно, что, несмотря на впечатляющие доходы в отдельные сезоны, в конечном счете, почти все островитяне имели долги.

В ночь на 29 октября 1929 года, приехав в гости к Н. В. Пинегину сразу после долгой и утомительной охоты на оленей, умер от «разрыва аорты» (от инфаркта?) глава островных промысловиков, всеми уважаемый Митрофан Иванов. «Вся обстановка жизни северных якутов: детство, проведенное в тесной, плохо освещенной уресе, юность в непрерывной работе, постоянные перекочевки с места на место и такие же чрезмерные напряжения в погоне за зверем, беспокойная жизнь почти без отдыха, резкие колебания температуры и сырость, неизбежно приводящие в пожилом возрасте к ревматизму, - все это, конечно, создает условия чрезмерной нагрузки сердца», - писал Н. В. Пинегин. Сегодняшние демографы сообщают, что Якутия по проценту долгожителей занимает второе место в Союзе после солнечных кавказских местностей.

В одной старой книжке я прочел, что в 1930 году на Новосибирских островах был создан Северный охотосовхоз по ловле песка, добыче мамонтовой кости и зверобойным промыслам. «Это мероприятие может дать большую эффективность по сравнению с практиковавшимся единоличным промыслом, отнимавшим много времени у промысловика на транспорт и самоснабжение и бывшим в руках кулаков». Когда и почему совхоз прекратил свое существование, мне не удалось установить. Охотник Гера Шариков, промышляющий на Новосибирских островах много лет, о совхозе не слышал.

- Как мы работаем? - рассказывает Гера. - Да примерно как старатели на золоте: каждый сам за себя. Нет, вы не подумайте, это раньше я был вольный стрелок вроде Робина Гуда, а теперь я государственный человек, член профсоюза.

Гера любит говорить красиво, а поступать - эффектно.

- А как вы участки распределяете? - спрашиваю я.

- Да мы сами, охотники, встречаемся и договариваемся между собой. Допустим, он уезжает на материк, я прошу согласия занять его участок. Потом приезжает охотовед, по-нашему - пушник, мы ему и говорим: так, мол, и так...

Сами себя они называют охотниками, слово «промысловик» малоупотребительно.

В то лето, когда мы познакомились, остров Бельковский был разделен пополам: западный берег - дяде Коле, восточный - Гере Шарикову. Дядя Коля отремонтировал свои ловушки, развез продукты по зимовьям, по своим и частично по Теркиным. Гера на острове не появлялся и не давал о себе знать. Дядя Коля нервничал, его, очевидно, страшила перспектива остаться на зиму на практически необитаемом острове только с женой и малолетними сыновьями.

- Уж не на Фаддеевский ли он снова собрался? - говорил дядя Коля, когда мы обедали у него на Бельковском. - Прошлый год - а год был неплохой, хоть и не самый лучший, - я сто пятьдесят зверюшек взял, а Герка двести или больше. Он на Фаддее зимовал. На Фаддее - лучшая охота. Лучшие песцы, и много. Но тяжело: избушки плохие, а дров совсем мало. Там дрова нужно все лето собирать по палочке и сушить. Дрова-то давнишние, они в земле, во льду, может, тысячу лет лежали...

Не тысячу, конечно, а десять или двадцать тысяч лет. Охотник говорил об ископаемой плейстоценовой древесине. Современный плавник на остров почти не попадает.

- Герка молодой, шустрый, он насобирает, - продолжал дядя Коля. - Эх, приехал бы он сюда, мы бы с ним хорошо отзимовали. Парень он вообще-то золотой, только баламут, на язык несдержан. Ему рот зашить, так цены бы не было....

Гера тоже с симпатией отзывается о своем коллеге, зовет его уважительно - дядя Коля. Мы тоже так его называли в разговорах, но для нас это было вроде как прозвище, шутка. Гера говорит «дядя Коля» на полном серьезе, как деревенский мальчик при обращении к взрослому мужику.

Трудно найти двух более разных людей. Дядя Коля к своему занятию относится, как к привычной повседневной работе - без эмоций, по крайней мере, внешних. Дяде Коле шестьдесят пять лет. До пятидесяти он жил спокойно на материке, вырастил детей (старший сын - офицер Советской Армии), в пятьдесят подался на Север с целью подзаработать на старость, а оказалось, что начал новую жизнь. Взял с собой на сезон в напарницы молодую якутку - дочку знакомого охотника, и сам не заметил, как сложилась семья: сыну уже четырнадцать набежало. Связь с первой семьей давно оборвалась, неизвестно даже, оформила жена развод или нет. При посторонних дядя Коля демонстрирует слегка ироническое отношение к новой своей семье, но видно, что любит и жену, и ребятишек.

Года два или три назад, в голодную, снежную зиму, три белых медведя взяли дядю Колю в кольцо прямо у самого зимовья, причем один перекрыл доступ к двери, и, если бы не жена, шедшая на лыжах сзади, неизвестно, чем бы это все кончилось. Дядя Коля не любит рассказывать про это. Он вообще немногословен в отличие от Геры Шарикова.

А Гера - представитель «романтической школы». Рассказы об охотнике Гере с Котельного я слышал задолго до того, как попал на острова. Он не то демобилизованный офицер, не то бывший летчик гражданской авиации, добровольно обрекший себя на многолетнее одиночество. Гера все умеет: он и радист, и механик. Восстановил списанный и брошенный какой-то экспедицией вездеход и теперь ездит по островам на собственном гусеничном транспорте. Стоя в качающейся на волнах лодке, Гера за пятьдесят метров попадает из мелкокалиберной винтовки в утку, также качающуюся на волнах. Наконец, Гера не знает несчастливых сезонов, песец сам идет в его ловушки.

Когда Гера Шариков впервые появился в нашем лагере, на нем была куртка-«канадка», испачканная настолько, что ее изначальный цвет невозможно было узнать, а из-под куртки виднелся роскошный мохеровый свитер.

- Зачем вы привезли столько геологов? - сказал он мне, знакомясь. - Отправьте их в Ленинград! Спросите меня, и я вам все покажу. Завтра и поедем!

Себя он в разговоре иногда называл траппером, а дикого оленя - карибу.

Позже, когда мы узнали его лучше, он оказался добрым парнем, готовым бескорыстно прийти на помощь. Ну, скажем, не совсем бескорыстно, а за похвалу или за возможность похвастаться. Ему действительно везло, но это была невезуха» игрока, а удачливость мастера, знающего свое дело и не боящегося работы. («Парню», впрочем, порядочно уже было за сорок.)

В тот сезон Гера действительно снова поехал на Фаддеевский, взяв в напарники новичка, только что демобилизованного солдата. Зимой напарник - «ассистент», по выражению Геры, - отморозил пальцы на ноге. Началась гангрена. Добраться до людей не было возможности, и Гера, остро отточив топор и напоив напарника до потери сознания специально изготовленной брагой, благополучно отрубил три пальца (оперировал, как выразился Гера, под общим наркозом). Сейчас «ассистент», почти двухметровый парень с детским, простоватым лицом, ходит за Герой, как собачка. На нашем прощальном ужине, я заметил, он потянулся за стаканом.

- Стоп! - тихо сказал Гера. - Разве я не говорил тебе, что алкоголь - враг спортсмена?

Осенью, встретившись с Герой на Балыктахе, в самом рыбном месте, мы, наконец, увидели его знаменитый вездеход. Это было древнее сооружение, чуть ли не связанное веревочками. Я пошутил, что Гера, возможно, единственный владелец личного грузового транспорта в Советском Союзе.

- Я его и не покупал, - ответил Гера. - Я горелую коробку в тундре нашел, полгода окалину шкрябал, потом два лета детали по свалкам искал, в керосине отмачивал, пилил, точил...

Николай Васильевич Пинегин писал: «...необходимость быть готовым к чрезвычайным лишениям и трудностям, непрерывной, день за днем, без малейшего отдыха, работе, в результате чего промыслы на островах поставлены в условия пополнения кадров не людьми средней силы и работоспособности, но отмеченными или особенной настойчивостью, или склонностью к кочевой, полной увлекательности и опасностей жизни». С известными оговорками такое положение сохранилось и теперь. Рискую прослыть консерватором, я выскажу мнение: не нужно спешить с оснащением промысловиков современными техническими средствами. Их работа тяжела? Но ведь никто не заставляет становиться охотником, это занятие вполне добровольное. «Охотников много просится на острова, - говорит дядя Коля. - Но собак нет, разучились собак воспитывать. Без собаки - ни охотиться, ни прожить». Крайне необходимо создавать средства, обеспечивающие безопасность труда охотника и облегчающие его быт. Но, если предоставить любому желающему эффективное механическое устройство, способное функционально заменить ездовую собаку, очень скоро промышлять на Новосибирских островах станет нечего.

«Наблюдения над развитием органической жизни в северных краях представляют существеннейшее значение для естественных наук»

Фраза, вынесенная в заголовок, принадлежит доктору А. А. Бунге. Дело далеко не только в том, что жизнь тундры открыта взгляду наблюдателя (попробуйте разглядеть, например, что происходит за зеленой стеной джунглей). Животный мир Севера беден количеством представителей - энергетические ресурсы тундры ограничены, и нет многообразия «экологических ниш», ведущего к пестроте животного населения, - тем обнаженнее, нагляднее взаимоотношения. Чем меньше неизвестных, тем легче - относительно! - решить уравнение. А самое поразительное - это изобретательность, которую проявляет природа, чтобы выработать у животных способы защиты от экстремальных условий Арктики. (Впрочем, условия экстремальны лишь с нашей точки зрения, для белого медведя экстремально лето в ленинградском зоопарке.)

Даже дошкольники знают, что зимой обитатели Севера белеют. Но задумывались ли вы, каков механизм этого процесса? Вероятно, для зоолога это - азбука, но я долго рылся в книгах, пока не установил, что минусовая температура стимулирует функцию щитовидной железы, направленную на окисление пигмента меланина.

А мех? Северный олень лежит на снегу, а снег под ним не тает. Полная теплоизоляция. Каждый волос оленьей шкуры (без лупы видно) - это полая трубка, заполненная воздухом. Мех оленя не имеет большой ценности, но своего хозяина он греет великолепно. Под моржом лед тает, если морж долго лежит неподвижно на льдине, даже образуется канава с водой. Но моржа это не беспокоит: теплоизоляцию обеспечивает огромный слой жира. Чем мельче зверь, тем выше относительная величина поверхности тела, приходящаяся на единицу объема, тем выше, следовательно, теплоотдача и тем более теплой должна быть шуба. Значит, самый лучший мех должен быть у самого маленького, у лемминга например. Но это практически невозможно. Хотя бы потому, что век лемминга слишком короток, а рацион слишком скуден и однообразен. Поэтому для лемминга придумано другое средство - он проводит зиму, не появляясь на дневной поверхности. «Поистине, - как писал М. В. Ломоносов, - натура тем паче всего удивительна, что в простоте своей многохитростна».

Северные олени

В коже обитателей Арктики мало капилляров, чем обеспечивается снижение теплоотдачи, а собственная температура конечностей близка к нулю. В противном случае ноги вмерзали бы в снег.

Летом все звери Арктики отличаются повышенным обменом веществ - необходимо за короткий срок накопить большой запас энергии. Зимой, когда пополнение таких запасов затруднено, белая медведица ложится в берлогу.

Природа в состоянии изобрести еще множество приспособительных «механизмов», но может ничего не изобретать, а заменить их способностью мигрировать.

«Великие стада лосей переходят со Святого Носа по льду на Ляховские острова, - писал академик Паллас сто шестьдесят лет тому назад. - Их следы простираются в ширину от 5 и даже до 10 верст». Лосями академик называл северных оленей, наблюдения относительно ширины полосы следов относятся, правда, не к району Святого Носа, а к Чукотке. Олень, конечно, не типичный мигрант, поскольку

путь его не очень далек - всего лишь в северные, материковые районы Якутия, в лесотундру, где морозы еще сильнее, чем на островах, зато ягельники богаче и легче копытить снег. Интересно, что часть стада не уходит на зиму на материк. Кто эти «домоседы» - ослабленные особи или, наоборот, наиболее приспособившиеся к условиям островов?

Песец идет за оленьим стадом. Он не нападает на оленя, но ждет, что вдруг больное или раненное охотником животное упадет. (Так же он следует за белым медведем, рассчитывая на остатки медвежьего пира.) Но главный расчет не в этом: олень раскопает снег, и будет легче поймать лемминга. Белая куропатка боится песка, но тоже тянется к копытящим снег оленям. Ее, правда, интересуют не лемминги, а почки кустарников... Цепочка едина, и вырвать из нее нельзя ни одно звено. Кстати, олень никогда не станет раскапывать снег там, где под ним нет пищи. Какой «рентген» помогает ему видеть сквозь сплошную, однообразную толщу снега, где находятся ягельники?

Ученым, изучающим окружающую среду, нужны «чистые», не измененные вмешательством человека экологические системы как эталоны, с которыми можно сравнивать. Где еще можно найти таковые, кроме как на островах? Новосибирские острова не включены в перспективные планы создания заповедников на Крайнем Севере. Природа их, очевидно, не считается уникальной. Здесь не «родильный дом» белых медведей, как на острове Врангеля, и не местообитание крупнейшего в мире стада оленей, как на Таймыре. Я и не призываю к организации заповедника на Новосибирских островах, этот вопрос должны решать профессионалы. Я - за бережное отношение, и только.

Взаимоотношения, сложившиеся между животным миром и охотником на Новосибирских островах, оптимизированы многолетней практикой. Промысловик сам выбирает уголья в зависимости от численности зверя. Он действует на свой страх и риск, руководствуясь лишь здравым смыслом, не вылавливает все поголовье и не уничтожает молодняк.

Осеннее кольцо

Осеннее кольцо

Осень. Сухогруз, стоящий на рейде Темпа, сквозь падающий снег виден нечетко и кажется небольшим длинным островом. Иногда пробивается солнце, и тогда светятся желтым бока ящиков, в два этажа сложенных на палубе. Ящиками сплошь заставлено пространство на корабле от надстройки до носа, судно сидит низко и поэтому напоминает авианосец. Становится видным и второе судно, стоящее дальше. Оно уже разгружено и вышло из воды неестественно высоко, обнажив большую полосу красного ниже ватерлинии. Но солнце выглядывает редко. «Засентябрило», - сказал кто-то сегодня утром.

Осень. Пуночки, готовясь к отлету, сбиваются в огромные шумные стаи. Пуночка - веселая птица. Весной она прилетает первой, это гонец весны, как скворец или грач в средних широтах. Среди апрельской пурги она чувствует себя превосходно. Пуночка всегда рядом с человеком, и это приятно, особенно когда рядом нет людей. Она может свить гнездо не только под крышей вашего балка, но и в выхлопной трубе трактора, который несколько дней не заводили. Летом она прыгает по крыше палатки, склевывая насекомых с нагретого брезента. Через брезент четко видны ее трехпалые лапки.

Однажды я молча работал в палатке, а две пуночки принялись скатываться по крыше, как дети с горки, и делали это полдня.

Сейчас осень, потревоженная стая пуночек с писком бросается врассыпную, словно горсть гороха, брошенная неловкой рукой.

Отрывки из дневника

В предыдущих главах я цитировал дневники разных людей. Теперь мой собственный.

25 **августа**. Утром ребята говорили между собой:

- Сегодня двадцать какое?
- Да двадцать большое какое-то уже. А что?
- К жене на день рождения боюсь опоздать. (Это - студент).
- Ты, главное, на свадьбу к ней не опоздай. Студент не понял юмора.
- Не приглашала еще на свадьбу? Ну, тогда еще ничего страшного...

Все отряды по радио сообщают, что еще не сделана кое-какая работа. Какая именно? Отвечают не очень отчетливо. Мне все понятно. Может быть, это самое приятное время в течение всего полевого сезона: три-четыре дня между окончанием маршрутов и возвращением на базу экспедиции. План выполнен, но нужно привести в порядок полевые материалы, спокойно обдумать сделанное за лето. Когда попадешь на базу и увидишь самолет, отлетающий на материк, сосредоточиться будет уже трудно. Захочется домой.

После обеда улетел в Тикси «Мухолов». Так наши ребята зовут Костю Городкова, энтомолога из Зоологического института Академии наук. Летом на чокурдахском аэродроме ко мне подошел человек с большим рюкзаком и вежливо спросил, не наш ли это самолет летит на Новосибирские острова. Узнав, что наш, попросил взять его с собой, предупредив, что денег на оплату у него нет. В самолете он вытащил из полевой сумки школьную карту Советского Союза для четвертого класса и указал пальцем на остров Котельный: «Мы летим сюда?» - «Да», - ответил я. «Спасибо, сюда мне и надо». Такая точность привязки была для него достаточной. Потом наш новый знакомый достал стеклянный пузырек, сквозь пробку которого были пропущены две изогнутые трубочки. Мы не успели понять, что это такое, как он взял одну трубку в рот, конец другой ловко подвел к комару, летавшему по салону самолета, потянул в себя воздух - и комар оказался внутри склянки. Городков изучал комаров, и этот пузырек был его основным орудием труда. Нашим геологам объект изучения не казался серьезным, мы считали, что комаров нужно уничтожать, а не изучать, академический облик «Мухолова» располагал к юмору.

В течение сезона Городков редко попадался на глаза. Лишь иногда он бесшумно появлялся в балке и просил взять его на вездеход, уходящий в дальний маршрут. За лето он незаметно побывал на всех островах. Мы считали, что на Новосибирских островах комаров нет: изредка, в особо жаркую погоду, укусят один-два неизвестно откуда взявшиеся. Городков умудрился найти несколько их видов и ожидал от своих находок важных результатов.

Вчера в первый раз я разговаривал с ним серьезно и узнал, что за несколько лет он объездил всю советскую Арктику. В средствах он был очень ограничен. Его единственным «капиталом» была вежливость, а на Севере это ценится. Главное же, все, с кем ему приходилось иметь дело, видели, что Городков - энтузиаст. Энтузиасту отказать невозможно.

Я спросил, не родственник ли он В. Н. Городкову, полярному исследователю, автору фундаментальной работы «Растительность и почвы о. Котельного», «Сын», - ответил наш Городков.

26 **августа**. Д. А. Вольнов, Эля и я поехали в район полярной станции Котельный посмотреть пермский разрез. Собственно, это был не рабочий, а скорее ознакомительный маршрут, чтобы наметить участки детальных исследований на следующий сезон. Настроение у нас было чемоданное, по дороге много разговаривали, шутили, на карту смотрели невнимательно и в итоге перепутали речки. Мы вылезли из вездехода, думая, что здесь начало нашего маршрута. Водителя же послали вперед километра за три, попросив приготовить там чай. Уходящий вездеход был еще виден на склоне, когда мы убедились что начинать маршрут нужно не здесь, а именно там, куда мы направили водителя. Мы замахали руками, но было поздно

Идти в шубе было тяжело. Мы шли по берегу моря под скалами, пляж был совсем узкий, местами возвышались «непропуски» - обрывы, уходящие прямо в воду. Волна била в камень. Ветер дул порывами. В интервалах между порывами ветра было тихо, но волны, казалось, взлетали еще выше. Перед очередным «непропуском» я дождался самой высокой волны, затем отсчитал девятый вал и, как только он схлынул, решил пробежать под скалой. Однако оказалось, что-либо вал был восьмым, либо десятый вал еще сильнее девятого. Окапало освежающим душем, «кипящая» вода прошла между сапог, вымывая гальку из-под подошв. Пришлось собирать мелкий плавник и разводить костер.

Отложения пермского возраста на этом участке первым обнаружил наш коллега В. А. Виноградов. Раньше их не знали в этой части Котельного, находка существенно меняла представление об истории геологического развития района, и нам хотелось либо убедиться в этом самим, либо опровергнуть. Мы долго искали фауну, пока не напали на слои с обилием явно пермских пелеципод и брахиопод. Слава Виноградов не ошибался.

Мы с Вольновым окоченели и думали только, как скорее попасть домой. Однако Эля невозмутимо продолжала работать, ее красные лыжные брюки ярким пятном выделялись на черном фоне обнажения. Наконец, нам удалось уговорить ее спуститься, и мы уже почти дошли до вездехода, как вдруг Эля спохватилась:

- А какая мощность верхней пачки?

- Пятьдесят метров, - сказал Вольнов.

- Нет, больше. Метров семьдесят.

- Точно, семьдесят, - согласился Вольнов. - Поехали ради бога...

- Нет, это ты просто так согласился, чтобы я отвязалась. А надо замерить.

Напрасно Вольнов пытался доказать, что сегодняшний маршрут лишь рекогносцировка, а детальное изучение этого разреза мы начнем в будущем году. Эля заставила нас мерить мощность.

27 **августа**. Завтра едем с Колей Манкевичем в последний кольцевой маршрут по отрядам. Колю, как всегда, мучит предстартовая лихорадка. Его вездеход давно готов к поездке. Если бы фары не были разбиты, Коля заставил бы меня ехать ночью. Ему не спится, он то и дело заходит ко мне с вопросами.

28 **августа**. Выехали рано, когда все спали. Прилив еще не начался. Ехали прямо по отмели. Кое-где сидели одинокие чайки. Прежде чем взлететь с илистой отмели, чайка разбегаются, делая медленные и широкие шаги, вытянув вперед шею.

Мы едем в отряд М. К. Косько, он стоит на реке Решетникова. Унтер-офицер Решетников, известный своей отважностью, а также слесарным и оружейным искусством, был спутником М. М. Геденштрома.

Пока мы ехали, я думал о том, как бы было хорошо иметь машину, сконструированную специально для наших условий. Но это не мешает мне вспомнить добрым словом тесную и теплую кабину ГАЗ-47. И даже не только кабину вездехода.

Первые, рекогносцировочные, геологические исследования на Севере были сделаны с помощью собак.

Вся мелкомасштабная геологическая съемка Арктики выполнена на оленях. Выючный олень кажется очень слабым, особенно когда жарко и когда донимают комары. Но кто сосчитает, какие миллионы тонна-километров проделаны оленями по арктическим тундрам с геологическими грузами на спине? Нет более безотказного и более безобидного домашнего животного, чем олень. Олень не может ни лягнуть, ни укусить. Его единственное оружие - убежать. Он и применяет его, но редко, так как каюры все равно его найдут.

На следующем этапе - при среднемасштабной съемке - оленя сменил гусеничный вездеход. Жизнь геолога облегчилась во много раз. Существует такое понятие - «региональная техника». Это техника, созданная в расчете на специфические природные условия конкретного региона. Вездеход ГАЗ-47 не относится к категории «региональной техники». Машина выпускалась в единой модификации и для Норильска, и для Каракумов. Тем не менее, везде она работала честно, в том числе и на наших островах.

Коля спокоен. Он щурится, высматривая дорогу. Наконец поднялись на пологий водораздел и вышли из машины, чтобы размять ноги.

- Нет! - сказал вдруг Коля, хотя я молчал и ничего не утверждал. - В тайге осенью красивее, чем в тундре. Помните Хорбусуонку, шестьдесят второй год? Когда я еще оленя изображал...

Я помнил. Наш вездеход тогда долго и с натугой взбирался на гору. И вдруг открылась широкая и плоская, окруженная скалистыми склонами долина Хорбусуонки. Далеко на востоке речка вилась среди леса, а запад, где ее долина сливалась с долиной Оленека, тонул в солнечной дымке. Ощущение простора, как при взгляде с самолета. Потом мы спустились вниз и очутились внутри громадного цирка, который был выпилен рекой в массиве желтовато-розового, под цвет солнца, известняка. Нижние ярусы шли огромными ступенями, словно трибуны стадиона, если смотреть на них с футбольного поля, а верх венчали столбы, башни, шпили, фрагменты стен... Неправдоподобно голубая река, разбиваясь на рукава, струилась среди белой, сухой, нагретой солнцем гальки. Местами в русле выходили коренные породы, словно каскад купален, и вода тихо перетекала со ступеньки на ступеньку.

Когда мы подъезжали, со скал амфитеатра сорвались и мгновенно исчезли три диких оленя, которые стояли там на ветру, спасаясь от комаров. У Коли это был первый в жизни полевой сезон, и ему не терпелось поближе посмотреть на оленя. Взяв топор, Коля вырубил большую ветвистую ветку, закрепил ее над своей головой, взобрался на скалы и, пока мы ставили палатки, ползал там на четвереньках, изображая оленя. Он рассчитывал, что какой-нибудь убежавший олень вернется, приняв Колю за своего.

28 августа. К лагерю подъехали вечером, и одновременно с нами подошли из маршрута М. К. Косыко с техником Колей Громовым. У Коли на шее был надет воротник, отрезанный от свитера, самого же свитера не было. А сзади, как фартук, была подвязана оленья шкура, чтобы не холодно было садиться.

- Николай Иванович, - сказал Манкевич, - ты в маршруте сильно не нагибайся, не дай бог, кто-нибудь из карабина в тебя засадит. Подумают, олень...

Коля сбросил на землю тяжелый рюкзак с образцами, не обратив внимания на шутку Манкевича:

- Все! Больше в этом сезоне его не понесу, будь он хоть с деньгами.

Рассказывали, что прошлой осенью Громов разрезал спальный мешок там, где ноги, и подшил туда валенки, чтобы ночью можно было вставать, не покидая мешка.

Посмотришь на Громова со стороны - вроде как паренек, мягко говоря, чудаковатый. Между тем двадцать пять лет ездит в Арктику. Знает любое дело. И делает любое дело, не претендуя ни на большие деньги, ни на карьеру...!

Поздно вечером, при свечах, смотрели карты, составленные Мишей Косько. Косько сдержан и подтянут. Он разговаривает на «вы» со всеми своими сотрудниками. Это исключает фамильярность и помогает поддерживать дисциплину в отряде. Я тоже против одностороннего начальственного «ты», но допустимы исключения: при существенной разнице в возрасте. Косько не признает и таких исключений.

Потом мы ужинали. Ужин - лучшее время в экспедиции: сегодняшние заботы уже позади, от завтрашних еще отделяет ночь. Можно расслабиться.

29 **августа**. Утро. Мороз. Выпавший перед рассветом снег ветром переметает по лагерю. Местами оголяется серая земля,

местами набегают белые сугробы. Перед входом палатки быстро вырастают свежие снежные барханы, поэтому кажется, что двери никогда не открываются, лагерь необитаем.

Мы уезжаем дальше, и отряд тоже снимается, едет в Темп. Кто-то хочет погрузить в вездеход напиленные и наколотые дрова.

- Пусть лежат, - говорит повар Морин. - Может, через сто лет сюда люди придут, обрадуются.

Погрузили в кузов несколько бревен. Сухих, звенящих, как старые телеграфные столбы.

30 **августа**. Приехали на место выхода битуминозных базальтов. Снова исползали всю долину в поисках коренного их залегания и не нашли. Колька даже выдолбил ломом небольшую канаву в том месте, где, как я предполагал, выход верхней границы базальтов. Красиво работает Коля. Любое дело он делает в два раза быстрее, чем средний человек. При этом делает хорошо.

...Возвышенности в районе хребта Шмидта покрыты снегом, который лег уже основательно. По глубоким участкам долин сохранился старый снег. Воды в реках, кроме Драгоценной, почти нет: отдельные ямы, наполненные водой.

1 **сентября**. Земля Бунге. По-якутски - Улахан-Кумах («большой песок»). Песок замерз, вездеход летит, как по асфальту. Вся Земля - словно дно лагуны в отлив. Дорогой все время видели миражи: то леса, то пальмы, то стада оленей. Ориентиров нет, если не считать тракторные следы и бочки, расставленные нашими геофизиками в качестве вех. Думал, что должно быть видно очень далеко, а буровую заметили, наверное, с полутора километров.

Мы увидели нечеткий силуэт трактора, за кабиной которого возвышалась буровая вышка, поставленная вертикально, в рабочем положении. Казалось, вышка слишком велика для этого трактора и должна опрокинуть его назад. Рядом носом к нам стоял еще один трактор - болотоход, с неестественно широкими, массивными гусеницами. Несколько палаток и поставленных на сани балков издали производили впечатление населенного пункта.

На Земле Бунге нет стабильной береговой линии. При нагонных ветрах Земля подтапливается морем. Сережа Беймарт, начальник бурового отряда, сказал:

- Не поймешь, где вода, где суша. Вечером море было справа от балка, утром - слева. Без резиновых сапог не выйдешь.

Сейчас сухо, по мерзлому песку метет поземка, возле черных стволов, кое-где торчащих из песка, образуются завихрения, ветер издает звук, словно вода, бьющая из крана.

В палатках топят соляжкой, дров у них нет. Посмотрели вместе полученные материалы. Наконец Земля Бунге начала кое-что «говорить» на геологическом языке.

Дальше поехали на северо-восток. Кругом пустынно: низкие дюны, волнистый рисунок ряби на песке. Мертвая, холодная земля. Еще и не земля даже, а только «заготовка». Землей она станет, когда жизнь освоит это пространство. Наступление уже началось. Тут и там видны отдельные кустики растительности, как бы кочки среди моря песка. Каждый кустик невелик - можно прикрыть шапкой, но дециметр за дециметром они отвоевывают жизненное пространство у песков.

3 **сентября**. Через стрелку Анжу проехали на остров Фаддеевский. По стрелке ехать неплохо. Сам водораздел, сложенный сухими, безо льда, песчаными породами, обладает ровной, прочной поверхностью. Надо только держать курс строго по самому гребню; боковые овраги и верховья ручьев так круты, что пересечь их на вездеходе невозможно.

Остров Фаддеевский... Ей-богу, прав был Матвей Матвеевич Геденштром, когда утверждал, что об этом острове ничего хорошего сказать невозможно. Представьте себе пять тысяч квадратных километров сплошных байджерахов.

Остров Фаддеевский в основной своей части сложен рыхлыми четвертичными осадками, которые пронизаны жилами льдов. В береговом обрыве, например по юго-восточному берегу острова, видишь ледяную стену, рассеченную трещинами, полными рыхлого песчано-глинистого материала. Если бы мы имели возможность просмотреть на остров с высоты птичьего полета, да еще заглянуть внутрь с помощью «рентгена» через почвенно-растительный покров, мы бы увидели ледяную решетку, сеть, ячейки которой заполнены песком или глиной. Под солнечным теплом ледяная решетка тает, почва над ней проседает, а песчано-глинистый субстрат остается на месте, образуя кочки или своеобразные «столбы» высотой иногда в два человеческих роста. Это и есть байджерахи, а явление, их порождающее, называется термокарстом.

Формы термокарстового рельефа бесконечно многообразны. Есть «оспennyй» микрорельеф - от слова «оспа», когда отдельные ямки, блюдца, разделены буграми вспучивания; есть рельеф «полигональный», есть «клумбовидный»... Иногда на огромных пространствах стоят ровные как на подбор столбообразные байджерахи, словно фигуры на шахматной доске. Имеются и лунные пейзажи: огромные котловины, кратеры,

бездонные провалы, россыпи конических бугров, похожих то на маленькие вулканы, то на термитники. Кажется, что тут шли вулканические извержения, подвижки, катастрофические перестройки поверхности. А на деле - всего лишь мерзлота. Вспучивание, таяние, просадка грунта. Верховья ручьев имеют вид цирков - тоже котловины вытаивания. Здесь вязко, топко, почва плывет под ногами, склоны покрыты зеленой травкой. Ручьи текут как бы в глубоких трещинах, которые не перейти, не переехать, это результат отепляющего действия воды на льдистые грунты.

Двигаться по байджерахам трудно, что пешком, что на вездеходе. Машина переваливается с кочки на кочку, как лодка на волне, только не плавно, а так, что зубы стучат о зубы.

Наконец, выехали в долину Улахан-Юряха, где стоит наш последний отряд. Улахан-Юрях - самая большая река острова Фаддеевского, в переводе с якутского ее название так и звучит - «большая река». Улахан-Юряхи есть почти в каждой местности Якутии.

В том месте, куда мы спустились, ширина долины была, пожалуй, не меньше ста метров. Река меандрирует, вьется по долине, и ехать по ней тоже нелегко: к вогнутым участкам петель приурочены обрывы, закрытые грязными старыми снежниками, к выпуклым - вязкие глинистые отмели. Само русло глубокое, нужно смотреть внимательно.

Улахан-Юрях берет истоки почти у самого южного берега острова, долго течет прямо на север, а затем вдруг поворачивает чуть ли не обратно, к юго-востоку. Объяснить такое путешествие реки просто: северная часть острова в наши дни активно поднимается, преграждая путь реке.

От тряски так разболелась голова, что, когда приехали в лагерь, я с трудом мог разговаривать.

4 **сентября**. Взяли с собой целую группу людей, кому срочно нужно было домой, в том числе и моего старого товарища Виктора Зенкова.

Во всех книжках, где описывается климат Новосибирских островов, есть фраза: «Морозящие дожди и туманы, ограничивающие видимость». Когда ехали обратно, был морозящий снег. И туман тоже был.

Река Балыктах

7 **сентября**. Река Балыктах. Огромные петли. Низкий берег. Под обрывом - широкая песчаная пойма. Стоит отойти на несколько метров - и реки не видно. Петли так велики, что трудно охватить взглядом всю петлю и трудно точно «привязаться» к карте. Все петли похожи друг на друга, как витки спирального телефонного провода.

Где-то здесь должны быть две бочки с бензином, которые еще весной сбросили с самолета по моей просьбе. Бочек не нашли. Вечерело, встали на ночевку. Дров нет, примусы задувает. Кое-как обосновались. Опять пошел снег.

Утром вышли на поиски бочек. Я шел вдоль озера. По высокому берегу легко было шагать. Потом пошла низина, красные мочажины, почва, уплывающая под ногами - страшновато даже ступать. Далеко впереди увидел что-то черное. Оказалось, что это гурий, сложенный из дерна. Наконец нашли наши бочки: у одной выбита пробка, у другой дно лопнуло по сварке. Бочки с самолета нужно бросать на снег, а если снега нет, - на болото или в неглубокое озеро. Эти же бочки бросили прямо на мерзлую почву.

Идя обратно берегом реки, вдруг увидел бочку, зеленую, почти не ржавую, наполовину погрузившуюся в песок. Побежал к палаткам за молотком, чтобы отвернуть пробку, потом - назад. Однако в бочке оказалась солярка, дизельное топливо. Впрочем, и она пригодилась: залили ее в консервные банки и подожгли, немного обогрели палатку.

Бензина нет, ехать дальше нельзя. Конечно, есть трудности несравненно более серьезные. Например, зимовка в тундре. Но одно дело, когда готовишься и специально настраиваешься, другое - когда застрянешь случайно. На счастье, мы взяли из геофизического отряда радиста с рацией. Связались с Темпом. Бензин привезут, но не раньше чем через два дня.

3 **сентября**. Холодно. Никому ничего не хочется делать. Только Зенков и Манкевич не унывают. Они еще вчера наладили сети и не теряют времени. Речка, где мы сейчас стоим, - единственная на островах рыбная. Здесь, в устье Балыктаха, ловится голец.

Все современные исследователи, работавшие на Новосибирских островах, обязательно попадают в район устья Балыктаха, просто никак не миновать это место. Хотя ничего достопримечательного, кроме гольца, здесь нет.

Виктор Зенков и Коля Манкевич проверяют сети по очереди.

- Не надоело? - спрашиваю я.

- Как можно не проверять? - недоумевает Коля. - Иначе так запутается, что и специально так не закрутить...

На рассвете я поднялся, заслышав очередной плеск весел. У Виктора лицо синее, руки красные.

- Ну, как дела? - спросил я.

- Плохо.

- А что так?

- Мешок с рыбой одному из лодки не вытащить.

Холодная, упругая, словно резиновая рыба шевелилась на дне клиппербота.

Рыба из реки Балыктах

- Не надо, Володя, не грусти, я ведь все вижу, - сказал Виктор, - все будет в лучшем виде.

Вечером Виктор опять проверял сетку, а я стоял на берегу и смотрел. Снег падал на темную воду и исчезал. Потом поплыли серые хлопья, вертясь на течении. Снегопад стал таким густым, что красный клиппербот оказался как бы висящим в молоке. В этот момент меня позвали из палатки. Радист бежал сюда и размахивал листком бумаги. Это была радиограмма о рождении Наташи.

(Я пишу эту главу, Наталья играет на диване, а ее старшая сестра Катя разговаривает по телефону с подругой о прототипах героев Лермонтова.

- Прототипы, - бормочет Наталья, поймав незнакомое слово, - это кто такие? Я не знаю. Прототипы? Наверное, это такие люди. Или нет. Наверное, это такие звери. Но не страшные.)

...С самолета осенняя тундра эффектна. Огромные долины. Замерзшие реки. Буйство коричневой, оранжевой и белой красок. Конечно, в тайге осенью красивее. Но и в тундре есть свое очарование.